

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Булат
ОКУДЖАВА

Похождения Шипова, или Старинный водевиль
Истинное происшествие

ImWerdenVerlag
München 2005

Содержание

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА	3
1	4
2	7
3	32
4	35
5	55
6	60
7	71
8	81
9	84
10	101
11	105
12	121
13	126
14	139
Эпилог	142

© Булат Окуджава (наследники).

Печатается по изданию: Булат Окуджава. Похождения Шипова, или Старинный водевиль.

Приложение к журналу «Дружба народов» М., «Известия», 1979, 512 стр. с илл.

Редактор приложений Е. Мовчан

© «Im Werden Verlag». Некоммерческое электронное издание. 2005.

OCR: Pirat. Корректурa: Андрей Перенский.

<http://www.imwerden.de>

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Т о л с т о й Лев Николаевич, граф, отставной артиллерии поручик, тульский помещик, литератор, 34 года.

Д о л г о р у к о в Василий Андреевич, князь, генерал-адъютант, шеф жандармов, главный начальник III отделения, член Государственного совета, 58 лет.

В а л у е в Петр Александрович, статс-секретарь, министр внутренних дел, 47 лет.

П о т а п о в Александр Львович, генерал-майор, начальник корпуса жандармов и управляющий III отделением, 44 года.

Т у ч к о в Павел Александрович, генерал-адъютант, московский военный генерал-губернатор, член Государственного совета, 59 лет.

К р е й ц Генрих Киприянович, граф, московский обер-полицмейстер, 50 лет.

М у р а т о в Николай Серафимович, тульский жандармский полковник, 48 лет.

М а т р е н а , московская мещанка, возраст неизвестен.

К а с п а р и ч Дарья Сергеевна, Дася, вдова капитана Каспарича, возраст неизвестен.

К а р а с е в , крапивинский исправник.

К о б е л я ц к и й , становой пристав.

Мария Николаевна Т о л с т а я , сестра Льва Николаевича Толстого, графиня.

Е р г о л ь с к а я Т. А., тетушка Л. Н. Толстого.

Д у р н о в о , жандармский полковник.

Ш е н ш и н Дмитрий Семенович, подполковник, чиновник особых поручений при московском военном губернаторе.

Ш л я х т и н , частный пристав московской городской полицейской части.

Г и р о с Амадей, мелкий полицейский сотрудник, доносчик, филер. Грек, а может быть, цыган или итальянец, 30 лет.

Ш и п о в Михаил Иванович (он же М. Зимин), сыщик при московской полиции, специалист по карманным воришкам, бывший дворový человек князя В. А. Долгорукова, 36 лет.

Трактирщики, половые, жандармы, возницы, мужики, бабы, нумерные, горничные, швейцары, гости, студенты, волк и...

Действие происходит в 1862 году.

СЕКРЕТНО

(Из донесения жандармского штаб-офицера)

...В Тульской губернии проживает в собственном имении «Ясная Поляна» отставной Артиллерийский Офицер Толстой, очень умный человек, воспитывался, кажется, в Московском Университете и весьма замечателен своим либеральным направлением, в настоящее время он очень усердно занимается распространением грамотности между крестьянами, для сего устроил в имении своем школы и пригласил к себе в преподаватели тоже студентов, особливо тех, которые подверглись каким-либо случайностям, оставили Университет, и, как слышно, у Толстого находятся уже 10 человек, которым он дает хорошее жалованье и готовое содержание.

Нельзя ручаться, насколько справедливы дошедшие слухи, что у Толстого, когда собрались все преподаватели, была сказана речь, в которой весьма многое заимствовано из разных предосудительных изданий...

СЕКРЕТНО

Управляющий III Отделением
Собственной Его Императорского
Величества Канцелярии
С.-Петербург

Господину Полковнику Корпуса Жандармов,
находящегося в Тульской губернии, Муратову

Получено сведение, что проживающий в Тульской губернии в собственном имении «Ясная Поляна» Граф Лев Толстой приглашает преподавателями в учрежденную им в этом имении крестьянскую школу студентов, преимущественно таких, которые по каким-либо обстоятельствам должны были оставить Университет.

Вместе с тем сообщено также, будто бы недавно в кругу этих преподавателей, коих, как говорят, в означенной школе до десяти, произнесена была речь возмутительного содержания.

Прошу Ваше Высокоблагородие осторожным образом узнать, в какой степени справедливо вышеизложенное, и о последующем уведомить меня, с сообщением сведений о помянутом Графе Толстом и о помянутой речи, если Вы найдете возможным ее получить.

Кстати, кажется, Граф Лев Николаевич — автор «Детство», «Юношество», «Воспоминание о Севастополе» и проч.

Генерал-майор Потапов

От штаб-офицера
 Корпуса Жандармов,
 находящегося в Тульской
 губернии, г. Тула
 Управляющему III Отделением
 Собственной Его Императорского
 Величества Канцелярии
 Свиты Его Величества
 Г-ну Генералу-Майору и Кавалеру Потапову

Штаб-офицер Корпуса Жандармов, находящийся в Московской губернии, Полковник Воейков, уведомил меня, что Граф Лев Толстой, распространяя грамотность между простым народом, завел школы в имении своем, пригласив в качестве учителей студентов числом до 10-ти человек. Вследствие чего я сделал вновь дознание, по которому оказалось, что в открытые Графом Толстым школы, волостные и сельские, поступали учителями воспитанники, окончившие курс в губернских гимназиях, а также некоторые студенты, находящиеся под негласным надзором.

О чем, в исполнение предписания Вашего Превосходительства, имею честь почтительнейше донести Вашему Превосходительству.

Полковник Муратов

(Из неофициальной записки Генерал-Майора Потапова
 Начальнику III Отделения, шефу жандармов, князю Долгорукову В. А.)

Ваше Сиятельство!

...Известие о том, что в имении Графа Льва Толстого в Тульской губернии в открытых им школах имеют приют находящиеся под негласным надзором студенты университетов, подтвердилось донесением Полковника Муратова.

Ввиду совершающихся фактов, а именно, когда ведется открытая война противу правительства не только демагогами и социалистами, но и людьми, заявляющими свое либеральное направление, должно по мере возможностей считать полученное известие заслуживающим всяческого внимания.

3 часа ночи

(Из записки князя Долгорукова В. А. генералу Потапову)

...и нельзя не придавать этому значения.

Соотнесите с министром Валуевым, а через него, быть может, с графом Крейцем относительно возможностей уточнения факта.

Не полезно ли будет в данном случае заручиться помощью и участием агента, могущего выполнить подобное конфиденциальное поручение с крайней деликатностью?

Переговорите об этом предварительно с компетентными людьми. Окончательно мы решим вопрос при свидании.

Только ради Бога следует всем этим распоряжаться так, чтобы ни в коей мере до окончательного установления истины не беспокоить Графа Толстого, ибо не исключено, что предосудительность его занятий окажется мнимой, в чем, кстати, почти уверен...

(Из записки генерала Потапова — министру внутренних дел Валуеву П. А.)

...ибо князь надеется на Ваш добрый совет и весьма рассчитывает на Ваше в сем деле участие...

(Из официального предписания
министра внутренних дел Валуева П. А. — Московскому
обер-полицмейстеру графу Крейцу Г. К)

...Особые обстоятельства побуждают меня настаивать на самом тщательном подборе кандидатуры, коей будет это поручено.

(Из письма генерала Потапова — Московскому
Генерал-Губернатору Генерал-адъютанту Тучкову П. А.)

...ибо князь надеется на Ваш добрый совет и весьма рассчитывает на Ваше в сем деле участие...

(Генерал-адъютант Тучков — чиновнику
Московского Военного Генерал-Губернатора, подполковнику Шеншину Д. С.)

...при этом незамедлительно, отложив все прочее, принимайтесь, милостивый государь, за поиски, учитывая всю сложность и щекотливость данного Вам поручения и основываясь на письме Его Превосходительства Генерал-Маиора Потапова...

(Из записки подполковника Шеншина — частному приставу Шляхтину)

...Прощупайте его, что за человек, хотя мне известно, что по части разыскания мелких воров он дока. Кроме того, желательно, чтобы Вы помнили, что он из бывших дворовых Князя Долгорукова, а это, ежели он об том будет понимать, придает ему надежности. Что за резон ему подводить своего все сильного благодетеля? Весьма надеюсь, что князь останется в этом смысле доволен вашим участием.

(Из письма Л. Н. Толстого — Т. А. Ергольской)

...Дела все задерживают меня (в Москве), и я едва ли успею закончить издание раньше половины будущей недели. Здоровье мое хорошо, но скучно ужасно и хочется домой... Всем кланяюсь и целую ваши руки.

2

В трактире Евдокимова уже собрались было гасить лампы, когда начался скандал.

Скандал начался так. Сперва в зале все выглядело благообразно, и даже трактирный половой Потап сказал хозяину, что, мол, нынче Бог миловал — ни единой битой бутылки, как вдруг в глубине, в полутьме, в самой сердцевине загудело, будто пчелиный рой.

— Батюшки-светы, — лениво изумился хозяин, — вот, Потапка, сглаз твой, чорт! Ну надо ж было каркать, чорт!

— Хоп, — весело сказал Потап, — момент. Сейчас переговорим... — И словно провалился в омут, вознеся кулаки над головой.

Тут хозяин вспомнил, как еще до наступления темноты шибко застучало сердце, когда он глянул в дальний конец. Там в мутном, сумеречном сиянии окна сидели за столиком двое. Один, высокий и худой, так себе, не стоящий внимания, похожий на птицу, хватившую лишнего, словно бы спал. Другой, странного вида, в поношенном гороховом пальто, будто барском по покрою, в пышных соломенных бакенбардах, надменно вскинул востренький подбородок. Такой пропившийся барин, допивающий остатки бывшего благополучия, низвергнутый с казенной службы. Барин, барин, истинно барин — вот как качнул ладонью, подзывая Потапку, хотя угощение заказал не барское: тертая редька и это... вдруг вот так по-извозчичьи утерся рукой, вместо того чтобы платочком, пусть дырявеньким, да с гордостью. Нет, так вот прямо ладонью и утерся. И пока его компаньон клевал носом да вроде пытался что-то сказать, но не мог, этот, в гороховом, потягивал да подливал из зеленого штофчика и жевал свою редьку, пока не зажгли лампы. И тогда хозяину показалось, что лохматая тень странного человека наклонилась влево, к соседнему столу, где сидели два аккуратных студента: то есть сам он сидел вроде неподвижно, а вот тень его...

Тут-то сердце у хозяина и застучало. И он сказал Потапу:

— Чего это они сидят, слова не скажут?

— Ох, — засмеялся Потап успокоительно, — да пушай сидят. Другие тубаретками кидаться зачнут, а эти сидят... Пушай их.

Потом Евдокимов отвлекся к своим хлопотам, и так почти до самой полуночи жизнь не обижала его, когда в том конце началось...

— Хоп, — весело сказал Потап, — момент, сейчас переговорим. — И словно провалился в омут, но тотчас же вынырнул обратно, пуская красные пузыри. — Хоп, неудача, — сказал он виновато и закричал на весь зал: — Братцы, наших бьют! Православные, вступайтесь! — И умчался за городовым.

Впрочем, трудно было утверждать с определенностью, что там дрались: дерущихся хозяин не видел, только безумные тени метались по стене. Однако как это вспыхнуло, так тотчас и погасло. Два аккуратных студента пробирались меж столиками к выходу, а тех двоих что-то не было видно.

«Неужто убили? — холодея, подумал Евдокимов. — Эти вот вон энтих...» Опытный его глаз примерился к двум аккуратным душегубам. Они переминались с ноги на

ногу. У самого высокого на тонкой шее подрагивал кадык, белые губы были закушены; второй, бородатый, держался за щеку. Хозяин загородил им выход грудью, бородой, лицом, переполненным ужаса.

— А гороховый где?.. А денежки платить, господа хорошие?.. А я-то на что?..

— Что за чушь! — сказал бородатый студент. — Какой еще гороховый?.. Там ваш постоялец свел счеты со своим другом, дал ему по физиономии...

— Вот рукав мне залил, — сказал высокий. — Чего вы от нас хотите?..

— Я знаю, чего хочу, — сказал Евдокимов, — знаем вас...

Он стоял, растопырившись, ощетинившись, умирая от страха, и городовому пришлось его отодвинуть, чтобы войти.

Потап проскользнул следом, прикрывая ладонью разбитый нос.

— Потапушка, — ужаснулся хозяин, — кто ж тебя, чорта, эдак?

— Они-с, — сказал Потап.

И все поглядели в темный конец зала. Наступила тишина. Все поднялись со своих мест, трезвея. Никто не уходил. Всем хотелось знать, что будет.

— Наконец в глубине послышалась возня, и странный человек в гороховом пальто появился на свет. Он медленно двигался на хозяина, то ли прихрамывая, то ли пританцовывая, и Потап вдруг оживился, похлопал высокого студента по плечу.

— Ничего, ребяташки, держись за Потапа... Смотрите, как нынче подновинские дело делают! — И оборотился к странному человеку: — Хоп, они оживели-с, прочухались... Ну, иди сюда, иди-иди... Это кто ж там идет, такой бриллиантовый? Не вижу, не вижу, кто... Эй, православные, шире круг, по русскому обычаю... Сейчас сделаем...

А странный человек все приближался, наклонив голову с укором, хотя глаза были широко раскрыты и затаенная конфузливая улыбка покоилась на губах.

Теперь хозяин разглядел его. Росту гороховый был небольшого, хотя в самый раз, не широк в плечах, но и не тщедушен; в руке держал измятый кошелек. Из-под распахнутого пальто выглядывали крахмальная манишка в пятнах и черный распустившийся галстук.

— А кто там идет? Кто? Не вижу... — негромко проговорил Потап в тишине. — Сейчас, момент, я только спрошу у них, как они вон энтих господ задирали, — и кивнул студентам по-приятельски, — сейчас, сейчас... Ассигнациями плачу-с...

Утром хозяин утверждал, что в тот момент он отчетливо видел, как над головой странного человека вспыхнуло и погасло сияние.

— Чего головку-то наклонил? — выкрикнул Потап. — Аи свету боишься?.. Эх, подновинские!

Странный человек остановился, поднял голову и, презирая выставленные кулаки Потапа, сказал негромко:

— Ну, будя, будя тебе... Ну чего вы, ей Богу? Я дружка своего маленько поучил. А вам бы только кулаками махать... Интересно мне, как вы готовы человеку антраша кинуть, ежели он не в себе... Садитесь, господа, по своим местам, пейте, ешьте... Ах, мезальянс какой!..

— Позволь, позволь, — сказал Потап, — позвольте, сударь. Я обиды не потерплю-с. Я ассигнациями плачу...

Но странный человек даже не глянул в его сторону, а глянул на двух студентов и сказал:

— Ежели что, пардон, извините... Хотя я вижу ваши благородные лица, эскузе муа, нету в вас ко мне зла. Это хорошо. Это преотлично. Со злом что? Куды с ним?.. А рукавчик почистить можно... — И он повернулся к Потапу и так посмотрел на него, что половой опустил руки. — Ну вот, теперь вы, мон шер. Пожалейте себя, а то не

ровен час сгорите весь... — Тихая улыбка тронула его сухие губы. — Чего уставился? Эвон у тебя нос какой! А ты не суйся под руку, дружок... — При этом он провел ладонью, словно разрубил воздух, и две половины воздуха распались, отлетели друг от друга — так крепко и точен был удар.

«Ладный какой», — подумал хозяин.

Тут все, неподвижные и притихшие, оборотились к городовому как к последней надежде... Дюжий городской словно очнулся ото сна и медленно направился к странному человеку. Заметив это, Потап ожил.

— Дозвольте-ка мне, — сказал он городовому. — Момент, все сделаем. Вы, значит, с этого боку заходи-те-с... — И крикнул странному человеку: — Ты мне зачем носу дал! — и победителем оглядел толпящихся вокруг. — Теперь мне сколько, значит, причитается получить? А? Никто не знает? А вот глядите, как подновинские дело делают. Хоп, — и он сделал шаг в сторону обидчика.

В это время бородатый студент сказал своему приятелю:

— Да он и не пьян вовсе, этот, в гороховом. Видишь?

— Отдай козлу двугривенный, и дело с концом, — сказал высокий, кивнув на хозяина.

— Отдать я отдам, — ответил его приятель, — да чертовски уходить не хочется. Чего это мне уходить не хочется?

— В результате досталось половому, — сказал высокий. — Сроду не видал ничего глупей... Ну, поглядим, что он теперь делать будет, этот лямур-тужур...

Городовой медленно приблизился к странному человеку и вдруг замер.

— Вы его не хватайте, — посоветовал Потап, — он дерется. Вы его вдарьте сразу. Не бойтесь, я подсоблю. Момент... Господа студенты, сейчас он у нас в ножках валяться будет...

— Михал Иваныч, — сказал городской, — а я вас и не признал-с.

Станный человек опустил голову и тихо засмеялся. И тут же забулькал первый ряд столпившихся, за ним остальные. Все тихо смеялись, кроме студентов.

— Уморили, — глупо сказал Потап. — А я думаю: дайка я их пугну-с.

— Михал Иваныч Шипов-с, благодетели мои, — представил городской странного человека.

Шипов поклонился ему. Затем — публике.

— Что же ты это, Потапка, — обиделся хозяин, — подвел меня, чорт?

— Ничего-с, — сказал Потап, — момент... Подновинские свое дело знают. — И широко, как чистое дитя, улыбнулся Шипову. — Дозвольте пальтецо, ваше благородие, отряхнуть-с. Хоп...

— Ну, будя, — сказал Шипов. — Много чести. А чего это у вас никто не пьет, не ест? Аи случилось чего?

— Вроде бы вас обидели, — робко сказал хозяин.

— Меня? — удивился Шипов. — Рази меня можно обидеть? Это я Потапку обидел, а меня никто не обижал. Верно, Потап?

— Никак-с нет, шутники вы, Михал Иваныч. Это я, значит, очень просто сам мордой об тубарет-с...

Вздых облегчения прошел по залу. Студенты переглянулись.

— Ну ладно, — сказал Шипов. — Тогда возьми-ка, Потапка, моего приятеля да вынеси его на морозец, пуцай он там в себя придет, да последи, чтобы не замерз, сетребьен, беда с ним...

— Момент! — радостно откликнулся Потап и юркнул в угол. Потом он выволок безжизненное тело и потащил его к дверям.

— Да ты неси его, неси! — крикнул Шипов. — Рази благородного человека так можно!

— Слушаюсь, Михал Иваныч... Момент! — еще радостней ответил Потап и понес тело в охапке вон из трактира. — Им там хорошо-с, — сообщил, вернувшись, — сидят, будто живые-с. Может, еще чего-с?

— А чего еще-то? — сказал Шипов. — Много ли мне надо? Ты вот подай нам штофчик, да речечки не забудь... А вы, судари мои, чего стоите? Вы садитесь, лямур-тужур, пейте, веселитесь. — И он медленно оглядел их всех, и все тотчас начали усаживаться за свои столы, словно время и не переваляло за полночь. — А вы тоже садитесь, господа студенты...

— Нет уж, увольте, — сухо ответил высокий студент. — С нас достаточно.

— Отчего же? — сказал его товарищ. — Я бы остался. Ей Богу, мне интересно.

— Уж лучше бы не садились, — проворчал Потап. — От вас одно расстройство... Вон человека обидели... Не больно много за гривенник-то?

— Ах, обидчивый какой, — засмеялся Шипов, — ну просто сетребьен какой-то. А ведь это я тебя вдарил.

— Значит, заслужил, — сказал городской.

— А я-то думаю: как же это об тубарет? — удивился хозяин.

— Значит, не об тубарет-с, — на лету ответил Потап, — значит, вот от них все и случилось, — и кивнул на студентов.

— Пошел прочь, — сказал высокий студент.

— Это я прочь?! — распалился Потап. — Теперь глядите, Михал Иваныч, глядите, как я буду из энтих бородастых души вынать-с! — И он шагнул к студентам. — Гляди-

те-с... Значит так, вы, господа хорошие, можете меня по морде, а я, значит, терпи?.. Момент, подновинские свое дело знают...

— Да бей их! — крикнул кто-то.

Потом уже хозяин божился, что видел, как глаза Шипова излучали свет наподобие искр. Потап сделал еще шаг.

— Хоп... А где он, где он, тубарет?.. А вот мы сейчас тубаретом...

— Ну, будя, — вдруг сказал Шипов. — Наговорил, консьоме, с три короба. Вы, господа студенты, присаживайтесь... Прошу... Угощаю...

— Ой, — захохотал Потап, — а и напужал я их!

Хозяин глядел из-за стойки на Шипова, не отрывая глаз. Соломенные бакенбарды Михаила Ивановича торчали празднично и как бы с насмешкой. Он ловко разливал из штофчика и любезно пододвигал рюмочки компаньонам.

Все по-прежнему уже сидели за столами, но никто не пил и не ел, только в кругу Шипова крикали, ухали, аппетитно жевали редьку.

— Когда я жил в доме князя Долгорукова, — сказал Шипов, — мне всегда казалось, что жизнь вокруг сплошное удовольствие.

Тут городской замер. Студенты переглянулись.

— Да, да, — продолжал Шипов. — Так я предполагал. Однако должен вам сказать, что тайные сумления обуревали меня, жгли мою душу. Да рази ж такое возможно? — думал я. И вот однажды прихожу к князю. «Ваше сиятельство, — говорю, — дозвоьте на мир поглядеть». — «Изволь, мон шер, гляди». И вот я гляжу. И что же я вижу, господа? Люди все в озлоблении и ослеплении, так и норовят друг друга съесть, так и норовят друг дружке в морду заехать... Вас это не шокирует?

— Ну да, — сказал городской грустно, — покою нет.

— Да они меня не били, — сказал Потап, подавая, — это я сам мордой об тубарет-с...

— А ты, я гляжу, и подавать-то не умеешь, — сказал Шипов Потапу. — Что за манеры, братец! Перед тобой сидят благородные люди, тре жоли, а не какие-нибудь... Срам!.. А ну-ка, воротись да снова, снова... Так... Скользи, скользи... А линии-то нет, нет, срам!.. Ну чистый скот, консьоме... Это невозможно!.. Ах ты Господи, я не могу этого видеть, этого позора, этого скотства!.. Дай-ка сюда. — И он выхватил из рук обалдевшего Потапа поднос и вдруг замер, затем медленно склонился вперед, одновременно вытягивая правую руку с подносом, словно лебедь крыло, и сделал мягкий вкрадчивый шаг. — Видишь, как рука идет? Видишь?.. Теперь гляди на ноги... Одна... за ней другая... След в след... Вот так, а не в растопырку, дурень. — И он заскользил к столу, плоский, весь вытянувшийся, вкрадчивый, пружинистый. — Полет надобен, полет, — приговаривал он, скользя к столу, — полет летучей мыши, бесшумный полет и... — Поднос, словно сорвавшись с руки, плавно очертил круг над головами изумленных студентов, и медленно пошел книзу, и застыл. Дополнительный штофчик, булькнув, встал в центре стола, соусник с тертой редькой занял свое место, поднос взмыл в синее небо, посверкивая серебром.

— Эх! — крикнул Евдокимов из-за стойки. — Каналья!

Потап низко кланялся. Бородатый студент заплодировал. Кое-кто в зале подхватил.

«Дети, — подумал Шипов, — рты поразинули... Ай-яй-яй!»

— Бывало, — сказал он, — мы с князем, да со всем семейством, да из Петербурга понаедут, отправляемся на пикник. Полянку всегда я намечал... Уж тут, пардон, моя привилегия была... Ты бы, Потапка, в тех местах об стволы-то и впрямь морду-то расшиб бы при твоей неуклюжести. А уж секли бы тебя, дурака, почем зря...

— Очень вам благодарны за науку-с, Михал Иваныч, — кланялся Потап. — Век не забудем.

«Ах, надоели они! — подумал Шипов. — Им только представление и давай, а не дашь — изомнут всего».

— Вы в близких отношениях с князем? — спросил бородатый студент.

— Да как вам сказать, — прищурился Шипов, — хотя теперь чего уж... Проговорился я... А доказательств теперь у меня нет, ну что вам сказать?.. Простите великодушно... Быдто и не было ничего... — И засмеялся.

Городовой подмигнул студенту.

— Полноте, — смутился студент, — я ж и не требую доказательств.

— А ежели не требуете, — сказал Шипов, — так понимайте, что я не просто, трезоли, с вами сижу, лясы точу...

— Вы, господин Шипов, видимо, служите? — любопытно спросил высокий студент.

— Видите ли, душа моя, — ответил Михаил Иванович благодушно, — все мы служим государю — кто где... Вы вот мою манишку разглядываете, а я ведь могу и фрак надеть-с... — И оборотился к городовому: — Верно?

— Святая правда, — сказал городовой. Студенты засмеялись.

— Забавно, забавно, — сказал высокий. — Parlez-vous français?

— Ах, милый, — покачал головой Шипов, — зачем же так-то? Не надо. Я же тебя наскрозь вижу, мон шер... Эй, Потапка, ты чего ж человека на улице позабыл? Веди его сюда, будя. А что, господин студент, как вам сдается этот трактир? Грязнецо ведь. А вы думаете, он мне по ндраву?.. Я в настоящих ресторациях бывал-с, знаю... Чистый ампир-с... Да ведь там с людьми не поговоришь, а здесь я кое-чего могу и узнать. — И засмеялся, очень довольный.

— Забавно, забавно, — повторил высокий. — Да я, кажется, догадываюсь, сударь...

В этот момент появился Потап, а с ним вместе и приятель Шипова.

— А вот и господин Гирос, — сказал Шипов торжественно, — Амадей Гирос. Итальянец.

Гирос церемонно поклонился.

— Ты ведь из итальянцев? — спросил Шипов.

— Конечно, — сказал Гирос. — Отец итальянец, мать итальянка. Чего же еще?.. Опять редька! А я замерз, как собака... — И он ловко выхватил полную рюмку у бородатого студента и опорожнил ее. — О, страшный напиток! Зачем меня на мороз бросили, как веник? — Он взял рюмку высокого и плеснул содержимое в глотку. — Глупый напиток, глупая традиция: сперва пьешь, чтобы согреться, потом тебя бросают на мороз, чтобы ты прочухался, а потом снова пьешь, чтобы согреться... — И захохотал.

Он действительно напоминал тощую огорченную птицу с длинным лиловым клювом, но смеялся при этом ослепительно.

— У вас в Италии небось жарко? — спросил городовой.

— Жарко, жарко, — засмеялся господин Гирос, — уж, как жарко. — И он наклонился к Шипову и зашептал, зашептал...

— Слава тебе Господи, — сказал Шипов. — Ступай, Амадей, ступай, голубчик. Все будет пуркуа.

Господин Гирос откланялся, запахнул свое черное добротное пальто, черные рассыпающиеся волосы прикрыл клетчатым картузом и, выставив лиловый нос из-под большого козырька, сказал, поигрывая улыбкой:

— Вы все мне очень прихлись, господа. Беда с вами расставаться. Но долг превыше всего. Избави меня Бог позабыть вас!

Дверь хлопнула. Господин Гирос исчез.

Хозяин, не сводящий взора с Шипова, начал понемногу обо всем догадываться. Ах, лиса! Вот лиса! Хотя кто ему нужен-то? Кого он, лиса эдакая, вынюхивает? Кому

сети расставляет? Пьет-пьет, а не пьян. Али студенты эти глаз ему колют?.. Дружка своего велел на мороз вытрясти...

— А он и не сидел там вовсе, на морозе-то, — шепнул Потап. — Погрозил мне, да и пошел в гостиницу...

— Уууу, — промычал Евдокимов, — проси гостей по домам расходиться.

— Боюся, — признался Потап.

— А этот ваш Толстой, граф этот ваш, он что, с ума сошел — школу на свои деньги открывать? — спросил Шипов. — Это где ж такое? Это в Туле, стало быть?

— Отчего же с ума сошел? — рассердился высокий студент. — Благородный человек.

«Все устраиваются — кто как, — подумал Шипов, — суетятся-суетятся, а там, глядишь, и жизнь вся... Как мышки серенькие, суетятся. А ведь никто себя мышкой считать-то не хочет, вот ведь что. Каждый думает: я кошка, — а на самом-то деле он и есть мышка... Вот ведь как».

И тут он вспомнил, как сам три дня назад бежал, распахнув гороховое свое пальто, затребованный самим Московской городской части частным приставом господином Шляхтиным. Ох, уж как он бежал! Господи мой Боже, аи беда какая?.. Прыг-прыг по ступенькам... Ффу! Только глаз не отводить, в глаза глядеть... Прицелочку сделать... Ах ты Господи! И вбежал...

Пристав Шляхтин, их благородие, вышли к нему навстречу!

— Ну, Шипов, хватит карманников ловить, ха-ха, есть дела поважнее. Приготовься...

— Лямур, — сказал Шипов для пробы.

— Что?

— Это так, по-французски...

— Ты, ха-ха, и французский знаешь? — удивился Шляхтин.

— Приходилось, — сказал Шипов скромно. — Я ведь у князя, у их сиятельства Александра Васильевича, в доме жил-с...

— Знаю, знаю, братец, все знаю. Вероятно, потому и поручается тебе нелегкое дело... И весьма щепетильное, представь.

— Мерси, — сказал Михаил Иванович смело. — Рад стараться.

Сердце стучало уже спокойно, как и подобает. Шляхтин не садился. Стоял. Михаил Иванович слушал с достоинством.

— ...Граф Лев Николаевич Толстой в своем имении Ясная Поляна открыл школу для крестьянских детей. Не предосудительно. Пригласил учителями студентов Московского и Санкт-Петербургского университетов. Не предосудительно. Однако большинство студентов исключены из вышепоименованных университетов за различные провинности политического свойства и находятся под надзором...

— Чего это он их туда собрал? — спросил Шипов.

— Вот именно. Но ты смотри, Шипов. Дело это деликатное весьма. Упаси тебя Бог раззвонить об том... Может, и нет там ничего такого... Смотри!

— Что вы, ваше благородие, — сказал Шипов, — такого мезальянсу не допустим. Благодетеля моего князя не подведем.

— Деньги получишь в канцелярии. Ступай, — приказал Шляхтин.

Тут сердце у Михаила Ивановича дрогнуло, и он помчался...

«...Ах, вот и я мышка несчастная, — думал он, глядя на студентов, — для вас кошка, а для них мышка-с...»

В этот момент скрипнула бывалая трактирная дверь и некий оборванец с лицом испуганного хорька, кутаясь в невообразимые доспехи, скользнул к стойке. Никто из присутствующих не обратил на него внимания, а тем более Шипов, сидевший к дверям спиной. Но именно Шипов не оборачиваясь вдруг сказал:

— Ай-яй-яй, Яшка, на чужие деньги пить собрался?.. На деньги вдовы? Она дома плачет, а ты с ее кошельком по питейным домам ходишь?

Тут оборванец кинулся на колени и, молясь на спокойный затылок Шипова, запричитал:

— Батюшка, Михалваныч, не погуби!

Шипов, все так же не оборачиваясь, сказал:

— А ну, выкладывай кошелек и жди меня, и чтоб не вздумал убежать.

Кошелек, расшитый бисером, почтительно плюхнулся на стол. Шипов потыкал в него пальцем и сказал, обращаясь ко всем:

— Господин пристав велел мне этот кошелек найти. Вот он, нате вам.

Городовой засмеялся, и все в зале засмеялись следом.

— Великий вы человек, — сказал городской.

Ситуация снова заметно накалилась. Какое-то легкое возбуждение, подобное невидимому электричеству, вспыхивало то здесь, то там. Приглушенный говор усиливался. Все выражали восхищение, глядя, как Шипов вертит в руках спасенный кошелек.

— У меня есть в затылке такая струночка, — засмеялся Шипов. — Как что — она у меня, лямур-тужур, тенькает — и готово. Чей это кошелек? А это, пуркуа, титулярной советницы Фроловой. Она мне сама челом била. Ну?.. Я свою струночку рраз... И что же вы думаете? Знаю: Яшка украл. Простой мезальянс... А вот он и Яшка. Он-то думал, я за ним по шалманам лазить буду! Много чести. Нет, ты сам придешь да еще в затылочек поклонись. Сам меня найдешь... — Он поднялся со своего места, потряс кошельком перед изумленными посетителями. — Моя струночка натянутая дрожит ради вас, господа!

— Ура! — закричал хозяин Евдокимов, и все подхватили. Все, кроме студентов.

Они как-то незаметно, бочком-бочком, и выкатились прочь. Шипов только посмеивался им вслед. Тут и остальные посетители, будто получив разрешение, потянулись к выходу, кланяясь Шипову, а некоторые, осмелев, и вовсе подмигивали по-приятельски. Шипов усмеялся и отвечал поклоном каждому, словно хозяин бала. Востренькое лицо его покраснелось. Он был доволен.

— Великий человек-с, — сказал городской хозяину. — Всех жуликов в кармане держит. У нас в участке как что чего — сейчас Михал Иваныча... Незаменяемы-с.

— Ох, правда, — шумно вздохнул хозяин, — великий человек.

— А не стыдно тебе, Потапка, — сказал Шипов, — студентов пугать? Это же я тебе по портрету провел, чтобы ты в разговоры не лез, быдло ты этакое... Ну, тре жоли теперь?

— Нет-с, — ответил Потап глупо, — это не вы-с, а они-с...

«Когда бы вы знали, пустоглоты, на какую я верхушку залетел, вы бы все в ножках у меня валялись», — подумал Шипов.

Не успел он тогда, окрыленный удачей, выскочить из канцелярии с прогонными и прочими ассигнациями за пазухою, как на него налетел, а кто — он уж и не помнит, не успел разглядеть, и велел снова ему, Шипову, явиться к господину Шляхтину. У частного же пристава выяснилось, что надлежит Шипову лететь что есть мочи к самому обер-полицмейстеру Москвы, его сиятельству графу Крейцу Генриху Киприяновичу. Шипов побежал, ног под собой не чуя. Губы его стали совсем белые, нос еще более заострился.

Беги, беги. Кошка тебя дожидается. В теплых лапках у нее когти спрятаны, во влажной пасти зубки беленькие, один к одному... Только бы не растеряться. Глаз не отводить, глаз не отводить ни за что. А что ж, господа, у вас свое оружие, а у меня свое. А кто сказал, что ямышь? Да я и немышь вовсе... Я им нужнее. Главное — на рожон

не лезть, самому не вступать в разговоры, пускай их сами выговорятся... Поглядим, поглядим... Ах ты Господи, Боже мой!

Но успокоился. В парадную дверь не вбежал, а вошел. Там его уже дожидались. Велели раздеться. Под гороховым пальто оказался на Шипове темно-серый, мышинный сюртук. И повели Михаила Ивановича по комнатам, лестницам, различным переходам прямо к логову кошки.

Тяжелая дверь обер-полицмейстерского кабинета словно и не открывалась, а Шипов уже стоял перед графом.

Не успел граф опомниться от этого явления, как маленький агент юркнул к его руке и потянулся к ней белыми губами.

— Дозвольте-с...

«Вот бестия!» — возмущился граф, попытался не глядеть в зеленые глаза Шипова и не смог.

— Да как ты смеешь! — крикнул Крейц, багровея. — У меня по отношению тебя... — И замолчал. Шипов едва заметно улыбнулся. — По отношению к тебе, — поправился граф с отчаянием. — Я имею по отношению к тебе серьезные намерения, а ты чорт знает что... — И провел платочком по высокому лбу.

Шипов не шевелился. Граф неотрывно глядел ему в глаза. Потом он все-таки опомнился, поворошил бумаги на столе.

— Ну, — сказал граф, — дай-ка я на тебя погляжу. Говорят, ты у князя Александра Васильевича человеком был?

— До эманципации-с... — прошелестел Шипов.

— Скажи пожалуйста, «до эманципации»! — сказал граф с любопытством. — «Эманци-па-ци-я», — повторил он насмешливо. — Ну, и что же ты там?

— Служил-с.

— Ну, а что служил?

— За столом служил, — откликнулся Шипов. — Подавал-с.

— Ах, подавал... — Граф помолчал мгновение, примериваясь. — Ну, а как, к Александру Васильевичу все еще питаешь привязанность?

— Ваше сиятельство, душа моя переполнена преданностью и любовью!

Граф шагнул поближе и замер, словно перед прыжком.

«Все равно, мон шер, поверишь, — подумал Шипов, — что я тебе ни скажи...»

— А ты умнее, нежели я предполагал, — сказал Крейц, недоумевая и раздражаясь. — Водку пьешь?

— По праздникам, ваше сиятельство! — крикнул Шипов.

— Князь Долгоруков надеется на твои к нему чувства, что ты, ежели что случись, не выдашь.

— Мерси, — выдохнул Шипов, — пусть они не сумлеваются...

«...Барин, барин, — подумал хозяин Евдокимов, глядя на Шипова, — хотя и за жульем охотник, а барин, полицейский барин, прости Господи... А где же трость-то его? Он же с тростью вошел. Трость с серебряным набалдашником, серебро с чернью... Аи в углу позабыл?»

— Потапка, — сказал он, — принеси Михал Иванычу ихнюю трость. Они в углу ее позабыли.

— Хоп, — сказал Потап, — момент...

— Да какую еще трость? — удивился Шипов. — Никакой трости у меня, сетребе-ен, не было,

«Да как же не было, когда была? — подумал хозяин. — Так еще важно они вошли, чистый барин с тростью...»

— Ну, пора и честь знать, — сказал Шипов и открыл кошелек советницы, и оттуда появился рубль.

Яшка от дверей глядел на кошелек горящим взором.

— Больно много, Михал Иваныч, больно много, — сказал хозяин, принимая рубль.

Яшка застонал, завозился в углу,

— Да рази это много? — засмеялся Шипов, — В самый раз...

«Кабы вы знали, тараканы, куды я поднялси-и-и! — подумал он. — На какую ступенечку всходил! Какому коту в глаза глядел... Выше уж некуда! Тама — небеса одни...»

Действительно, поднялся! Нет, судьба не швырнула Шипова на произвол, не оставила в покое. Она тащила его за собой все выше и выше, тащила за руку, да он и не упирался. Лестницы из чистого мрамора покорно сияли под его ногами. Резные тяжелые двери распахивались перед ним. Среди надменных мундиров как равный мелькал его поношенный мышиный сюртук. И вот наконец такой взлет, который вчера и не приснился бы! И пусть пока не анфилады царских покоев разверзлись перед маленьким агентом, ибо что царь? Царь где-то там, в недосыгаемости, прекрасный неодоушевленный образ, робкая мечта... А тут живой, зримый, перенасыщенный плотью, вызывающий благоговение и дрожь, сам генерал-адъютант, генерал-губернатор Москвы Павел Александрович Тучков, член Государственного совета.

И ведь, кажется, следовало бы Шипову заорать, пасть в ноги, ползти, извиваясь, неведомо куда. Но странное дело — чем выше взлетал он, чем вельможнее, недосыгаемое и страшнее возникали перед ним персоны, тем спокойнее становилось у него на душе.

«Это уже не кошка, — подумал он с восхищением. — Чистый кот, котище!»

Губернатор из-за стола не встал. Откуда-то оттуда, издалека, мельком оглядел Шипова, застывшего у дверей, и отвернулся к пышному адъютанту.

— Бонжур, — смело сказал Михаил Иванович.

— Где вы раздобыли это чудовище? — спросил генерал.

Адъютант наклонился к нему.

— Я понимаю опасения князя, — проговорил генерал, не замечая Шипова, — но разве это надежно?

«Какая суэта-то вокруг идет! — подумал меж тем Шипов. — Граф Толстой школу открыл. Да и пуцай он ее открыл... Или там заговор готовят?.. А кто ж это благодетель мой? А, выходит, князь. Да рази я его выдам?! Большая суэта идет. А этот в глаза не глядит, пренебрегает... Да без меня тоже не может. Что он без меня, котище?»

— Он обо всем знает? — спросил генерал адъютанта, имея в виду Шипова. — Это же крайне конфиденциально... — Он тяжело вздохнул. — Однако странно видеть это. Почему охотник за жуликами должен соваться в жизнь графа Льва Николаевича?.. Что?.. Нет, я понимаю желание князя, но я в недоумении.

«Неспроста это они все так, — подумал Шипов, и сердце его забилося. — Ты гляди, какие персоны! Генерал-губернатор сам, князь — благодетель мой, обер-полицейский, да все, все... Петербург — Москва... Держись, Шипов! А может, там, в имении у графа, в Туле в этой, может, у него и впрямь Бог знает что творится? Может, воистину заговор?..»

— Хотя, с другой стороны, — продолжал губернатор, — наверное, в этом все-таки есть смысл, иначе князь разве решился бы? Как вы думаете?.. Но этот должен понять, что малейшая оплошность его обернется ему же трехкратной карой... Если он проговорится ненароком или упомянет князя или меня... Что? Вы уверены, что он отдает себе отчет?

«Насчет меня сумлеваются, — понял Михаил Иванович, — хотя сделать ничего не могут — князь велели. А мне-то что?.. А мне ничего... Пардон», — и он осторожно прикоснулся к груди, где за мышинной тканью сюртука покоились ассигнации.

За громадными окнами губернаторского кабинета сиял январский белый полдень. От голубой изразцовой голландки тянулось легкое тепло. Губернатор был значителен, адъютант красив и наряден, так что Шипов размяк и зажмурился...

Последняя лампа догорала в трактире. Шипов шагнул к дверям.

В наступившей тишине слышно было, как за стеной гудит разыгравшаяся метель.

— Эх, — сказал хозяин, — куды ж вы в такую-то метель?

— А мы Господу помолимся, — засмеялся Шипов и, подтолкнув оборванца, вышел вон.

И метель тотчас же прекратилась.

— Свят-свят! — закрестился хозяин испуганно. Но тут же ощутил, как ниточка какая-то внутри отпустила. Стало полегче как-то. И он даже подумал, что, мол, за почет такому маленькому агенту, когда в заведении и господа офицеры бывают, и воротилы, и даже тайный советник Яковлев с гостями вот здесь сидели, пили-ели — и ничего, а тут, Господи, беда какая!..

Возле трактира была темень. Единственный фонарь с нею не справлялся. Неподвижный женский силуэт чернел в отдалении. Шипов пожал плечами.

— Батюшка, не погуби! — запричитал оборванец.

— А чего мне тебя губить, — сказал Шипов. — Ты ступай себе... На-ка вот денежку да ступай... — И он снова пошуршал кошельком советницы и протянул Яшке ассигнацию.

— Ой-ой! — захрипел Яшка. — Благодетель! Дозволь ручку! — И благодарным носом ткнулся Шипову в грудь. — Радость-то какая. Михалваныч, отец родной! — Он гладил Шипову плечи, руки, целовал локотки, коленки, пуговички на пальто...

— Ну, будя, — устало оттолкнул его Шипов. — Ступай, ступай, шер ами, да гляди у меня...

Яшка исчез за углом, только слышался хруст его опорок по свежему, крупному, сахарному, рассыпчатому январскому снежку.

Женщина шагнула к Шипову и снова замерла.

— Ой, Матрена, — сказал Шипов, — а ты все стоишь?

— Все стою, — едва слышно отозвалась Матрена.

— Небось зазябла на метели-то?

— Как же не зазябнуть? Зазябла...

— Какая же ты, Матрена, упрямая. А я вот тебе сейчас подарочек дам... вот он... денег тебе сейчас...

Он сунул руку в карман, в другой. Лицо его изобразило удивление, затем испуг. Он тихо рассмеялся.

— Ну и Яшка!

— Я видала, — сказала Матрена и приблизилась еще на шаг.

— Человек свое всегда возьмет, — сказал Шипов задумчиво. — Оттуда, отсюда, а возьмет...

— Я бы вас чаем с медом напоила бы... Пожалела бы...

Она зажмурилась и пошла по улице. Шипов медленно шел рядом.

Он шел и пытался осознать, что произошло. Все эти чудеса случились с ним третьего дня. Тогда он выкатился от генерала Тучкова, расправил гороховое пальто и двинулся по Тверской. Он шел медленно, с достоинством, не хуже многих других. Мог и извозчика взять, да воздержался. Теперь глядите на него, глядите, пока не поздно, он через год эвон где будет — не разглядеть.

Снежные сугробы голубели вдоль мостовой. Слышались колокола, чьи-то восторженные крики, визг полозьев. Пахло свежим хлебом. Михаилу Ивановичу даже захотелось снять котелок и поклониться удаляющемуся дому генерал-губернатора. Однако новые заботы уже гудели в его голове, из которых первая была — встретиться с господином Гирсом, назначенным ему в помощники. И вот он шел, минуя чужие подворотни и окна, все дальше и дальше, к Самотеке, где проживал его будущий компаньон.

День был такой прекрасный, что никаких сомнений ни в чем таком же прекрасном не могло быть, и уверенность в успехе, под стать этому яркому, брызжущему жизнью дню, не покидала Шипова. Да он вообще был удачником и, отличаясь в поимке карманных воров, никогда даже не задумывался, откуда у него этот странный талант, этот нюх и интуиция провидца. Все текло, как текло, и, значит, судьба к нему была милостива за что-то, потому что легкость, с которой он обнаруживал пропавшие кошельки, другим полицейским агентам даже не снилась. И, как всякий богато одаренный человек, он не думал трястись над своим талантом, дрожать, что вот-вот это чудо погаснет, а, напротив, раздавал его с блеском, с щедростью, любил благодетельствовать, но и от благодарностей не уходил.

А Москва продолжалась. В Самотечных улочках-переулочках, тупичках, в смешении дерева и кирпича продолжалась она, пышная, январская, снежная, но уже более тихая, более приглушенная, сокровенная, словно именно здесь или где-то совсем рядом, за поворотом, и должно было открыться место проживания затейливой московской души. Даже грохот недалекой Сухаревки был бессилён пробиться сюда, и только колокольный звон, ослабевающий, все-таки расплескивался по маленьким дворам и затухал в подворотнях.

Но в этой благодной тишине кипели те же страсти, что и там, в большой Москве, и, подобно рождественским кабанчикам, откармливались и копились.

И в этой благодной тишине вдруг откуда ни возьмись звучали какие-то слабые струны; какие-то неясные звуки вырывались из-за домов, из подворотен; какие-то слова, которых было не понять, не запомнить, разрозненные, сбивчивые: какая-то песня, что ли, которую напевал некий невидимый житель — не пьяный сапожник, не сбитенщик, не бродяга, не вор, не извозчик, но и не тайный советник, или генерал, или князь...

Зачем тебе алмазы и клятвы все мои?
В полку небесном ждут меня.
Господь с тобой, не спи...

Какие алмазы? В каком полку? Почему в небесном? Что, где, куда, откуда?.. Затем хруст снега заглушал эти звуки, и они пропадали... И снова перед Шиповым лежала Москва, извиваясь, прячась за снегом, обжигая морозцем.

Здесь, под самой крышей трехэтажного дома, в каморке с маленьким окном, и встретился Шипов со своим компаньоном.

Михаил Иванович сидел на единственном стуле, а Гирс стоял напротив, размахивал руками и показывал отличные белые зубы.

— Я хороший человек, господин Шипов, — сказал он, — а хорошие люди на улице не валяются. — И захохотал. — Я все сделаю, только прикажите, но уж вы меня и жалейте, Михаил Иванович... Распоследнюю дворнягу и ту нет-нет, а косточкой наградят... — И снова захохотал, запрокидываясь, словно длинный лиловый нос был тяжел ему слишком.

— А ты из кого будешь, Амадеюшка? — спросил Шипов, любуясь на веселого компаньона. — Из цыган али из греков?

— Ну конечно из цыган, — сказал Гирос. — Впрочем, из каких это цыган? Тьфу, чорт... Из греков, из греков... Грек я, конечно.

— Нос у тебя нерусский и волос черный, — сказал Шипов, — вроде бы даже из итальянцев ты или из турков, прости Господи...

— Ну конечно из итальянцев, — захохотал Гирос. — Какой я, к чорту, грек!.. Я ведь говорю-говорю, а вы и ушки развесили.

«Ловкач, — подумал Шипов, — легкий человек. Пущай его смеется».

— Дозволь, я буду тебя Мишелем звать, а? — вдруг предложил Гирос.

— Мишелем? — поморщился Шипов. — Да как-то это вроде компрене... Все-таки ты помощник мой...

— Да нет, — захохотал Гирос, — Господь с тобой! Конечно, не на людях... не бойся. Наедине... А на людях я буду тебя Михаилом Ивановичем звать или даже господином Шиповым... А знаешь, хочешь, я тебя буду сиятельством величать? Мне ведь ничего не стоит... Хочешь?

— Ну-ну, — засмеялся Шипов, — фер ла кур настоящий...

— Чудно, чудно! — обрадовался Гирос.

Затем потекла неторопливая беседа, изредка нарушаемая мощным хохотом Гироса. Они поговорили о том о сем, в частности и о графе Толстом.

— Знаешь, — сказал Гирос, — я ведь кое-что уже нащупал. Даже с графом столкнулся однажды, увидел его. Ну, я тебе скажу, ничего мужчина... Призовой рысак. Может дать по шее великолепно. Каждый день к Пуаре ходит — гимнастикой занимается. В ресторане любит посидеть... или в номера ему подают...

«Да, — подумал Шипов с тяжелым сердцем, — это ведь не карманника за руку схватить. Граф все-таки. С ним-то как?»

— Ну, и что ж ты надумал, Амадеюшка? — спросил Шипов.

— Поверь, ничего, — сказал Гирос. — Да я и не умею думать. — И захохотал. — Как, почему, куда, откуда — этого я просто не умею, не понимаю... Как скажешь, Мишель, так и сделаю... Ну, хочешь, в лакеи к нему наймусь? Мне ведь ничего не стоит... Хочешь?

Шипов задумался. Маленькое сомнение грозило перерасти в страх. Это уж с Михаилом Ивановичем случалось крайне редко. И теперь от одного сознания такой возможности становилось не по себе. Как же так — за графом следить да еще выявить возможный заговор?! Ведь это же не в подзорную трубу разглядывать человека откуда-нибудь с крыши. Да что подзорная труба? Надо ведь в душу влезть. Но душа — такой инструмент! А тем более графская. В нее всякого не пуцают. Как же быть? Вообще с лакейством Гирос хорошо придумал, но, может, графу нужен лакей, а может, не нужен.

Это было почти как страдание. Однако мысль все-таки уже работала в нужном направлении, и можно было ожидать, что решение не замедлит явиться. Да, граф — это вам не карманник, его за руку не схватишь. По шалманам за ним не поохотишься, по ночлежкам тоже. А может, он и не политик вовсе?

Тут Шипов провел рукой по груди, прикоснулся к ассигнациям, и вздрогнул, и встрепенулся.

«Ой-ой, — подумал горестно, — улетят, улетят денежки, как гуси-лебеди, улетят. Все до одной».

А Гирос, словно разгадав тайные страдания Шипова, сказал:

— Мы его не упустим. Клянусь Богом, не упустим. Ты только подтолкни меня, направь, науськай, а уж я, как легавая, по следу, по следу... — И захохотал. — Я ведь Шляхтину не раз служил. Он меня не зря тебе передал. Я пес лихой, Мишель.

Его бодрый тон, и хохот, и крупные белые зубы, как напоказ, немного успокоили Шипова. От сердца отлегло. Сразу различные фантазии завертелись. Жизнь снова показалась прекрасной.

— Ну ладно, — сказал он со вздохом. — Давай, пермете муа, мозговать. Может, у тебя чего выпить-закусить найдется?

— Что ты, голубчик! — вскричал Гирос сокрушенно. — Откуда? Я жду с упованием, когда ты со мной поделишься, ну хоть часть пустяковую мне дашь.

— Бес ты лохматый, Амадеюшка, — усмехнулся Шипов, — да я вить тоже не дурак... Что ж, ладно, опосля выпьем...

И они принялись выработать свой нехитрый план. Гирос по нему отправлялся крутиться-вертеться возле гостиницы «Шевалье» и не спускать глаз с графа, а буде тот отправится куда, следовать неотступно и все запоминать. Если же представится случай познакомиться — великая удача. Сам же Михаил Иванович тотчас шел к хозяину и одному ему известными способами нанимался в нумерные.

— А денежки? — спросил Гирос.

— А денежки, — сказал Шипов, — ежели все сладится, вечерком, мон шер.

И они отправились.

Дойдя до гостиницы, они сделали вид, что не знакомы меж собою, и господин Гирос принялся прохаживаться по тротуару, с любопытством разглядывая мелька-

ющие мимо кареты, возки и сани, а Михаил Иванович бодро взошел на крыльцо и скрылся за тяжелой дверью.

Но едва дверь гостиницы захлопнулась за ним, как его длинноволосый компаньон подумал: «А пусть он и работает, пусть, пусть...» — и торопливо засеменил мимо крыльца, завернул за угол и вошел в трактир Евдокимова.

Спустя несколько минут Шипов вышел, но Гироса нигде не было видно.

«Хват! — подумал Михаил Иванович с удовольствием, решив, что компаньон помчался по графскому следу, и засмеялся. — Вот пушай он и работает, пушай, пушай...»

Он крикнул извозчика, расселся повальяжнее, велел везти себя к Никитским воротам и поехал к Матрене.

Матрена жила в полуподвале в двух комнатках. Муж ее, сапожник, помер уже давно, оставив ее бездетной, и после некоторого времени слез и одиночества прибил-ся к ней Шипов. Она зарабатывала стиркой, глажкой, вышиванием узоров и еще тем, что отменно пекла именинные пироги по заказу и этим славилась на всю округу. Была она все-таки еще молода, чудо как хороша, а главное — покорна, молчалива и добра. К ней иногда похаживали мужчины, особенно если Шипов исчезал надолго, но любила она одного Михаила Ивановича. Он это ценил и иногда одаривал ее ласкою или деньгами. И хотя, ежели говорить начистоту, Шипову больше нравились другие, помоложе да поблагородней, он Матрену уважал, был к ней привязан, дом ее всегда помнил, как всякий бродяга и бездомник теплую берлогу. Приехав к ней, он тотчас пересчитал деньги. Денег было целых тридцать рублей. Червонец он тут же вручил Матрене, пять рублей отложил Гиросу, а остальные спрятал поглубже.

Матрена его нежила, холила, поила, уложила спать, почистила ему мышиный сюртучок, сапоги, а когда он проснулся, снова усадила к столу и напоила чаем. Когда придет опять, она и не спрашивала: такой у них был молчаливый уговор.

А Шипов прихлебывал с блюдца и думал, что если у Гироса будет удача, то можно считать, что компаньон у него первостатейный и дело будет, а уж дело будет — денежки потекут, лишь бы не оплошать. Но оплошать он уже почти не боялся — верил в счастливую свою судьбу. Он допил чай, разморился, и ему снова захотелось вздремнуть, свернувшись калачиком под Матрениным платком, но любопытство пересилило, и они распрощались.

Гирос уже ждал его на самом углу Газетного и Тверской, как и было условлено. Вид у компаньона был довольный, но прежде чем начать рассказывать о своих приключениях, он попросил денег.

Шипов протянул ему злосчастные пять рублей. Амадей спрятал их и рассмеялся.

— Ну ты и хорош, Мишель! Ну просто хорош! Какую косточку мне швырнул!.. Пожалел, да? Я на одних извозчиков червонец извел...

Длинный лиловый нос Гироса покачивался с укором, но Шипов не дрогнул.

— Ну будя, — сказал он, — твое от тебя не уйдет. — И похлопал себя по груди. — Ты, аншанте, рассказывай...

И они медленно отправились по Тверской, уже подернутой сумерками.

РАССКАЗ АМАДЕЯ ГИРОСА

Едва захлопнулась за тобой дверь, как подкатила карета с графом. Голова у меня закружилась от счастья, «Вот оно!» — подумал я, Граф в гостиницу заходить не стал, а просто передал швейцару какой-то пакет и махнул кучеру. Кони понесли. Я — на извозчика и следом.

— Пошел за каретой, не отставай!

Летим. Сначала по Газетному, потом на Большую Дмитровскую. Тут он начал прижимать. Так и есть — к Пуаре. Я проскочил мимо и встал тоже. Граф — в парадное, я — за ним... Ты бывал там? Нет?.. Ну, большой зал, голубчик, всякие предметы для гимнастики... Я ведь туда хаживал, я все это знаю. Большая удача, что граф гимнастику любит... И вот он переодевается. Я захожу. Раскланиваемся. Ну, думаю, с чего же он начнет? Так и есть — подходит к перекладине. Берется. Руки налились. Ну чистый призовой рысак! Ты не представляешь себе, какие плечи, сколько силищи! Я медленно раздеваюсь, а сам гляжу, что будет. Он начинает подтягиваться — слабовато, пытается крутить — ни черта. Вижу, граф — новичок.

— Ваше сиятельство, — говорю я скромно, — тут не сила нужна, а сноровка.

Он краснеет.

— А откуда вы меня знаете?

— Да так, наслышан, — говорю я, — читал кое-что из ваших сочинений. А на перекладине сноровка нужна. Позвольте-ка... — И я начинаю крутить. Выгибаюсь, падаю будто, ан нет — взлетаю снова. Он глядит, весь красный от смущения, немножко злится. Ничего, думаю, это полезно.

— Да, вы действительно мастер, — говорит он. — Не знаю, достигну ли я когда-нибудь ваших совершенств.

— Полноте, — успокаиваю, — при вашей-то природной силе это несложно. Терпенье. А вы, я слышал, собираетесь в скором времени обратно в свою Тульскую?

— Нет, — говорит, — поживу в Москве.

— Отлично, — говорю. — Перейдем к коню?

— Извольте... Да, боюсь, и тут вы меня превзойдете. Переходим к коню. Знаешь, эдакая скотина из кожи, набитая чем-то, чорт знает чем, на четырех ножках, вот такой высоты. Попробуй перепрыгни через нее... Ну-с? — Да, я и не представился, — говорю. — Я Амадей Гирос, тамбовский помещик. У меня там сельцо преотличное. Но зимой люблю жить в Москве... Прошу вас, граф...

— А может, вы сначала?

— Нет уж, сделайте одолжение, ваше сиятельство. Да вы не стесняйтесь, вон уж и покраснели... Ну-ка, руку сюда, так, другую сюда, отлично, взбирайтесь порезче... А что же эманципация, как она вас, задела?

— Эманципация? — говорит он, а сам сидит на коне и никак не может отдышаться. — Меня-то не задела, а вот крестьянам какво? Крестьянин без надела — разве крестьянин?

— Да, — говорю, — это же самое мучает и меня. Какой он, к чорту, крестьянин, ежели у него земли нет? Лично я возмущен и даже собираюсь написать письмо в Сенат. Напишу большое письмо, страниц эдак на двадцать, все выскажу без стеснения. Позор.

Тут, вижу, глаза у него загорелись. Он сидит на коне, глаза горят, силища играет, ну чистый призовой рысак, поверь.

— Теперь, — говорю, — взмах ногой и перелет в обратную позицию... Ррраз... Слабо, слабо, сильнее надо, от корня, граф, от корня. Нет, нет, не годится... Позвольте.

Он сваливается с коня, ровно куль с песком. Я вспрыгиваю — и пошел.

— Ну как? — спрашиваю.

— Да, — говорит, — совершенство.

— Ничего, научитесь... А вы не думаете подобного письма написать? Вы ведь человек известный, граф, влиятельный. К вам бы прислушались.

— Нет, — говорит, — боюсь, это слишком слабая мера.

— Помилуйте, ваше сиятельство, да что же может быть сильнее?!

— Есть различные способы влиять на правительство, — отвечает он загадочно. — Более сильные способы...

Эге, думаю, попался голубчик! Но спугнуть нельзя. Уж как мне хотелось, Мишель, его порастрясти, но потом думаю: все равно он мой.

— Лично я, ваше сиятельство, иных мер и не представляю. Да и что это может быть? Нет, нет, решительно ничего быть не может.

Вижу, он устал. А я хоть бы что, готов еще вертеться сколько угодно. Но пора и честь знать. Одеваемся. Он говорит:

— Прошу вас, господин Гирос, холодного шампанского. Я угощаю.

Переходим в буфетную. Ковры, Мишель, кругом ковры, кресла, вазы с цветами, лакей в ливрее. Хорошо, тепло... Графу я нравлюсь, это сразу видно.

— Отчего же вы угощаете? — говорю. — Уж лучше я. Для меня большая честь угостить вас... Мне ведь ничего не стоит... — А сам думаю: на черта я ввязываюсь, когда у самого ни копейки? Хорош я буду, да и Мишель хорош — пожалел мне денег. Теперь опозорюсь — и конец.

Но слава Богу, граф человек благородный, от своего отступить и не намерен.

— Нет, — говорит, — как же так? Это для меня большая честь угощать вас, как совершенного мастера...

Сидим, пьем, я речечкой закусываю... Попили, отдохнули, одеваемся, выходим. Граф — в карету.

— А ваша где? — спрашивает.

— Да я отпустил, граф...

— Может, сядете со мной? Мне будет приятно.

— Премного благодарен. Я, знаете, после гимнастики люблю пройтись...

И укатил.

— Ну и что? — спросил Шипов. — Что же дальше?

— Приглашал в гости...

— Когда?

— Да когда захочу. «Заходите в любое время, говорит, всегда буду рад. А то мне скучно».

«Хват!» — подумал Михаил Иванович с насмешкой, а сам все ждал вопроса от компаньона: а как, мол, он, Шипов, устроил свои дела? Но Гирос, возбужденный собственным рассказом, и не пытался расспрашивать, а Шипов на рожон не лез. Считая, что начало положено и что перспективы весьма радужны, они решили поужинать, благо прогулка разгуляла аппетит.

И вот они завернули в первый же трактир, спросили себе водки, кислых щей, вареного судака. Разлили, чокнулись.

— Ну, с Богом.

— С Богом, с Богом, Амадеюшка. Ля фуршет полный. Теперь завтра пораньше и забеги к нему, компрене...

Постепенно все входило в свою колею, налаживалось. Этот Гирос волшебный мужик, думал, хмелея, Шипов.

Так это он все прикидывался, так все в дурачка играл, зубы белые показывал, а вот тебе и зубы, гляди-ка!

К полночи они совсем порастряслись. Денег не оставалось. Нос у господина Гироса удлинился, налился, еще сильнее полиловел, и Шипову казалось время от времени, что компаньон придерживает нос руками, чтобы не слишком отвисал. На хмельную голову легче почему-то думалось, и Михаил Иванович рассуждал о том, что теперь ему, при таком-то компаньоне, и вовсе без надобности наниматься в нумерные.

Проснулись они поутру на полу в комнате Гироса. Спали в обнимку прямо на досках.

— Ну, Мишель, — захохотал Гирос, — удружил ты! Все косточки болят... А я привык в постельке, в постельке, чорт возьми, спать, в постельке!

Он выбежал куда-то, вернулся снова, утирая с губ молоко.

— Ох, ну, теперь, кажется, можно жить, и дворняга от молочка не отказывается...

— Откуда ж молоко, мон шер? — спросил Шипов.

— Это, видишь ли, хозяйка, старуха несчастная, выдает мне кружку молока на день — и ни капли больше. Стерва!

— Вот бы ты мне полкружечки и принес бы, тре жоли... Ну?

— Да было-то всего полкружки, — сказал Гирос. Шипов посмотрел в его улыбающееся лицо, в черные большие, добрые глаза, в которых вдруг промелькнул маленький огонек недоумения, и отворотился, махнув рукой.

— Ну, Мишель, — засмеялся Гирос, — побойся Бога. Или ты поверил? Я дую чорт знает что, а он верит! Да какое же это, к чорту, молоко, когда вода! Вода, брат, вода. Ну, хочешь, налью тебе воды?

Он говорил так уверенно, с такой страстью и даже отчаянием, что Шипову стало стыдно, и он поверил, и захотелось воды, простой холодной воды — унять пожар души и тела.

Гирос тем временем сел на стул и уставился в окно. Раннее утро играло на его лице, но глаза компаньона были печальны и тусклы, а губы горько изогнулись. Большой лиловый нос тянулся книзу, а нечесанные блестящие черные волосы свисали на лоб. Как будто и не он хохотал минуту назад, такая скорбь была во всем его облике.

— Пора собираться, — сказал Шипов. — Пора в гости к их сиятельству.

Гирос встрепенулся, вскочил, откинул волосы со лба. Лицо его снова играло, сочные губы, словно маленькие красные змейки, удерживали готовую вырваться улыбку, в глазах разгорался огонек.

— Пошла легава по следу!.. Нет, что ни говори, Мишель, а я тонко с ним обошелся! А уж сегодня ему несдобровать. Сегодня я вытяну из него душу. Ты, кстати, можешь быть спокоен. За меня ты можешь быть спокоен. Ты убедился, что я могу...

«Сейчас спросит про меня, — съезжился Шипов. — Как я в нумерные попал...»

Но Гирос и на этот раз ни о чем не спросил.

Приведя себя в порядок, они отправились к гостинице «Шевалье», где приговоренный граф ждал с нетерпением своего нового знакомого.

Любо-дорого было смотреть, как они шли по Большой Дмитровской, два наших следопыта. Один — высокий, черноволосый, в черном пальто, из-под которого показывались узкие, по новой моде, серые панталоны, в клетчатом картузе; другой — пониже ростом, в гороховом пальто и в черном котелке. Возле дома Пуаре они приостановились, потоптались у подъезда, поговорили о чем-то и пошли к Газетному переулку.

Гостиница «Шевалье» встретила их шумом, криками, конским ржанием. У крыльца стояло несколько возков, саней, из которых выходили богато одетые люди, и швейцар помогал заносить вещи, и гостиничные мальчишки крутились тут же, хватая то корзины, то баулы, то чемоданы, и кучера задавали лошадям овса, — видимо, приехало большое семейство. Часть господ была уже внутри здания, а несколько молодых горничных металась среди экипажей с распоряжениями мужикам, что взять сначала, а что потом. И уж такие они были хорошенькие, такие тонкие и славные, так прелестно и со вкусом одеты, что, наверно, уж очень хороши были их господа.

Девицы тотчас заметили, что они произвели впечатление, стали пуще распоряжаться, звонче кричать, да ко всему еще и смеяться. Они, конечно, смеялись не над

Шиповым, ибо он выглядел в их глазах довольно симпатичным со своими соломенными бакенбардами и зелеными глазами, а смеялись они просто от молодости и потому, что увидели в этих зеленых глазах восторг и это им было приятно.

Когда же Шипов опомнился, Гироза рядом не было. Видимо, компаньон уже пил с графом утренний кофе. Тут Михаил Иванович несколько заметался, сконфузился: надо было либо уходить прочь и, как уж повелось, все предоставить находчивому Гиросу, либо наниматься в нумерные, как было обговорено. Но судьба распорядилась по-своему. Дело в том, что одна из горничных, а именно смуглая, черноглазая и краснотубая, все чаще и чаще взглядывала на остолбеневшего Шипова и вдруг крикнула другой, той, что посветлее:

— А барин-то на тебя ведь глядит!

— Уж и на меня! — откликнулась светленькая. — На тебя, на тебя...

— А барин-то душенька!

— Московский, — засмеялась светленькая. — А ты у них спроси: может, они потеряли чего?

«Ах, холеры! — изумился Шипов. — Никакой скромности. Бойкие, уточки».

— Вы чего ищите-то? — спросила черненькая. — Высматриваете чего?

— Бонжур, — сказал Шипов и приподнял котелок. — Больно ты бойкая. А не боишься, как я тебя вечерком встречу, а? А ведь у нас с тобой может вполне тре жолы получиться... Не боишься?

— Ой, — вскрикнула светленькая и залилась смехом. — Ну и Москва!

А у черненькой даже сквозь смуглоту пробился румянец.

— Вы бы вон баульчик поднесли, что ли, — сказала она, смеясь.

Шипов тут же очутился рядом, словно перелетел по воздуху.

— А что нам за это?

— Да несите уж, — сказала светленькая.

Он мигнул ей и так легко помчался с тяжелым баулом на плече по лестнице, по ковру, на второй этаж. Там кто-то велел свалить баул в общую кучу вещей, громоздившихся перед дверью в номер, и Михаил Иванович, сгорая от нетерпения, заторопился вниз. Занятый мыслями о черненькой красотке, он и не заметил, как из-за колонны высунулось чье-то круглое внимательное лицо.

Вещей в саях оставалось совсем немного.

— А что нам за это будет? — снова спросил Шипов.

— А вот еще сундучок снесите, — засмеялась черненькая. — Аи устали?

— Видать, воронежские, — сказал Шипов, тяжело дыша, — больно на язычок востры. — А сам подумал: «Ну куды Матрене до этой-то!»

— Воронежские, воронежские, — сказала светленькая, — а может, тверские...

Он уже не бежал вверх по лестнице — сундучок давил на плечи. Наконец он добрался до дверей номера и опустил свою ношу. И вот когда, взъерошенный и взопревший, возвращался он назад, из-за колонны высунулось недоброе и насмешливое лицо частного пристава Шляхтина.

Сердце Михаила Ивановича дрогнуло.

«Не надо было, шерше ля фам, с девицами играть! — горько подумал он. — Теперь непременно призовут, скажут: такой-разэдакой, горничных пшупаешь, а мы тебе деньги за что платим?.. Эх, мезальянс вышел!»

Но он не подал виду, что узнал пристава, и вывалился на крыльцо. Перед входом никого уже не было. Возвращаться искать черненькую Шипов не рискнул. Сетуня на жизнь, он скользнул за угол и побежал подальше от греха.

Но тревога делала свое дело, и вот в голове секретного агента возникла спасительная мысль, и вот уже она облеклась в плоть и кровь, а ноги сами понесли, и не просто так, куда-нибудь, а прямо по назначению.

«Теперь главное чего? — думал Михаил Иванович, торопливо шагая. — А того, чтобы самому успеть раньше частного пристава депеш отбить их сиятельству».

И вот, пристроившись на уголке стола в доме знакомого писаря, спросив чернил, бумаги и перо, он, попрыгав, сочинил письмо, которое призвано было посрамить частного пристава Шляхтина, буде он начнет жаловаться на нерадивость секретного агента, который, вместо того чтобы следить за графом, носится среди неизвестных девиц, тратя казенные деньги.

Вот это письмо Михаила Зимины:

СЕКРЕТНО

Московскому Обер-Полицмейстеру,
Свиты Его Величества, Господину
Генерал-Маиору Графу Крепину

Имею честь доложить Вашему Сиятельству, что, намереваясь отправиться в Тулу по приказанию Вашего Сиятельства, касательно наблюдения за именем Их Сиятельства Графа Толстого, оставался в Москве, а не отправлялся по назначению вследствие нахождения Их Сиятельства Графа Толстого в Москве в номерах Шевалье и по причине наблюдения за ними, что помогло о многом таком узнать, чего Ваше Сиятельство и не мыслило себе а теперь отправляюсь в Тулу по назначению Вашего Сиятельства с сообщением о скором времени всех подробных обстоятельств.

И лихо вывел свою новую, секретную фамилию.

Тщательно перебеленное писарем, это донесение Шипов сдал в канцелярию обер-полицмейстера и, весьма довольный собственной сметливостью, заторопился обратно — послушать Гироза о его приключениях.

На углу Газетного и Тверской, на условленном месте, компаньона еще не было, а стояли два студента, один высокий, а другой пониже, с бородкой. Михаил Иванович оборотился к ним спиной и любовался Тверской в предвечернее время, думая о том, как он ловко все-таки опередил частного пристава Шляхтина и какая была та исчезнувшая, черненькая, с красными губами (куды Матрене-то)...

Вдруг до слуха его донеслось имя графа Толстого, произнесенное одним из студентов. Тут Шипов наострился и стал слушать. Сперва разговор шел какой-то непонятный, так себе, бестолковщина одна, но затем выровнялся и потек, словно быстрая речка. И через пять минут Михаил Иванович, к изумлению своему, понял, что студенты эти и есть из тех, которых граф Толстой приглашал в свое имение учительствовать и о которых беспокоился вчера частный пристав Шляхтин, когда в городской части объяснял ему, Шипову, суть дела. И еще услышал Шипов, что через день-два намерены студенты отправиться по месту своего нового жительства, а именно — в имение Ясная Поляна.

Тут Шипов заволновался, как бы не упустить добычу, но услышал фамилию Евдокимова и понял, что молодцы намерены перекусить подешевле, а может, и пропустить по случаю отъезда.

Аи да денек! Судьба сама кидала Шипову в руки жареных перепелочек.

В этот момент и появился господин Гироз.

РАССКАЗ АМАДЕЯ ГИРОСА

...Ну вот, Мишель, вхожу, значит, поднимаюсь по лестнице, иду по коридору, а он уже идет. Ждет, представь себе! Дверь в номер распахнута, и ждет.

— Что же так поздно, господин Гирос? — говорит радостно. — Я вас просто ждался!

— Да я спешил, ваше сиятельство, — говорю, — колесо у кареты соскочило, левое заднее.

— Это ужасно, — говорит, — но слава Богу, заднее.

Проходим в комнаты. На нем вишневый халат, на ногах персидские чупаки из парчи, в руках трубка. Пахнет духами, кофеем.

— Очень рад, что вы пришли, — говорит, — ну просто очень. Мы с вами так приятно провели вчера время. Я как проснулся, все о вас думаю. Думаю: где этот приятный господин? Где же он? Не угодно ли кофею?

— Можно, — говорю, — отчего же... Мне также, граф, приятно было с вами беседовать. Особенно — об эманципации. Большой вопрос.

Бросил ему косточку. Он не берет. Ничего, думаю, дай Бог время. Пьем кофе. А хочется есть чертовски. И он, представь, словно в душу заглянул.

— Простите, господин Гирос, я так обрадовался вашему приходу, что совсем позабыл спросить: изволили вы завтракать?

— Представьте, ваше сиятельство, нет, — говорю. — Эта история с каретой выбила меня из привычного порядка... Но, полноте, не беспокойтесь.

Он очень заволновался, вскочил, захлопал в ладоши. Вошел лакей-старик. Граф ему наговорил, наговорил, наприказывал. Не прошло и минуты — тащит. Весь стол уставил. И графинчик, представь.

— Ну, ваше сиятельство, раз такое дело, — говорю, — не откажите компанию со мной разделить.

— Ах, да я сыт, — сокрушается он. — Впрочем, ежели слегка только, чтобы вам не скучать. Пейте-ешьте на здоровье.

А стол уставлен весь, я тебе говорил. Все сияет, блещет, переливается. Пар идет... Так, думаю, с чего же начнем? Может, с пирога? Очень хороший пирог, с грибами, только что из печки... Нет, думаю, для начала, пожалуй, можно и обжечься.

В этом месте Шипов вдруг вспомнил, как, бывало, выкатывал он в доме князя Долгорукова столик красного дерева, полированный, с перламутровыми украшениями на крышке, весь такой важный, на четырех изогнутых ножках да на колесиках. Крышка его поднималась, опрокидывалась, а из-под нее вылезал на свет Божий целый полк графинчиков и штофчиков, тоненьких, пузатых, граненых, плоских, в которых мягко колыхались всевозможные настойки, окрашенные в невероятные цвета то ли сами по себе, то ли от разноцветного посудного хрусталя. Каких там только настоек не было! Затейлив человеческий вкус и безграничны его ухищрения. Пестрая, ароматная, жгучая эта армия вызывала слюну, а рядом, тут же, возвышались хрустальные рюмочки и тихо звенели от малейшего прикосновения... Глазам было больно глядеть на все это богатство, и выбирать было трудно, с чего начать: то ли с хреновочки, слегка мутноватой от соков, выпущенных щедрым корешком, покоящимся на цветном дне; то ли с бледно-желтой лимонной; то ли с чесночной; а может быть, и с зубровки, едва зеленоватой и таинственной, словно русалочьи глаза, в которой неподвижно и изящно изогнулась пахучая травинка, сама похожая на спящую русалку... Ах, начинай с ко-

торой хочешь!.. Но это не все. Тут же в хрустальных вазочках мелкие кубики ржаных сухарей, или капуста с клюквой, или скрюченный ильменский снеток, или даже сушки, но такие маленькие, что едва на зубок. И это не для того, чтобы есть, а вот именно на зубок положить, придавить и зажмуриться...

— Да ты меня не слушаешь, — обиделся Гирос.

— Давай, давай, — сказал Шипов, проглатывая слюну. — Продолжай, се муа.

— ...Да, с чего же начать? Наливаем с графом по одной. По второй...

— Ваше здоровье, граф.

— Ваше здоровье, господин Гирос.

Теперь можно и закусить. Но я голоден чертовски. Ну что мне грибок там, другой? А плесну-ка я, думаю, щей. Это будет в самый раз... Горяченького, горяченького? Ну, наливаю. Сижу, ем. А время меж тем идет. Пора, думаю.

— Ваше сиятельство, — говорю, — я целую ночь не спал, все думал о сказанном вами. Вы правы, письма в Сенат и даже на высочайшее имя — это все вздор... Но где же та молния, которая способна согреть и озарить мою мятущуюся душу? Где, я вас спрашиваю? Мы с вами просвещенные люди, да неужели же нет для нас благородной почвы, которую мы могли бы возделывать?

Буря, Мишель! Я разбудил бурю. По его лицу идут пятна. В глазах слезы. Руки дрожат, водка расплескивается... Ага, думаю, взял косточку, взял все-таки! Теперь легче пойдет. Всегда, знаешь, стоит одну всучить, как остальные и предлагать не надо. Такая жадность просыпается в человеке, что только успевай бросай, брат...

— Я знал, господин Гирос, что вы в высшей степени благородный и смелый человек. Я должен перед вами открыться. А не кажется ли вам, что вполне можно где-нибудь вдали от просвещенных столиц, не произнося зажигательных речей и не мозоля глаза официальным властям, вести тяжбу с режимом?

— Не улавливаю сути, — говорю. — Это в каком же смысле? Как то есть понимать, что вдали, и не произнося, и не мозоля?

— А вот так, — говорит, — где-нибудь в глуши встречаться с людьми, беседовать, собирать деньги в помощь господину Герцену...

— Кому? — спросил Шипов.

— Известный возмутитель, Мишель. Живет в Англии... Да, помогать, значит, этому Герцену, крестьянам жужжать в уши, что больно их притесняют, притесняют... А когда придет, мол, время, молнию-то и запустить.

— Хм, — сказал Шипов, — а полиция, лямур-тужур, на что?

— А полиция, мол, и не заметит, — захохотал Гирос. — Вот так. А я, брат, намекаю ему, что, мол, не его ли имение эта глушь, где мол да и подобными делами заниматься.

— Мало ли имений, господин Гирос, — смеется, — где можно... Имений много...

Понимаешь, Мишель, я сижу сам не свой. Понимаю, что я его ухватил. Ухватил ведь. Держу! Ну, думаю, еще одну косточку я тебе швырну, авось не подавишься.

— Ваше сиятельство, — говорю, — дозвожь, я тебя буду Левоу называть?

Он, знаешь, сначала удивился немного, даже поморщился:

— Левоу?.. А не рано ли?.. Как-то это немного не того, а?

— Да нет, что ты, — говорю, — Господь с тобой! Ты меня не понял. Это наедине, наедине. А на людях, если хочешь, ты для меня Лев Николаевич... Мне ведь ничего не стоит.

— Ну ладно, — говорит, — Бог с тобой.

— Вот и чудно, — говорю, — вот и чудно! Давай, Левушка, еще по одной?

Еще мы выпили.

— Если хочешь, — говорит, — приезжай ко мне в Ясную. Поживи, осмотришься... Может, и тебе дело найдется. Сегодня вечером приходи непременно, цыган позовем, будем отъезд мой отмечать...

— Когда же он, Амадеюшка, домой-то собирается?

— Дня через два. Говорит, еще кое-какие делишки обтяпать нужно. А сам подмаргивает, каналья.

— Теперь, — сказал Шипов, — завернем-ка мы, тре жоли, в трактир. — И он рассказал о студентах.

— А ты, оказывается, не теряешься! — захохотал Гирос. — Мое сердце с тобой!.. Может, ты мне денег дашь? Ну, Мишель, что ж я без денег? Мне ведь ехать не на что...

И они отправились в трактир Евдокимова, где произошли уже известные события.

И вот Шипов шел теперь с Матреной рядом по ночной Москве, Столица словно замерла вся. Прохожих не видно. Только случайный извозчик медленно проплывает мимо, подремывая на ходу; захрипят, залают во дворах собаки, переругиваясь, и тут же успокоятся; какой-нибудь безумный петух, не разобравшись спросонок, вдруг возвестит утро. А так тихо в Москве. Очень тихо.

Молча, не говоря друг другу ни слова (Шипов — раздумывая, Матрена — благоговей), шли они через Газетный на Тверскую. И вот уже злополучный трактир Евдокимова скрылся за углом, и вот уже гостиница поравнялась с ними. Она была темна, только из-за ставен кое-где пробивался свет — в ресторане гуляли. Может быть, и граф с Гиросом опрокидывали сейчас по последней рюмочке, и Шипов представил себе своего компаньона, захмелевшего, веселого, тычущего длинным носом в благородную щеку графа. Может быть, и черненькая, краснотубая молодка видела сейчас третий сон и почмокивала во сне, разметавшись вся...

Вдруг дверь гостиницы растворилась, старый швейцар вышел на крыльцо и принялся для какой-то надобности набирать в миску снегу.

— А что, любезный, — спросил Шипов, — их сиятельство граф Толстой спят-с али в дорогу собираются? А может, с цыганами гуляют?

— Вестимо, спят, — охотно откликнулся старик. — Они, чай, пять ден как уехали. Теперича дома-с у себя спят... Может, спят, а может, и гуляют. Барская воля.

— Как это уехали? — переспросил Шипов с ужасом. — Да рази они не у себя-с в номере?

— А так и уехали. Я сам их провожал... В Тулу-с.

Слабость разлилась по телу Михаила Ивановича.

— А может, в номере они? — спросил он без надежды.

— У них в номере господин статский советник Баскаков с супругою, — сказал старик и захлопнул дверь.

Тут страшная ярость охватила Шипова. Он велел Матрене одной добираться до дому, а сам помчался что есть мочи на Самотечную.

С первого удара дверь в каморку Гироса не поддавалась. Шипов нажал посильнее, гнилые крюки не выдержали, планка сорвалась, и путь был свободен...

— Кто? — хрипло заорал Гирос.

Шипов стоял на пороге, тяжело дыша, и не видел во мраке, а только слышал, как с ужасом затаилось где-то рядом, неподалеку долговязое тело компаньона.

— Свечу зажги, — приказал Шипов.

— Сейчас, сейчас... — завозился Гирос, — сейчас, ваше сиятельство... Ох, Господи...

Наконец свеча затеплилась, пламя разошлось, печальный ночной свет повис в каморке. Шипов взгляделся, и сердце его упало, и буря нежданно улеглась, словно ее и не было, и только легкий, грустный туман закачался перед ним, поплыл, обволакивая и расслабляя.

Испуганный, взлохмаченный Гирос сидел в дальнем углу, закрыв ладонями лицо, а на единственной кровати, разметавшись под лоскутным одеялом, знакомая смугляночка спала таким крепким сном, словно и не срывалась дверь с петель, и не метался по каморке безумный от страха Гирос, и не кричал Шипов, словно и вообще не было на свете никакого движения — лишь вечный покой.

Картина эта была так внезапна и так поразила Михаила Ивановича, что он вдруг позабыл, где находится, и никак не мог понять, зачем он сюда пришел, о чем должен спросить и куда ему теперь отправляться.

А она спала, и свеча потрескивала, и за окном грянули первые петухи, и Гирос неподвижно скорчился в углу, как побитый грач, и на столе лежал надкусанный пряник.

— Ну, говори, тре жолы, — прошелестел Шипов, стараясь не разбудить спящую, — рассказывай, как с цыганами гулял.

— Я гулял, Мишель, гулял, — откликнулся Гирос, не раскрывая лица, — клянусь...

— Так, — сказал Шипов, вновь накаляясь. — А граф?

— Это Лева-то?.. Спит, должно быть...

— А в гостинице сказали: мол, пять ден как уехал из Москвы.

— Да не может быть, — сказал Гирос обреченно, — это они спутали спросонок...

Как же уехал, когда мы с утра — у Пуаре?.. Клянусь...

— Сейчас бить тебя буду, — сказал Шипов шепотом.

— Бей, — покорно согласился Гирос.

— Сверну нос, антре, на сторону...

— Сворачивай, Мишель, сворачивай...

Шипов сделал тихий шаг. Смугляночка спала не шевелясь.

— Погляди на меня, погляди на меня внимательно, Мишель: разве я могу соврать? — сказал Гирос.

«Можешь, — вновь остывая, подумал Шипов, — и я могу, и все могут. Когда нам чего нужно, мы и соврать, и убить можем. — Он снова глянул на смугляночку. Она причмокнула во сне. — Целуется... мышка. А и не больно-то хороша — одни кости...»

Он медленно возвращался к Никитским воротам.

Утро приближалось стремительно. Уже брел по Москве рабочий люд и заспанные половые открывали трактирные ставни.

«Нет, — думал меж тем Шипов, — силы в ней никакой, так, рюмочка стеклянная».

А Матрена ждала, не ложилась. И снова она накормила его, напоила, не спрашивая ни о чем, уложила в теплую постель, прибрала раскиданные вещи, разделась и легла рядом. Сквозь маленькое зимнее окно пробивался в комнату рассвет, серый и робкий. Матрена неподвижно лежала рядом, но не спала. Шипов осторожно повернул голову и краем глаза глянул на нее. Она ему понравилась. И он представил себе ее сильное тело и высокую грудь, которая медленно и равномерно приподымала перину, и круглые плечи, и две ладони, горячие, как свежие лепешки...

— Взял бы ты меня в жены, Михаил Иванович, — тихо сказала она не оборачиваясь, — все равно ведь пьешь, ешь, спишь со мной... Я бы тебя пуще жалела...

— Эх, Матреша, — сказал Шипов с нежностью, — а летать-то кто ж будет?

— Ну и летай, нешто я помеха тебе?..

«А ведь и впрямь, тре жоли, — подумал Шипов в полусне. — Вполне аншанте, мерси...»

И он обнял ее и закрыл глаза, и ему показалось, что он обнимает ту самую, черненькую, ту самую воронежскую мышку...

СЕКРЕТНО

От Частного Пристава
московской городской части
г. Москва

Его Высокоблагородию
Господину Подполковнику Шеншину Д. С.

Довожу до Вашего сведения, что М. Зимин замечен мною проводящим время в Москве, вместо того чтобы срочно отправляться в г. Тулу по распоряжению Их Сиятельства Господина Генерал-Маиора Крейца.

Сознавая всю важность операции, считаю своим долгом поставить о том в известность Ваше Высокоблагородие.

Пристав Шляхтин

ВЕСЬМА СЕКРЕТНО

Управляющий III Отделением
Собственной Его Императорского
Величества Канцелярии
С.-Петербург

Господину Московскому Обер-Полицмейстеру Графу Крейцу Г. К.

Из вашего письма III Отделению стало известно, что лицом, долженствующим осуществить наблюдение за просветительской деятельностью Графа Л. Толстого, утвержден секретный агент (М. Зимин).

Сознаюсь, что в первую минуту это известие вызвало во мне некоторое недоумение. Его я знаю лично, он служил при мне. Хорош агент для исполнения такого щекотливого задания, нечего сказать! Я очень удивился тому, как можно было его выбрать, — это просто сыщик для карманных воришек.

Однако в том, что Вы пишете далее, я вижу, Ваше Сиятельство, некоторый резон, именно в том смысле, что поименованный выше являлся в свое время дворовым человеком князя Долгорукова, а значит, лицо доверенное...

Вполне вероятно, Милостивый Государь, что Вы правы, и я хочу надеяться, что князь будет доволен.

Генерал-Маиор Потапов

(Из неофициальной записки
князя Долгорукова В. А. — генералу Потапову А. Л.)

...а посему и полагаюсь на Ваше решение. Я лично думаю, что это будет хорошо, ибо, по всей вероятности, иной секретный агент, имеющий отношение к политическому надзору, благодаря своей профессиональности, может быть, и выполнит поручение отменно, но не исключено, что в трудной ситуации личные интересы смогут в нем возобладать над интересами службы и долга, а это, как Вы понимаете, приведет к излишним печальным осложнениям, вплоть до открытого скандала, чего нам следовало бы избегать пуще чумы.

Вот, Ваше Превосходительство, мои соображения относительно (Зимина), преданность которого мне лично, в бытность его моим человеком, не оставляет почти никаких сомнений, я имел в том случай убедиться. Тем более что все задуманное теперь приобретает характер семейной тайны...

Проследите, Ваше Превосходительство, за соблюдением всех мер крайней предосторожности...

(Из письма
Л. Н. Толстого — В. П. Боткину)

...Получил я Ваше письмо в то время, как наверное думал, что умру. Это у меня было все нынешнее ужасное, тяжелое лето. Я ничего не делал, никому не писал... Я издаю теперь 1-ю книжку своего журнала и в страшных хлопотах. Описать Вам, до какой степени я люблю и знаю свое дело, невозможно — да и рассказать бы я не мог... У нас жизнь кипит. В Петербурге, Москве и Туле — выборы, что твой парламент; но меня, с моей точки зрения, — признаюсь — все это интересует очень мало... Я смотрю из своей берлоги и думаю — ну-ка, кто кого! А кто кого, в сущности, совершенно все равно... Прощайте, жму Вашу руку и прошу на меня не сердчать. Денег я Вам сейчас не высылаю, потому что у меня их нет, но, как сказано, вышлю на этой неделе... Зубы у меня все повываливаются, а жениться я все не женился, да, должно быть, так и останусь бобылем... Бобыльство уже мне не страшно...

(Из письма
Генерал-Адъютанта Тучкова П. А. — Генералу Потапову А. Л.)

...и естественно, что я не мог одобрить сего выбора с легким сердцем, видя перед собой, как мне показалось, истинное чудовище со странными манерами и в грязной манишке. Однако рекомендация князя Долгорукова позволяет мне надеяться на особые, скрытые достоинства упомянутого агента.

Знаю, любезный Александр Львович, как Вам несладко приходится, как Вы пишете, с новой вспышкой либерализма, однако же я полон веры в благополучный исход нашей с Вами деятельности и уповаю на Всевышнего.

Пользуюсь этим случаем, чтобы уверить Вас в истинном моем уважении и душевной преданности.

Московского
Обер-Полицмейстера
Канцелярия
г. Москва

Его Превосходительству Господину Военному Генерал-Губернатору

Спешу уведомить Ваше Превосходительство в получении первого сигнала от секретного агента Зимина, полученного мною еще из Москвы, где агент использовал случай войти в соприкосновение с самим Графом Л. Толстым, что позволяет мне сделать заключение, судя по его письму, о бесполезности установленного нами надзора.

Ежели агент не склонен к мистификации, я начинаю понимать рекомендацию князя Долгорукова.

Из письма Зимина следует, что он теперь уже в Туле, а стало быть, в ближайшее время можно рассчитывать на получение дальнейших результатов.

Граф Крейц

(Из письма Л. Н. Толстого — В. П. Боткину)

...Я здесь — в Москве — отдал всегдашнюю дань своей страсти к игре и проиграл столько, что стеснил себя; вследствие чего, чтобы наказать себя и поправить дело, взял у Каткова 1000 рублей и обещал ему в нынешнем году дать свой роман — Кавказской. Чему я, подумавши здраво, очень рад, ибо иначе роман бы этот, написанный гораздо более половины, пролежал бы вечно и употребился бы на оклейку окон. Что было бы лучше, вы мне скажете в апреле...

(Из записки Подполковника Шеншина — приставу Шляхтину)

...мнение Его Сиятельства Графа Крейца относительно задержки Зимина в г. Москве. А вы, сударь, постарайтесь впредь не торопиться с собственным мнением и не сбивать с толку своими необдуманными донесениями...

По Туле гулял ранний, молодой, розовощекий, еще неукротимый февраль и засыпал ее снегом немилосердно, и горе тому, кто остался без крова, или кого дела или собственное безумство погнали в слепую дорогу.

Но в доме вдовы отставного капитана Каспарича было в эти дни тепло и надежно. Умелые, сильные руки Дарьи Сергеевны превратили дом в уютную крепость, ее мягкое сердце в сочетании с сильным характером согрели его и придали ему сходство с пристанью земли обетованной.

Дарья Сергеевна, или, как она сама себя называла, Дася, любила этот дом и то, как она жила, то есть свою бедную, но гордую независимость, хотя крайние обстоятельства и вынуждали ее иногда не пренебрегать путешествующими людьми, загорающимися капризом снимать у нее комнаты.

К своим недавним жильцам, галицкому почетному гражданину Михаилу Ивановичу Зимину и тамбовскому мещанину Амадею Гиросу она быстро привыкла и даже успела их полюбить за скромность, простосердечие и высокопарность, но при этом всякий раз за вечерним самоваром не забывала вспомнить первое впечатление, произведенное на нее их появлением.

— Когда я увидела ваш нос, господин Гирос, — говорила она, смеясь, — я чуть было не сошла с ума: Господи, что за нос! Да он же не поместится в комнатах! Да оставьте его на улице, пусть он там сам, один...

— Вы страшная женщина! — обижался Гирос. — Да он и не так уж велик... А без него легко ли?

— Нет, нет, — говорила она, — теперь и я вижу, что и не так уж и велик... Даже и не велик вовсе, а напротив... ха-ха... Это же греческий нос?

— Конечно, греческий, конечно, греческий, а вы думали?.. Я же грек.

— Грек? Ха-ха-ха... А вы же утверждали, что итальянец?

— Ну, конечно, и итальянец... Скажи-ка, Мишель.

Но Шипов в этом пикировании обычно не участвовал, он только молча улыбался да разглядывал Дарью Сергеевну и думал, что она все-таки хороша, не в пример Матрене, и тоже вдова, а Тула — не Москва, конечно, но жить можно.

Все было у Дарьи Сергеевны, у Даси, такое, словно природа заранее позаботилась, чтобы угодить Шипову: маленькое добротное тело, белое круглое лицо, голубые глаза. Кольца русых волос покоились на ее аккуратных розовых ушках. Аромат духов и пудры витал над нею, словно невидимый ангел. Когда она находилась рядом, трудно было усидеть, такой жар исходил от нее.

С тех пор как в доме поселились мужчины, Дасе не стало покоя, то есть не то чтобы именно ей, а они все трое жили в каком-то нелепом полусне или даже кошмаре.

Дело, видимо, заключалось в том, что наши компаньоны со дня приезда еще и не думали заниматься своим государственным делом, а только ели, пили, любезничали с Дасей, отсыпались и уже через несколько дней сладкого своего житья округлились и похорошели. И это было бы прекрасно, когда бы рядом не существовала Дася, когда

бы она не разговаривала и не смеялась с ними, не взглядывала многозначительно, не краснела бы; если бы они не слышали ежедневно стука ее каблучков, если бы не вздрагивали всякий раз, когда ее босые ножки прошлепывали где-то там, внизу, в таинственной ее спальне.

Дася определила постояльцам две светелочки, в которых они проводили ночи, полные тревог и предчувствий, и с полудня до вечера занималась ими, как могла, скрашивая их жизнь, да и свою тоже.

Ей было известно, что постояльцы приехали в Тулу для устройства личных дел, а почему они ими не занимаются и как им надлежит устраиваться дальше, она не спрашивала.

Безоблачность первых дней постепенно исчезла. Дасины многозначительные взгляды обжигали все сильнее и чаще, движения рук становились резче. Она теперь неожиданно прерывала свой смех, и лицо ее на мгновение омрачалось. Правда, справедливости ради нужно заметить, что до наступления вечера она оставалась прежнею, но вот едва опоражнивался самовар, и прислужница Настасья отправлялась спать в свою каморку под лестницей, и они оставались втроем в маленькой кружевной гостиной, как дремавшее в них электричество начинало испускать разряд за разрядом, глаза их вспыхивали, фразы не договаривались, хохот не радовал, а руки не находили места.

Потом, когда не оставалось уже ни слов, ни желания смеяться, а только легкое потрескивание слышалось в тишине то ли от догорающих свечек, то ли от кипения страстей, она вставала и отправляла их по светелкам.

— Ступайте, ступайте, — говорила она, нервно теребя оборки на платье, — мужичье, мужланы. Все вы одинаковы. Вам бы только оскоромиться. Ступайте, ступайте... А Дася пойдет в спальню и будет всю ночь молиться... А вы не топайте там своими сапожниками и не мешайте ей, мужичье! — И она уплывала к себе.

Иногда она оборачивалась в дверях и грозила им маленьким пальчиком.

— Знаю, знаю, что за мысли у вас в головах. Знаю. И не мечтайте, судари мои... Ишь вы!..

Они тоже поднимались в свои светелки, свечи гасли, но электричество продолжало испускать искры и легкое таинственное потрескивание нарушало торжественную тульскую тишину.

Шипов залезал под пуховое одеяло и удивлялся своей новой жизни. За стеной поскрипывала лежанка под Гирсом, но о компаньоне в такие минуты Шипов не думал. Все мысли его откровенно и нагло устремлялись вниз, сквозь пол, туда, откуда доносились различные тихие звуки. И он определял: вот она молится, вот босичком пробежала, вот улеглась — зазвенели пружины, и снова шлепанье босых ножек, и снова звон пружин, и голос (молится), а может, опять те же пружины. Вдруг глухо хлопала дверь, молитва обрывалась, звон пружин возносился к потолку, бился о него, ломал крылья и падал бездыханным... Да что же это такое!

Шипов поднимался и в одном исподнем появлялся в каморке Гирса. Компаньон он заставлял обычно лежащим на лежанке животом вниз, голова его свешивалась к полу так, что черные волосы Амадея касались досок. Однажды так вообще Гирс устроился на самом полу, лежал, распластавшись, словно убитый, и слушал, что делается в спальне у Даси.

Чтобы заглушить ночную тревогу, Шипов говорил:

— Ишь отъелся, кот... А кто же, эскузе муа, будет работу делать?

На что Гирс обыкновенно отвечал:

— Ну, Мишель, ты только прикажи. Я куда ты пожелаешь, хоть в огонь... Мне ведь ничего не стоит. Хочешь?.. Действительно, ты прав; ну, пожили, осмотрелись...

— Завтра езжай к их сиятельству, — говорил Шипов насмешливо, — они тебя ждут, сетребьен.

— Ах, Мишель, — вскакивал Гирос, — ну что ты какой, право! Все поверить не можешь! Да я же не врал тебе, не врал... Вот увидишь, когда я тебя к графу повезу, к Левушке, вот увидишь... Тогда ты убедишься, чорт возьми! Вот увидишь тогда... Я же не врал. Это швейцар дурень, соня... А ты уши и развесил! — И он ослепительно улыбался. — Вот ты увидишь, дай срок. Мое сердце обливается кровью, чорт...

— Нет уж, лямур-тужур, будя со сроками, — настаивал Шипов, — завтра и отправляйся.

— Ну хорошо, хорошо, — отбивался Гирос, — экое дело, прости Господи! Да мне ничего и не стоит. Я даже рад буду встретиться с графом... Ну, гони, Мишель, легавую, гони ее, гони!

Внизу хлопала дверь, звенели пружины, и компаньоны замолкали, и Шипову казалось, что нос Гироса упирается в самый пол и уже готов пробить доски...

— Ну чего, — говорил Михаил Иванович, стряхивая оцепенение, — чего уставился, мон шер? Или позабыл про завтра-то?

Гирос выпрямлялся, гладил нос, смеялся беззвучно.

— Но я-то рад! Я рад чертовски, что ты мне наконец разрешил посетить графа... Ей Богу. Ты знаешь, я скажу тебе: граф, может, и преступник, даже наверняка преступник, но он мне нравится. Он веселый, ни о чем не догадывается... А я люблю игру... Ты мне дашь денег? Просто у меня ни копейки... Ну мало ли что. Я ведь, в конце концов, на службе...

— А вот съездишь, — отвечал Шипов непреклонно, — все тебе будет.

А сам думал с тоской, что не к добру эта сладкая жизнь, и очень просто все это может кончиться, и не прилетят денежки, как белые лебеди из южных стран. Ах, скоро скоро к ответу призовут, а он и знать ничего не знает: какой такой граф, какая такая Ясная Поляна... Канцелярия денег не шлет, а время придет — все равно спросит, она не помилует.

Да, Москва пока молчала и ни о чем не спрашивала. Шипов все чаще и чаще видел перед собою как бы прикрытые легким туманом ее золотые маковки да зубчатые стены...

И снова внизу раздавалось шлепанье босых ножек, и приглушенный голос, и словно всхлипы, и оба они вновь забывали обо всем, и вытягивали шеи, и замирали.

И опять Шипов погружался в жар своей перины и закутывался с головой, словно спасался от кошмара, но ухо само вылезало на свет Божий, чтобы ловить звуки, взлетающие снизу.

«Пуцай он прокатится, — думал Шипов, — пуцай он с графом кофей пьет... Ах, лишь бы разнюхать все как есть, как там, чего там, донесение послать. Тогда, глядишь, и денежки рекой пойдут, в Петербурге ведь тоже не дураки... Да пуцай он завтра отправляется, будя ему, антре, баклуши бить».

Но наступало утро, и все продолжалось по-прежнему. Дарья Сергеевна, Дася, хлопотала по дому как ни в чем не бывало, не замечая в доме мужчин; Гирос после чая укладывался на свою лежанку и, нацелив нос в потолок, засыпал; а Шипов отправлялся по Туле к почтовой станции в надежде получить деньги или хотя бы письмо. Но ни денег, ни писем не было.

Дася платы с них вперед не просила, а поэтому они пили и ели с размахом, ни о чем не заботясь, хотя, конечно, маленькая, совсем пустяковая тревога где-то там, в самой глубине ворошилась постоянно.

Иногда же ночное безумство достигало предела и сон отлетал прочь, словно его никогда и не бывало, словно они и не ведали, что значит заснуть и забыться, а, на-

против, только и ждали вечера, чтобы, подобно сомнамбулам, срываться с отвратительного ложа и, простирая руки, искать друг друга в темном доме. И тогда Шипов слышал, как вскакивал Гирос с топчана, как возился у себя в темноте и наконец выходил из светелки, шурша валяными сапогами, сопя и бормоча проклятия, и осторожно устремлялся вниз по скрипучей лестнице.

«К ней пошел!» — догадывался Шипов и тоже вскакивал, тараша в темноте глаза, сопя и бормоча проклятия, накидывал пальто, всовывал ноги в валенки, и бесшумно, подобно кошке, крался следом. На лестнице в бледном мерцании лампадки он видел сторбленную длинноволосую тень Гироса. Затем Гирос исчезал, и тут из своей спальни выплывала Дася, сжимая пальцами виски, и отправлялась на кухню, и слышно было, как она гремит там кружкой и как расплескивается вода, и тогда Шипова вдруг охватывала жажда, но он возвращался к своей лежанке... Потом все это замирало, но спустя малое время повторялось заново.

Случалось, что Шипов все же сталкивался в полумраке лестницы с компаньоном, и тогда едва слышимый шелест разносился по ночному дому.

— Куда это собрался? Али я, ву за ве, не вижу?..

— Да на двор, Мишель. Ей Богу, на двор...

— Али я не вижу?.. А вот собирайся к графу, лямур-тужур, с утра пораньше. Будя.

И чтобы все мне разузнать!

— Непременно, ваше сиятельство. Дозволь, я пройду — мочи нет.

Или Дася выходила из своей спальни в тот момент, когда Шипов скользил тенью мимо.

— Ах!..

— Бонжур... Это ж я... Водички вот испил...

— Вы подслушивали у моих дверей...

— Упаси Бог, я только, антре, водички...

— Нет, нет, вы ко мне ломились. Признавайтесь...

— Я?! Да рази я посмею?..

— Вот господин Гирос спит, а вас носит...

— А они на двор пошли-с...

— Фу!..

И тут он торопливо карабкался по лестнице и слышал, как скрипела наружная дверь...

— Это вы у моих дверей дышали?

— Помилуйте, это невозможно!

— А кто же топтался и ручку дергал?

— Я?.. Вы мне не верите? Клянусь... Не верите? Вот крест святой...

— Значит, это он стоял под дверью, он?..

— Тсс...

— Он?

— Значит, он... Тсс.

— Ах, притворщик!..

И тогда Дасе слышался сверху все тот же шелест:

— Как это я у дверей топтался, мезальянс ты этакий!..

— Да не ты, Мишель, не ты...

— Завтра чтоб у меня...

— Гони легавую, Мишель... А денег дашь?..

И долго еще висело в воздухе, замирая: «Денег... денег... денег? денег?.. денег, денег...»

Это был обычный кошмар. Шорох, шуршание, шелест, шепот. Шу-шу... Шу-шу... Тайное электричество потрескивало голубым пламенем. Приближалась гроза...

В один прекрасный день она разразилась.

Маленький листок бумаги, который Шипов извлек дрожащими руками из синего конверта, вдруг взорвался, и секретный агент услышал голос подполковника Шеншина, грозно и нетерпеливо требующего ответа. О деньгах в письме не было ни слова, ни единого слова. А там-то, оказывается, не дремали, а пришло время спрашивать — и спросили.

И что же?

Михаил Иванович шел по Туле сам не свой, и не замечал ни людей и ни домов, и не слышал, как лают собаки, как гремят колокола, как вылетают из трактиров голоса и прочий шум, и не чувствовал запаха вареной требухи, ржаного хлеба, щей, кваса, и не видел, какое нынче солнце. Все несло мимо него, обходило его стороной, как зачумленного, и он печально шагал по улицам, бессмысленно уставившись в пространство, словно потерял веру в свою счастливую судьбу. Но она, видимо, не дремала, и когда он, точно раненый пес, ввалился в теплое временное свое жилье, и тихонько прошмыгнул в светелку, и прилег там, она склонилась над ним, поразив его горестным, но великодушным ликом, и вдохнула в него свежие силы.

И вот он поднялся, пригладил соломенные свои бакенбарды. Глаза его, было потухшие, вновь приобрели осмысленный блеск, загорелись, даже засияли. Да что же это такое, в самом-то деле! Да что он, лямур-тужур, и выбраться не сможет? Да что ему, впервой это?.. А те, их сиятельство князь Долгоруков и их сиятельство граф Толстой, ежели они что друг ко дружке имеют, пущай себе имеют, это их барское дело. А Шипову деньги нужны, а так просто — накая!.. А ежели откажут?.. Да не может того быть: вон как носило Шипова из канцелярии в канцелярию, как по волнам. Какая суета шла вокруг! Да как же это так — откажут? Ах, не приведи Господи... Тут ведь в их княжеской сваре большие деньги лежат, очень большие... Вы, господин подполковник, ваше высокоблагородие, не сумлевайтесь, мезальянсу не будет. Сейчас, лямур, Амадея пустим, пущай он след берет, будя ему по лестницам-то скрипеть... А вас, господин подполковник, ваше высокоблагородие, мы не обидим: как приказать изволили, так оно и будет. Вам ведь тоже несладко... Как же это вы денег-то не шлете! А за квартиру платить? Я вам за так не нанимался, теперича эманципация...

Окрепнув духом, Шипов проскользнул в светелку компаньона и растолкал его спящего.

— Ну, Амадеюшка, будя спать, серве ву, пора лошадок запрягать, пора поглядеть, как там граф со студентами шалят... Вставай, сударь, господин подполковник интересуются...

— Ах, Мишель, — захохотал Гирос, просыпаясь, — какое счастье! Ты и не представляешь, как я рад! Ведь я нюх начал терять в этом доме. Я все думаю: чего Мишель ждет? Ну чего он ждет? Ну чего он легавую свою на след ве наводит?.. Ты мне не верил! Теперь ты увидишь, увидишь, каков Гирос!»

Размахивая руками, приплясывая, таинственно подмигивая Шипову на глазах у изумленной Дася, Гирос принялся собираться. Сборы его были недолги. Шипов сунул ему последние три рубля, и Амадей, прекрасно возбужденный, выкатился прочь.

«Ваше высокоблагородие, — думал Шипов, сидя в своей светелке, — я из тебя деньги-то выну. Не таков Шипов, чтобы ему хвоста крутили. Како намо, тако и вамо... Нынче вот грек мой воротится, начнет врать, а пущай его врет, я тебе, ваше высокоблагородие, все изображу в подробностях».

Обедал Михаил Иванович в одиночестве, Дася отправилась к родственникам. После обеда он вздремнул, а когда проснулся, было уже темно. В доме стояла тишина.

«Неужто и впрямь поехал? — с удивлением подумал он про Гироса. Но тут же усмехнулся. — Куды ему! Ему бы только ко вдове подкатываться...»

Тут его охватил гнев. Зеленые глаза его сузились, он торопливо оделся и вышел, на ходу сокрушаясь, что отдал Гиросу последние деньги, а надо было бы и себе оставить, потому что тоска по вину становилась все сильнее я огорчительней. Но презрение к компаньону оказалось жарче, а ноги сами завели Михаила Ивановича в первый же трактир. И едва он вошел, как тотчас сквозь дым и чад в желтом мареве свечей увидел Гиросу. Подлый грек или итальянец сидел спиной к нему в компания с какими-то мужиками и опрокидывал в ненасытную свою глотку рюмку за рюмкой. К сердцу Шипова подкатило, и он собрался было схватить компаньона за горло, как тот поднялся и пошел прямо на Шипова. И это был не Гирос.

Тогда неутомимые ноги вынесли секретного агента из трактира и повлекли его по каким-то улицам, дворам, переулкам, через сугробы, покуда не вывели к следующему трактиру. И тут в дрожащем свете фонаря он опять увидел Гиросу. Компаньон стоял у трактирной двери в клетчатом своем холодном картузе и словно не решался войти внутрь.

«Прощелыга! — подумал Шипов, распаляясь. — Сейчас намну!»

— А графа-то где же оставил? — позлорадствовал он.

— А издеся, — пьяно икнул Гирос в указал на дверь трактира. Но это был не Гирос.

«Господи, — испугался Шипов, — али меня нечистый водит?»

Теперь уже на каждом шагу ему встречался компаньон. То он внезапно выныривал из темных ворот, то твердо шел впереди и, едва Шипов пытался его настичь, исчезал неизвестно куда; то Михаилу Ивановичу чудился громкий хохот Гироса, а откуда — догадаться было невозможно.

Наконец Шипов плюнул и, не желая связываться с нечистой силой, отправился восвояси.

Стол был уже накрыт, самовар гудел, гора свежих ватрушек громоздилась перед печальным взором Шипова.

«Сейчас бы пропустить, — подумал он, с ужасом взглядывая на ватрушки. — Пропустить, а опосля щей сала холодного с хреном!»

Но Дася этого не любила. Вином в ее доме не пахло.

— Где же ваш друг, господин Зимин? — спросила она. — Что за таинственные у него дела? Уж не женщина ли?

— Ой, Господь с вами! — сказал Шипов. — Силь ву пле по разным делам. Землю присмотрел. А вы нынче вся консоме... — И вдруг уставился ей в глаза. — Отчего же-с вы никогда вина не пьете?

Она раскраснелась чрезвычайно и опустила голову. Это Шипову очень понравилось. Все-таки благородная дама, вдова, белые ручки. Эх, куды Матрене-то...

— Ну, ну, отчего же-с?

Свечи разгорелись ярче. Под лестницей храпела Настасья. Дася мельком взглядывала на Михаила Ивановича, но тотчас отводила взор. Он сидел перед ней в мышином сюртуке и, едва шевеля пальцами в соломенных бакенбардах, прожигал ее насквозь.

— А для чего вы в комнату ко мне рвались? Ха-ха...

— Да рази я посмею? Хе-хе...

— Так уж и не рвались?

— Да рази я...

— Нет, нет, я положительно знаю... А зачем вы... Может, вы что спросить хотели? Спрашивайте... Да ну же...

Она и закричать может. И укусит, поди. И вдруг он увидел, как его рука начала вытягиваться, вытягиваться, и вытянулась, подобно змее, и поползла по столу, огибая самовар, чашки, сахарницу, гору ватрушек, к ней, к ее белому локотку, ухватила, сжа-

ла всеми пальцами (ах, ты мышка!), потянула за собой ее белую руку, упирающуюся, слабеющую...

И тут уже знакомые электрические разряды вспыхнули, легкое потрескивание пронеслось по гостиной, голубые искры озарили все вокруг.

— У вас глаза, как у беса, — засмеялась она и запрокинула голову, выставя белую шейку. И тотчас его рука, минуя все препятствия, поползла, поползла, и прикоснулась к этой шейке, и придавила ее слегка...

— Лямур? — поинтересовался он.

— Вот вы и по-французски говорите, — вздохнула она, прихлебывая чай, — а меня маменька хотела учить, все хотела, хотела, да померла.

— Когда я жил в доме князя Долгорукова...

— Как же вы так одиноки? У вас и имение, и французский знаете...

«А этот-то, наш, неужто и в самом деле с графом кофей пьет? Неужто в графской карете воротится?..»

— Да и в Туле вам можно подходящую партию сыскать, — продолжала Дася почти шепотом. — Хотите?.. Хотите?.. Хотите?.. — И все это зашелестело, зашуршало, ударились о стены, отлетело, поплыло: «Хотите?.. Хотите?.. Хотите?..» — Зачем это мужчины к одиноким женщинам в комнаты рвутся, а? Как вы думаете?..

— Зачем? Зачем? — будто бы не понял Шипов. — Куда они? Зачем?

— А может, вы и не рвались в дверь? — еще тише спросила она.

— Рвался, сударыня, — сказал он едва слышно. — Не велите казнить...

— А дверь-то не закрыта, — засмеялась она. — Или вы к Настасье рвались?..

«Подхожу, руки, шерше ля фам, за спину, целую в губки: Дасичка, голубушка, те-те-те-те-те... Чего сказать? Да ты постой да погоди, Дася, Дарья Сергеевна! Али я одиночества вашего не вижу?.. Да поди ж сюда... У меня вон забот сколько, но я, бон суар, всегда... У меня на шее вон подполковник Шеншин сидит, совсем антре...»

— Когда же ваш Амадей вернется? — вдруг голосом Шеншина спросила Дася.

— Ваше высокоблагородие, — сказал Шипов потерянно, — не велите наказывать.

Она засмеялась сильнее прежнего, сильнее прежнем запрокинув головку, смеялась и никак не могла успокоиться.

Тут он вскочил, и просеменил вокруг стола, и вот уже стоял возле нее, вдыхая аромат пудры, духов и раскаленной ее души, прикоснулся ладонями к ее плечам, она забилась сильнее, слезы брызнули из глаз, ровно сок спелого яблока, а смех все не унимался...

«Настасью бы не разбудить!» — подумал он и обхватил ее, и тотчас две белые руки взлетели и скрестились у него за спиной. — Вот так Дася! Забавница... Куды Матрене-то! Огонь не тот...»

— Чашку не разбейте, мужлан, — простонала она из-под его бакенбард и снова засмеялась, но рук своих не отвела.

Не выпуская добычи, вместе с нею Шипов взлетел к потолку, потом медленно опустился и полетел по комнате, то взмывая снова, то снижаясь к самому столу, к пламени свечи, обжигаясь, среди электрических разрядов и голубого сияния, касающегося их щек, рук, волос; рушилась гора ватрушек; гулко гудел пустой самовар; звенели чашки...

— Ах, — выдохнула она, отлипая, отталкивая его, — мужик, чудовище, да разве так можно? — И замурлыкала: — Уже ночь на дворе, да? А?.. Не боитесь, что я кричать начну? Нет?..

— Да нет же, нет! — крикнул Шипов, сгорая. — Теперь тре жоли?.. Ли-ли?.. Люлю?.. Ля-ля?.. — И успел подумать: «Подождешь, ваше высокоблагородие!»

— Ах, не надо, уберите!.. Какой вы, в самом деле...

- Ле-ле-ле... А шейка на что-с?
- Вы меня любите, безумец?
- Те-те-те...

Вдруг плечи ее затряслись, показались слезы, она прорыдала из-под скомканного платочка.

- А он-то, он... Вам не жалко его? Не жалко?
- Ко-ко-ко! А губки на что-с?

Он отскочил от нее и залюбовался, как она, благородная, простирает к нему руки — зовет. И тут свеча замигала, запылала, понеслась вон, и она — за свечою, и Шипов помчался следом, стараясь не отставать, туда, к ее таинственной спальне... И когда она, влетев в распахнутую дверь, остановилась там, озаренная пламенем, и поманила его, смеясь и плача... появился Амадей Гирс, вернувшийся из Ясной Поляны.

Дверь спальни тотчас захлопнулась. Наступила тишина.

— А я на двор собрался, Амадеюшка, — объяснил Шипов, подпрыгивая на месте. — Час-то поздний.

РАССКАЗ АМАДЕЯ ГИРОСА

...Как я ехал, Мишель, неинтересно. Ну, ехал и ехал. Приезжаю. Белый дом с колоннами. Четыре этажа. Дворец. Граф сам выходит. Поцеловались. За ним — лакеи, за ними в самой глубине — студенты. Хмурятся. Я им кланяюсь: здравствуйте, господа. А граф торопит: идем, идем... Ну, идем по коридору. Длинный коридор, от него какие-то коридорчики расходятся, другие, третьи... Полно студентов. И они, заметь, не ходят, а почти все стоят у разных дверей, будто что охраняют. «Гнездышко!» — думаю. Идем дальше. Граф идет быстро, я не отстаю и обеими ноздрями втягиваю воздух, вот так... Пахнет, братец ты мой, отлично: говядиной вареной, рыбкой, грибочками и еще чем-то, а чем — не могу разобрать. А ведь должен, должен разобрать, чорт! Понимаю, что чем-то несъедобным, но очень знакомым... Да чем же? А может, не думать об этом? Мало ли чем пахнуть может... А не могу, принохиваюсь: что-то вроде машинного масла или краски какой-то... Зачем ему тут машинное масло? Чего ему смазывать? Это меня мучает, понять ничего не могу. Голод, брат, не тетка. И тут входим в столовую. Представь себе вот такой стол... нет, больше, больше... И весь уставлен. «Ну, — думаю, — держись, секретный агент, чорт, сейчас попробуем, чем граф потчует!»

Шипов слушал печально, поникнув. Трех целковых больше не существовало. Улетели белые лебеди, три белых лебедя казенных, не воротись. А Гирос сидел перед ним, потирал свой лиловый нос, похохатывал. Глаза его горели, словно он только что увел чужого коня и славно его продал.

Ладони Михаила Ивановича тонко пахли пудрой и духами. Внизу, под полом, шлепали босые ножки, и тихие всхлипы долетали оттуда. Шипов слушал рассказ компаньона не раздражаясь, спокойно, с грустью, даже почти не слушал; одна назойливая мысль попискивала в мозгу, а о чем — понять он не мог. О чем? О чем?..

Сперва мы с ним по рюмашечке.

— Будь здоров, Левушка!..

Ах, хорошо пошла... Грибок — шлеп, закусил. У секретного агента голова не должна кружиться. Еще по одной — шлеп. Закусили.

— Запах какой-то, вроде бы машинное масло, — говорю и смеюсь. — Уж не грибки ли ты машинным маслом велел поливать?

— Ах, что ты, — говорит, — помилуй, какое еще масло? — А сам бледнеет, бледнеет...

Так, думаю, идет в силоч, медленно, но идет. Бросаю еще одну косточку.

— Хорошо тебе, — говорю, — в имении, в глуши... А каково мне-то в Москве, среди полиции, жандармов, чинов всяких, негодяев... Так бы, кажется, и бросил бомбу... Иногда думаю в отчаянии: пойду к социалистам, чорт... брошу бомбу в губернатора!.. Я ведь, Левушка, на все готов. Мне ведь ничего не стоит...

Он еще сильнее бледнеет, но молчит. Я его добиваю:

— Веришь мне, граф? Погляди на меня внимательно: разве такие глаза могут врать? Вру я? Нет, ты скажи — вру? Да я же пес, Левушка. Преданный пес, верный...

...Ну вот, пьем, закусываем. Как дома. Я о тебе думаю: как, мол, он там, Мишель? Ему бы тоже пропустить не мешает да грибочек... Ах, нельзя!.. Просто плачу за тебя, братец. А он молчит. Что-то, думаю, я у него разбередил своим разговором, несомненно. Но что это за запах? Где же это пахло точно так же? Где? Где?

...Шипову показалось, что он куда-то проваливается. Речь Гироса долетала обрывками. Внизу все чаще и чаще хлопала дверь — Дася бегала в кухню пить воду.

— ...Чувствую, что на сегодня хватит. А тут как раз подходит хозяин, говорит: мол, пора по домам. Встаем. Отправляемся...

..пил. Ну, будя, — сказал Шипов грустно. — Ступай прочь, сетребьен. Мне делом заниматься надо.

Гирос исчез, а Михаил Иванович придвинул свечу, достал перо, чернила и бумагу и сел к столу.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

От М. Зимина

Его Высокоблагородию Господину Подполковнику Шеншину Д. С.

Объявивши согласие следить секретно за действиями Графа Льва Николаевича Толстого и узнать отношение Его Сиятельства к студентам Университета, живущим у Его Сиятельства под разными предлогами, я отправился в имение Его Сиятельства. Граф Толстой живет Крапивенского уезда в сельце Ясная Поляна, и я узнал, что при Графе находится более 20 студентов разных Университетов и без всяких видов, большая часть из сих студентов проживают в Волостных Правлениях участка Его Сиятельства и занимают должности учителей крестьянских детей, по воскресным же дням собираются все у Графа, а для чего — мною еще не установлено...

В доме Его Сиятельства имеется много коридоров и комнат, двери в кои заперты на замки, а что там в комнатах — постараюсь разузнать.

Что же касается денег, полученных мною от Вашего Высокоблагородия, то они все давно вышли, а никакой мочи нет без оных обходиться, одни прогоны чего стоят.

М. Зимин.

«Авось не обеднеешь, ваше высокоблагородие», — подумал Шипов, отправляя письмо, и через несколько дней от Шеншина пришли деньги. Угрызения совести Михаила Ивановича не мучали. И хотя в письме подполковника крайне сурово приказывалось выяснить фамилии студентов, какой деятельностью заняты, кроме учительства, Шипов с легким сердцем уложил деньги за пазуху.

Он возвращался домой, где Дася глядела на него недвусмысленно, где перо и бумага служили ему надежно, можно было жить не тужить в полное удовольствие, только головы не терять.

«Теперь и выпить можно», — подумал Шипов и почувствовал, как винцо скользит по горлу, как щекочет там чего-то такое, как вслед за ним торопится туда же молодой скользкий грибок.

Вдруг скрипнула какая-то калитка. Тонкий звук струны заколебался, и пока шло это колебание, неизвестный голос пропел шепотом:

...Зачем тебе алмазы и клятвы все мои? В полку небесном ждут меня. Господь с тобой, не спи...

Шепот растаял, будто не был.

Дома Шипов снова перечитал письмо подполковника. На этот раз оно прозвучало угрожающе, и даже настолько, что секретный агент побледнел и сжался. Он пересчитал деньги. Денег было всего сорок рублей. Да неужто граф поболее того не стоит? Ведь граф!.. На грека этого чортова надежды плохи. А что, как сам его высокоблагородие прискачет в Тулу: а ну, показывай, такой-сякой, какая такая Ясная Поляна? Чего

ты успел? Чего разнюхал?.. Да я, ваше высокоблагородие... да мы, господин подполковник... вот какое дело... да я, да мы... Те-те-те... Чего говорить?

Он и Гиросу поведал свои страхи, но Гирос не испугался.

— Вздор какой, чего бояться? Ну, я возьму его с собой, повезу к графу. Граф, скажу, вот братец мой двоюродный... ну? И пусть сам убедится.

А может, он и не врет, длинноносый цыган?.. Но настоящей веры к Гиросу не было. Так, надежда маленькая была, а настоящей веры не было. Ух, граф, беда с тобой! Хоть бы ты карманником объявился...

«Ох, надо бы, надо бы съездить самому, — подумал Шипов с тоской. — Надо бы поглядеть. Холодно в дровеньках-то, замерзнешь, поди. Летом бы, налегке, как хорошо! На травку прилег, в ворота заглянул, туда-сюда...

Бонжур, куда путь держите? Позвольте, се муа, водицы испить...»

Он опять поднес к глазам грозное письмо. Оно слепило пуще солнца. Глаза болели на него глядеть. Попалась, мышка! Придавил тебя маленький кот лапкой. А там уж и большие кругами ходят, косятся, показывают белые зубы.

— Полноте, ваше сиятельство, — сказал Гирос. — Была бы голова на плечах. Вон у меня какая голова, погляди...

«Да голова-то есть, — подумал Шипов, — а что толку?»

— Была бы голова, Мишель, а веревочка всегда найдется, — захохотал Гирос.

— Не мели, чорт! — рассердился Шипов. — Что за манеры, мон шер? Дело сурьезное... Вези-ка меня в имение к графу!

— С радостью, — откликнулся Гирос. «Прощельга чортов, — подумал Шипов с досадой. — А ведь придется ехать, придется...»

И в следующий полдень они собрались. От предстоящего дух захватывало: как? куда? зачем?.. Гирос мурлыкал что-то, ни о чем не беспокоясь. Дася поглядывала на них с недоумением, но не расспрашивала. Под глазами у нее лежали синие круги. Шипов напоследок посверлил ее зелеными глазами, даже мигнул. Она запунцовелась вся и схватилась за виски. Он покачал головой. Она пожала круглыми плечами.

— Как же вы в дорогу, господа, и без обеда? — спросила она с надеждой.

— Действительно! — обрадовался Гирос. — Хотя на охоту ехать — собак кормить... — И захохотал.

«А хорошо бы закусить», — подумал Шипов, расслабляясь. Но подполковник повелительным жестом пригласил выйти, и они отправились.

Раздобыть сани было делом несложным. За целковый любой из мужиков согласился бы гнать в Ясную Поляну и обратно. Но Шипов долго примеривался то к саням, то к лошадям, то к возничим. Что-то его все не устраивало: то в санях сена мало, то лошадка больно неказиста, то мужик хитер. Наконец, провозившись часа с два, они все-таки срядились, и теперь в их распоряжении были свежеструганные дровенки с ароматным сеном, с овчинным тулупом, молодая веселая кобылка и мужик с белыми бровями и ресницами.

— Значит, поехали? — сказал Шипов, оглядывая экипаж.

— Ага, — согласился возница.

— Туда-сюда — и дома...

— Ага...

— Как она у тебя? — спросил Гирос. — Резва?

— Чего? — не прнял мужик.

— Хорошо обернемся — набавим, — пообещал Шипов.

— Ага, — сказал мужик.

Денег вперед у господ он не спрашивал — побоялся. Они уселись в дровенки, погрузили ноги в сено и покатили.

День был отличный. Солнышко едва только перевалило через небесную гору, и поэтому еще было высоко и сияло, навевая приятные, радостные мысли. Подполковник был теперь где-то там — и не видно, яркий день обещал удачу, ассигнации шуршали на груди. Дася ждала со своим самоваром, с ватрушками... Шипов глотнул и почувствовал, словно вино скользнуло по горлу, обжигая и веселя, и тут же он зажмурился и словно откусил пирога с рыбой. Открыл глаза — мелькнул трактир, из дверей его вышел мужик, пошатываясь и озираясь.

«Те-те-те, — подумал Михаил Иванович, — уже хватанул, мезальянс этакий...»

Шипов покосился на Гироса. Амадей выглядел вполне достойно даже в своем клетчатом незимнем картузе. Нос его налился, черные волосы прикрывали высокий лоб, из-под волос поблескивали итальянские глаза. Шипов приосанился.

И снова мелькнул трактир, дверь была распахнута, из нее вышли двое мастеровых, обнялись, запели и пошли. Шипов зажмурился и налил себе целый стакан, понюхал, отхлебнул и запрокинулся. Пошла!.. Потом похрупал грибками, утерся ладошкой... Гирос вздохнул.

— Ты чего? — спросил Шипов.

— Ничего, — сказал компаньон.

Город уже кончался. Впереди виднелся овраг, за ним шло поле.

Гирос поежился.

— Ты чего? — спросил Шипов.

— Трактир, — сказал компаньон.

— Видел, — сказал Шипов. — Ну и чего?

— Мужики гуляли, — сказал Гирос. — Ничего.

В доме князя Долгорукова иди себе в буфетную, наливай чего хочешь, не спрашивай, покуда не увидели... Закусывай. После лимонной, например, хорошо холодной стерлядки. Для начала. Потом, значит, берешь еще порцию, в хрустальном бокальчике она булькает, просится... Так, теперь можно поросеночка с чесночком, ножку... хруп-хруп... Вроде бы хватит?.. Нет, давай еще одну, рябиновую, румяную, под балычок, под балычок...

И тут, как на грех, последний дом повернулся боком и здоровенный рыжий деревянный крендель закачался перед глазами путников.

— Стой! — закричал Шипов. — Стой, тебе говорят! Кобылка уперлась в снег. Шипов вывалился из дровней. Гирос за ним.

— Погоди, братец, — сказал Михаил Иванович вознице торопливо, — дай лошадке овса... Мы сейчас.

И они скрылись в дверях.

Они вошли в знакомую пахучую полутьму, и головы у них закружились от тепла, от запахов, от предчувствий. Выбрали стол поаккуратней.

«Вроде бы господ», — подумал хозяин, оглядывая вошедших. Что-то холодное пробежало у него за пазухой. Он вздрогнул: Шипов смотрел на него пристально, не отрываясь. Тогда он кинулся к столу и отер его собственным рукавом. Все в трактире тотчас перестали есть-пить, разговаривать. Душа у Шипова звенела, как натянутая струна. Он распахнулся. Гирос подхихатывал вождельно. Был праздник.

Через мгновение стол был уставлен, и они припали к нему, не дожидаясь особой команды, тем более что жгучая влага не хотела ждать. Теперь она действительно потекла по горлышку и ледяной студень обволок язык, небо, душу и провалился внутрь.

В этот момент, никем не замеченный, вошел в трактир здоровенный мужик в ладном, с иголки, новехоньком овчинном тулупе, розовощекий, черноусый. Счастливая улыбка озаряла его лицо. Не снимая смушковой астраханки, он легко прошагал мимо столов и опустился на лавку как раз напротив секретных агентов. И вот уже он

тоже пил, и закусывал, и улыбался то Шипову, то Гиросу, и подмигивал им, и вертелся на своей лавке...

Через полчаса компаньоны гуляли уже вовсю, а хозяин едва успевал поворачиваться, поднося все новые и новые кушанья, хотя прежние стояли нетронутые или едва пригубленные, а он все нес и нес, подгоняемый окриками Шипова и хохотом Гироса.

И весь трактир тоже пил, гулял, орал вместе с секретными агентами.

— Господа, — говорил Шипов, — пушай, лямур-гужур, обо мне память будет! Веселитесь, господа!.. — Трактир гудел одобрительно. — Вот, господа, как у нас с вами идет... стол широкий... всего много. (Подполковник Шеншин не очень одобрительно глядел из угла.) Ваше высокоблагородие, не велите казнить!.. Хлеб мягкий — рот большой... За сорок целковых еду для вас душу вытягивать у его сиятельства!.. За сорок целковых... — Трактир вздохнул сокрушенно. — За сорок целковых я вам служу, шерше ля фам, Бог вам судья!.. (Шеншин погрозил ему с небес.) А, пропади ты!.. Вот твои сорок целковых... — Михаил Иванович выхватил деньги и швырнул их хозяину. Тот подхватил ассигнации и стоял, держа их в растопыренных пальцах, не зная, что делать. Вдруг Шипов сказал очень спокойно в наступившей на мгновение тишине: — Еще по бутылочке на каждый стол... — И усмехнулся. — Секретный агент Шипов гуляет... — Трактир замер. (Подполковник Шеншин растворился.) — Меня сам его сиятельство князь Долгоруков знает... — И добавил очень тихо, словно ничего и не было, словно и не пили-ели: — Меня сам генерал-майор, се муа, Потапов к вам сюда послали...

Черноусый мужик весело загоготал.

— Ты это чего? — спросил Шипов. — Аншанте?

— Ничего, — сказал мужик, — приятное занятие. Люблю закусить с морозца, — и ловко плеснул в свой розовый рот водочки, — а у нас пономарь Потапов есть, вот я и смеюсь...

— Ну и чего? — не понял Шипов.

— Да ничего, — сказал мужик, разгладил черные усы, глянул осовело и вдруг запел:

...Зачем тебе алмазы и клятвы все мои?
В полку небесном ждут меня.
Господь с тобой, не спи...

«Готов, — подумал Шипов, — готов поросеночек красногубый...»

Трактир продолжал гудеть, звенела посуда, душное облачко снижалось с потолка, задевало головы. Черноусый мужик поднялся и, покачиваясь, отправился к двери. И хотя ну что в том мужике Шипову, а будто просторнее стало вокруг и задыхалось легче.

Вошел возница, озябший весь. Шипов его узнал, поднес ему — не забыл, и вдруг все вспомнилось, и дрожь охватила Шипова. Он глянул на Гироса — компаньон спал, откинувшись, раскрыв рот, указывая носом на дверь. Предстояла дорога, а не радости с Дасей, и даже не остатки барского кофея в людской, и даже не душная темень трактира...

И вот уже все осталось позади, словно был это сон, только голова кружилась да ассигнации не шуршали на груди, а Гирос спал, натянув картуз на малиновый свой указатель, прикрывшись овчинным тулупом. Солнце давно зашло. Сумерки густели. Впереди было поле, поле, поле.

«Успеть бы до сельца добраться, — трезвея, подумал Шипов, — покуда темень не пришла».

Но не проехали они и пяти верст, как длинноногая февральская темень настигла их, ухватила и поволокла. Задул откуда ни возьмись ветер. Пошла поземка. Набежали лохматые, низкие тучи, и все переменялось.

Уже не было вокруг прежней бодрящей радости от крепкого бега кобылки по легкому морозу и предвкушения чего-то неизвестного, но заманчивого; и не было желания наслаждаться окружающей природой, что свойственно иногда даже секретным агентам; и не было праздника в душе; и не были натянуты нервы, как перед полетом через пропасть; ничего этого не было, а было несчастье отрезвления при виде этих лохматых туч, несущихся, словно голодная волчья стая за добычей.

Даже луна, то появляющаяся, то исчезающая вновь, была ничтожной и несчастной, и молодая кобылка бежала уже как-то по-иному, с неохотой.

Кругом была пустыня из крутящегося снега и темени, лишь кое-где вдали проплывали темные пятна — то ли облака, то ли случайные деревья. Не слышался лай собак, не пахло жильем. Метель все усиливалась.

Шипов с начала пути задремал было, отяжелев от трактирного баловства, но вскоре проснулся. Гирос спал, совсем зарывшись в тулуп и сено. Мужик сидел рядом неподвижно и лишь изредка пошевеливал вожжами — кобылка бежала сама.

Выпитое вино покуда не давало остынуть, и мрачные мысли еще не закопошились в голове, не загудели, и все-таки что-то уже на душе было не так, какая-то тяжесть успела ее коснуться, какой-то неведомый крик копился уже в ее глубине, намереваясь выпорхнуть на волю.

В холоде всегда вспоминается тепло, и Шипову вспомнились комната в доме князя, огонь в камине, фонарь из разноцветных стекол, барская кровать, широкая, словно на четверых, медвежья шкура на полу, и молодой князь, белолицый, с черными большими глазами, насмешливо поджавший сухие губы, в белой кружевной сорочке с распахнутым воротом. Шипов сидит спиной к пламени прямо на шкуре — ему дозволено. спине тепло. Молодой князь рассказывает ему о своих петербургских похождениях, как равному. Князь Василий Андреевич и княгиня в отъезде. Дворецкому велено людей из людской не выпускать — пусть спят. За окнами ночь.

— Ну, Мишка, — говорит князь тихо, — она согласна? Не плакала? — Руки его при этом дрожат, и он краснеет.

— Рада без памяти, ваше сиятельство, — говорит Мишка.

— Ну, тогда, — говорит князь нерешительно и вздыхает, — тогда ступай за ней... только тихонько, смотри... Ежели капризничать начнет — не уговаривай, я этого не хочу, слышишь?

И вот он ведет ее по темным залам, по коврам. Он обнял ее за плечи, они подрагивают.

— Боишься?

— Не...

— А чего дрожишь?

— А так...

Он ее поглаживает на ходу, будто ободряя, поглаживает, трогает, а сам сторагет: как оно там сейчас будет?.. И строит свои скромные планы.

— Ты чего это руки распускаешь? — говорит она шепотом. — Гляди, пожалюсь князю-то...

— Ничего, ничего, — торопливо бормочет он, — ты иди, иди, те-те-те-те... — А сам трогает, поглаживает.

Он впускает ее в комнату к молодому князю и запирает дверь. Стоит в темноте, слушает, но дверь дубовая, вековая, ничего не слышать. Вот уже ноги занемели совсем, голова кружится, мочи нет, тут она выходит. В одно мгновение, покуда не захлопнулась дверь, он видит в разноцветном тусклом сиянии фонаря, что она чуть

встрепана, а так вроде бы и ничего. И снова темнота, и мягкие ковры, и он ведет ее по комнатам.

— Ну как там? Те-те-те?..

— А тебе чего? — усмехается она. — Али сам про то не знаешь?

— Знаю, — смеется он, останавливает ее и валит на черную софу. — Те-те-те-те...

Но она сильная, вырывается и отталкивает его.

— Да куды тебе, козел!

И вот она, уже брюхатая, стоит перед старым князем, а молодой князь тут же, а Шипов при нем — ему дозволено.

— Ну, — хмуро спрашивает у нее сам, — кто же это тебя так?

Она молчит. Молодой князь густо краснеет и что-то говорит по-французски. Ее отпускают. Тянется молчание. И вдруг Шипов выходит из своего угла и встает перед князем на колени.

— Виноват, ваше сиятельство... Не удержалси...

Старый князь поджимает губы, руки его дрожат. Молодой вовсе к окну отворотился. Василий Андреевич смотрит то на сына, то на Шипова. Он все понимает.

— Что за разврат? — говорит не очень сурово. — Как это дурно все и отвратительно... — И Шипову: — Ладно, ступай... Но я должен тебя женить на ней.

А тут, слава Богу, эманципация...

Вдруг дровенки трянуло, и кобылка пошла шагом, широко взмахивая головой. Тучи бежали так низко, что казалось — сейчас заденут. Метель усиливалась. Какой-то ноющий звук пробился сквозь вой ветра и замер. Гирос уже не спал. Он поднял голову настороженно и всматривался в темень. Холод начинал прошибать.

— Эх, — сказал мужик, — душегубы.

— Кто же это душегубы? — рассердился Шипов. — Мы, что ли?

Возница не ответил.

Дровни проплывали мимо двух дубов. Они стояли возле самой дороги, полузаметенной снегом, по обе ее стороны. Один старый, кряжистый, а другой молоденький и пока еще стройный.

— А ну, стой, — приказал Шипов.

Он соскочил с саней и, проваливаясь в снег, заторопился к молодому дубу, который был поближе. Там, за ним, за его спиной, он присел и увидел краем глаза, как Гирос, словно заяц, поскакал к старому дубу за тем же делом. Снова донесся ноющий звук, но уже ближе. Шипов поглядел на Гироса с неодобрением и вдруг понял: волки!

Они приближались. Вой нарастал. Кобылка всхрапнула.

— Эх! — крикнул возница пронзительно и стегнул кнутом. И дровенки вместе с теплым сеном исчезли в метели.

— Стой! — закричал Шипов, застегиваясь. — Стой, чорт!.. Да куды ж ты!

Но саней словно и не было, а вечно была только эта пустыня, наполненная свистом ветра да нарастающим воем волчьей стаи.

«Так чего же я жду? — с ужасом подумал Шипов. — Покуда навалятся и раздерут в клочки?»

И он заверещал пронзительно, по-заячьи, ухватился за ствол и закарабкался, срывая ногти и кожу, по обледенелому стволу, по сучьям вверх, вверх, словно решил во что бы то ни стало достигнуть неба и никогда не возвращаться обратно. Тонкий ствол прогибался под его тяжестью, тонкие веточки обламывались, тонкие льдинки врезались в ладони, а он лез и лез. Казалось, что прошла уже целая вечность, а пролетело мгновение. Вдруг ствол изогнулся, не выдержав его тяжести, и Шипов повис, болтая ногами. В этот момент выглянула луна. Под ним была метель, и в ней, в ее

карусели, он увидел мелькающие поджарые тени. Они были далеко внизу, то уменьшаясь в размерах, то увеличиваясь, и выли, и приказывали ему спуститься.

Он наконец смог ухватиться ногами за ствол, сплелся с ним, и приник к нему щекой, и замер. Луна исчезла вновь. Слышался тяжелый хрип хищников, прерываемый воем, рычанием и ударами лап по стволу.

Слезы замерзли на щеках. Будто бы издалека донесся крик Гироса, но о чем кричал компаньон, понять было невозможно. Теперь оставалось одно — ждать, ждать и успокаивать сердце, норовящее взломать грудную клетку. Теперь бы не упасть, а там поглядим. Он боялся шевелиться, чтобы тонкий замерзший ствол не хрустнул вдруг, не подломился. Так он висел, почти не ощущая рук, скосив глаза к земле, и когда выкатывалась желтая, подлая, безучастная луна, успевал приглядеться к происходящему под деревом. Теперь он уже твердо знал, что его караулят пять волков; он видел, что одни сидели, задрав морду кверху, и подвывали при малейшем его движении, другие же угрюмо и беззвучно прохаживались взад и вперед под дубом, словно обдумывали дальнейшие планы. Они ждали, когда секретный агент, устав висеть, подобно спелой вишне, оторвется и полетит к ним.

Первый жгучий, тоскливый страх прошел. Шипов сообразил, что он недостижим, и молил Бога, чтобы скорее наступило утро и светом своим разогнало мохнатых дьяволов.

Большой дуб оказался совсем рядом, рукой подать, но Гироса Михаил Иванович различить не мог — ветви были толстые, в обхват, и тело компаньона, видимо, сливалось с ним.

Вдруг Шипову показалось, что один из хищников поднялся на задние лапы и прошелся на них, словно человек.

— Ты чего, — спросил Шипов, — аи рехнулся?

Волк не ответил. Остальные завывали.

— Мишель! — крикнул Гирос из темени. — Подо мной ветка трещит.

— Сунься к стволу поближе! — крикнул Шипов, едва разжимая замерзшие губы.

Волки снова грянули хором свою песню. «Складно поют», — подумал секретный агент.

— Мишель! — снова донесся голос Гироса. — Скажи, голубчик, дуб ломок или гнуч?

— Да спустись ты пониже! — рассердился Шипов. — Куды ты на макушку-то взобрался, мезальянс!

А сам подумал, что не мешало бы и ему самому тоже податься пониже, — того и гляди макушка обломится. Куда это взлетел он со страху? Тоже жить хочется?.. И он медленно, сдерживая дыхание, пополз по стволу вниз. Ствол качнулся, начал крениться, но Михаил Иванович успел проползти опасную зону. Ноги его нащупали толстый сук, под рукой оказался другой, в этом месте ствол был несколько изогнут, на счастье, природой, и Шипову удалось устроиться сидя. Теперь он даже мог руки сунуть в карманы, что и сделал. Потом он отдышался, зажмурился, налил себе маленькую, выпил, откусил балычка... Пожевал, снова налил, снова закусил... Печь погасла, что ли: спину дуло, под ледяным котелком замерзала голова.

...Зачем тебе алмазы и клятвы все мои? В полку небесном ждут меня. Господь с тобой, не спи...

Волки пели по очереди. И снова Шипов увидел того самого, он его успел заприметить, с белым пятном на большом лбу, — наверно, атамана всей шайки. Атаман кружился на снегу, вскидывал лапы, воистину плясал.

— Эй! — крикнул Гирос. — Ну как ты там, не замерз?

— Не-ет, — откликнулся Шипов, уже не чувствуя холода.

И он заплакал.

«Эх, ваше высокоблагородие, — думал он, — за сорок-то целковых! Сами на дубу этом повисели бы... Эх вы... вместе с графом вашим чортовым... пропаду теперь за сорок целковых... Господи, коли жив останусь, ни в жисть в дровенках на ночь глядя не покачу... Пропаду я, Господи...»

Внезапно метель улеглась. Тучи исчезли. В небе стояла полная луна. Стало теплее вроде. Шипов даже не удивился, что Бог так сразу снизошел к его слезам.

Луна была серебряная, игрушечная, а свет от нее исходил зеленый, призрачный. Волки то увеличивались в размерах, то уменьшались. Дуб, на котором устроился Гирос, был могуч и подпирал небо. Михаил Иванович, уже не зажмуриваясь, налил себе винца, понюхал — пахло хорошо, крепко, медленно выпил и плавно отправился из буфетной... Он шел на носках, чуть подавшись вперед всем телом, вытянув руку с подносом. Соломенные бакенбарды топорщились, соломенный хохолок подрагивал, зеленые глаза освещали дорогу, овальный стол, княжескую семью, приготовившуюся обедать. Молодой князь ему мигнул, и Шипов ответил едва заметно уголком рта. Блюда веером расходились по столу, будто их никто и не ставил, а они сами. И ни звона, ни бряканья, ни стука. А он все шел и шел, и вот уже луг зеленый, гуси бегут, стрекоза летает...

Волки запели снова, двое — фальцетом, остальные подтягивали баском, получалось действительно неплохо, и хотя слов Шипов никак разобрать не мог, но улавливал тоску, и от этого снова хотелось плакать.

Под старым дубом другая группа серых разбойников караулила компаньона, но тех было вроде поменьше, и сидели они неподвижно, и пения с их стороны не слышалось.

Вдруг белобрый атаман перестал плясать и сказал, обращаясь к товарищам:

— Ну, будя, пора и выпить. Пушай энтот посидит пока, а мы выпьем. Озяб я чего-то... — И он кивнул на Шипова.

«Неужели не поднесут?» — подумал Шипов.

— Эй, — позвал атаман, — не хочешь пропустить махонькую?.. А то давай, лямуртужур, слазь...

Михаил Иванович обрадовался, засуетился, но спуститься не смог — не получилось.

— Ладно, сиди, — сказал атаман, — сейчас поднесут... Руку-то протянуть можешь?

Шипов кивнул утвердительно.

Атаман подошел к дубу, поднялся на задние лапы.

— Держи, что ли...

Михаил Иванович протянул руку, как мог, взял рюмку, осторожно понес, чтоб не расплескать.

— Bravo! — крикнул атаман, и волки тотчас запели. «Молятся», — догадался Шипов и вышил.

И он стал размышлять о том, как много мук за сорок-то целковых, как много суеты и хлопот и там у них, у их сиятельств, у их благородий, и у волков, и у него, у Михаила Ивановича, и только граф Толстой спит сейчас неподалеку, ни о чем не догадываясь, спит в графской своей спальне, со своей графиней и не знает, что и за ним охота идет, и за Шиповым охота идет, и на волков ведь тоже охотятся.

— Вы Амадею поднесли бы, — сказал он волкам, — он, знать, тоже зазяб... грек он...

— У него свои серые есть, — засмеялся атаман, — пуцай они ему, тре жоли, и подносят...

Шипов спорить не стал и закрыл глаза.

Вдруг словно кто его в бок пихнул, и он проснулся. Стояло серое февральское утро. Волков не было, они ушли с атаманом вместе. Правда, под старым дубом те четыре все так же сидели неподвижно, но страшно не было.

«Всю распили и ушли, мои-то, — подумал он, — слава Богу, мне хоть поднесли...»

— Эй! — прокричал кто-то.

Шипов глянул нехотя: на дороге свежеструганные дровенки, молодая кобылка перебирает ногами, вчерашний возница машет рукой:

— Живы аи нет?

— Живы, живы! — откликнулся со своего дуба Гирос. — А ты чего нас бросил, каналья? Грех замаливать пришел?

— Тулупчик-то мой цел ишшо?

Волки под старым дубом сидели неподвижно. Мужик подошел ближе.

«Вот сейчас они ему, аншанте, устроят!» — подумал Шипов беспомощно. Но волки не пошевелились. Последнее, что успел увидеть Шипов, было чудо: со старого дуба спрыгнул Гирос прямо на серых зверей, развел их руками и пошел к мужику. Тут Шипов закричал, или ему показалось, и рухнул с дуба в снег.

Очнулся он в избе, на печке. Пахло щами и хлебом. Шипов лежал, укутанный в тряпье, и истекал потом, но это его не беспокоило. Он глянул вниз. За столом сидел Гирос и хлебал щи. Кончик его носа утопал в миске. Рядом сидел возница, вздыхал и часто моргал белыми ресницами.

— ...а я, понимаешь, завернулся, лежу, как в люльке. — Гирос захохотал. — Прощаю тебе, братец, потому что тулупчик твой меня спас... А не тулупчик — я бы тебе показал, чорт тебя возьми! Как же ты посмел нас бросить, чорт! Это же непорядочно. Хотя что с тобой об порядочности разговаривать, свинья...

— Ага, — сказал мужик. — Больно кобылу пожалел я. Молодая ишшо.

Шипов слушал этот разговор и вдруг вообразил, как будто не он висел на дубу, замерзая, умопомрачаясь, а подполковник Шеншин. И он засмеялся втихомолку.

Ваше высокоблагородие, человек свое всегда возьмет, а как же. Как вы там его ни унижайте, а что природой положено, он возьмет. Из чужого кармана вынет, а возьмет.

Вы, конечно, можете на него сапогами топтать, грозно кричать, вы даже можете напустить на него глупость или же, предположим, серых волков, от которых только чудо и может спасти, и он спасется и свое возьмет, а как же. Он отогреется, обтерпится, а возьмет. Ежели ему полагаются от природы сто рублей, он их возьмет, где бы они ни лежали. Даже ежели вы их запрятали в самую глубину, ваше высокоблагородие, он возьмет. Вы ему сорок целковых кинете — на, мол, подавись, — а он не подавится и те остальные шестьдесят целковых возьмет, у вас ли, в другом каком месте, а возьмет, а как же. Почему это так, он не знает, он об этом не думает, он просто беспокоится весь, мучается, мечется, места себе не находит; он весь вытягивается, шею свою вытягивает, принохивается и так вот бегаёт по жизни из конца в конец днем и ночью, пока не возьмет того, что ему определилось природой. И он тогда не знает, не понимает, что же это с ним произошло, отчего это он успокоился (подумаешь, какие-то шестьдесят целковых!), глаза стали ласковые, руки не трясутся. Да неужто ему больше не нужно? Значит, не нужно. Вы не можете сами на себя поглядеть и не можете знать, что это и вам выпадает, и их сиятельству князю, и их высокопревосходительству генерал-адъютанту, и всем на этом свете. И никто не знает, кому что определено и сколько, и в этом большое счастье. Ежели бы мы точно знали, мы бы давно поубивали друг друга и все бы кончилось. И вот чтобы этого не было, нам об этом знать не дано, даже догадываться... Стало быть, нельзя человека за это судить. Это не воровство, не разбой, не грех, а природа. Вы мне эдак — я вам так, вы мне так — я вам эдак. Чего же сердиться-то? Вы мне просто так отдать мое не хотите? Ладно, я вам, ваше высокоблагородие, письмо напишу по всей форме. Чтоб было вам приятно мне деньги отдавать...

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

От М. Зимина

Его Высокоблагородию Господину Подполковнику Шеншину Д. С.

Довожу до сведения Вашего Высокоблагородия, что многократные мои поездки в «Ясную Поляну» раскрыли мне глаза на тайные приготовления, которые ведутся в доме Его Сиятельства Графа Льва Николаевича Толстого.

Сообщу Вашему Высокоблагородию как все есть по порядку.

В доме Его Сиятельства Графа Льва Николаевича имеются потайные ходы и комнаты под замками, в коих, как мне удалось установить, приготовлено место для размещения станков для печатания противузаконных сочинений.

На четвертой неделе минувшего Великого Поста, когда я находился в Туле, к Его Сиятельству Графу Толстому были привезены литографические камни со шрифтом и какие-то краски. На этих камнях, как я узнал, и собираются печатать, а что — пока не знаю.

Как вы, Ваше Высокоблагородие, велели мне узнать о студентах, проживающих без видов в имении у Графа Толстого, так они живут действительно без видов количеством 30 человек...

Ваше Высокоблагородие, дорога в «Ясную Поляну» трудная. Метели все позаметают...

...Мужиков ехать и не упросишь. А то и волки встречаются, а зимой волк свиреп... Но я, Ваше Высокоблагородие, по Вашей воле все исполняю и забочусь, чтобы Его Сиятельству Князю Благодетелю моему не было бы досады или пуще того — беды. Как тех злодеев изобличить — пока не знаю, но можете, Ваше Высокоблагородие, не сумлеваться в моем старании...

М. Зимин

...Вы ведь тоже пишете, ваше высокоблагородие, а зачем? А затем, чтобы взять свою долю. Я бы мог вам не писать, когда бы вы сами отдали мне мое, но вы-то думаете, что оно ваше, а оно мое, а как же. Сколько там у вас, ваше высокоблагородие, моего — не знаю, но не сорок же целковых, с чего же я тогда мучаюсь и плачу? Вы бы попробовали сами на дубу повисеть в мороз, на глазах у волков, перед их острыми зубами, а все ради чего? Да ради вас же... за сорок целковых... Покуда граф там кофей пьет с супругою, я жизнью рискую...

(Из письма Л. Толстого — графине А. А. Толстой)

...Я все жив и все люблю вас. Я давно не писал вам вот отчего: я провел дурное, тяжелое лето. Я кашлял и думал — был уверен, — что скоро умру. Я доживал, но не жил. В октябре я был в Москве и ожил... На днях вышел 1 № моего журнала, я сделал дурной поступок и почти влюбился — все это вместе заставило меня опомниться и привело в почти нормальное состояние. И я пишу к вам, и хочется вас слышать, видеть и думать... Нынче еду назад в деревню. Дела у меня пропасть и по школе, и по журналу, и по роману, который я обещал напечатать в нынешнем году в Русском Вестнике...

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Канцелярия Московского Военного Генерал-Губернатора
г. Москва

Управляющему III Отделением
Собственной Его Императорского
Величества Канцелярии,
Свиты Его Величества,
Г-ну Генерал-Маиору и Кавалеру Потапову

Препровождаю к Вам, почтеннейший Александр Львович, донесение секретного агента М. Зимина из Тулы по известному Вам делу Гр. Льва Толстого. Представьте себе, этот агент, не имевший доселе заслуг в политическом сыске, проявил себя с самой неожиданной стороны. Его указания на особую обстановку в доме Гр. Толстого уже вызывают различные недобрые предположения касательно умысла деятельности Графа. Я уж не говорю о литографских станках, красках и проч.

Меня эти обстоятельства крайне обеспокоили, и, хотя место пребывания Гр. Толстого вне района вверенного мне Управления, я не могу оставаться безучастным.

Многое несомненно будет зависеть от тонкости и умения агента в дальнейших изысканиях, но и полученных сведений весьма достаточно, чтобы подумать о решительных мерах.

По свойственной мне откровенности с Вами я могу признаться, что сие известие поставило меня как бы перед пропастью, ибо, ежели подобной деятельностью могут увлекаться лица из славных родов, обладатели почтенных имен и титулов, следовательно, дурные веяния достигли до такого размаха, что надо об сем крайне обеспокоиться. Нынче, оказывается, нельзя быть вполне уверенным в людях, даже имеющих

положение. Нас ужаснули Чернышевский и К°, но это, оказывается, лишь цветочки. Какой спрос, в таком случае, с разночинца, ежели дворяне позволяют себе нигилизм?

Очень прискорбно все это, и это, любезнейший Александр Львович, делает нас с Вами еще более ответственными за состояние нравственности в обществе.

Пользуюсь этим случаем, чтобы уверить Вас в истинном моем уважении и душевной преданности.

П. Тучков

(Из письма генерал-майора А. Потапова — князю В. Долгорукову)

...Теперь, когда Вам известна в общих чертах суть происходящего, хочу добавить от себя, что меня лично это известие окончательно убедило в напрасности сомнений. Я вижу, что дело приобретает характер весьма тревожный и, боюсь, может обернуться самой отвратительной своей стороной, превзойдя даже историю с г. Чернышевским и К°.

Мне весьма близки и понятны огорчения Генерала Тучкова по этому поводу, в том смысле, что даже такая часть Российского дворянства, к которой относится и Гр. Толстой, может быть заражена революционными мечтаниями. Впрочем, боюсь, что мечтания слишком слабо сказано по нынешним временам.

Странно, что Полковник Муратов при его опыте и умении не придавал значения все увеличивающемуся количеству студентов, получивших место в имении Гр. Толстого. 30 человек — это уже не безобидная группа учителей. Это должно было бы насторожить Полковника Муратова.

Жду Ваших указаний.

(Князь В. Долгоруков — генералу А. Потапову)

...Вы правы, Александр Львович, что ситуация, сложившаяся в связи с делом Гр. Толстого, может привести в отчаяние. Да как же это так случилось, думаю я, что и сей Граф оказался причастен к возмутительному направлению!

Полагаю, любезный Александр Львович, что следовало бы заняться этим вплотную, не откладывая, ибо каждая минута дорога, не дай Бог упустим что-либо.

Соблаговолите, Ваше Превосходительство, отдать распоряжение об усилении надзора за деятельностью означенных лиц, по-прежнему сохраняя в глубокой тайне наше вмешательство, ибо хотя теперь уже сомнения мои рассеялись, но опыт велит соблюдать осторожность.

В настоящее время не представляю себе возможностей выявления злоумышленников наилучшим способом, поразмыслите над сим.

Тяжело сознавать, что при докладе сие известие вызовет огорчение Его Величества, но, с другой стороны, мы можем быть уверены, что своевременность всего предприятия и четкость, с коей оно будет осуществлено, вознаградит и за эту горечь и за наши с Вами волнения и хлопоты...

III Отделение Собственной
Его Императорского Величества
Канцелярии г. Санкт-Петербург
Г-ну Полковнику Корпуса Жандармов
Муратову

В III Отделении Собственной Его Императорского Величества Канцелярии получено сведение, что в имении Гр. Льва Николаевича Толстого «Ясная Поляна» проживают не 10 студентов, как было означено в Вашем донесении за № 817 от 12 января 1862г., а до тридцати человек, что не может уже само по себе не вызвать подозрения при нынешних обстоятельствах. Кроме того, стало известным, что в имении Графа оборудованы тайные помещения для устройства типографии и получены шрифты и краски и проч. И что идет подготовка к печатанию противозаконных изданий.

Весьма удивительно, Милостивый Государь, что Вы, находясь в непосредственной близости от означенного имения, не располагаете всеми сведениями, тогда как деятельность Графа давно уже вышла за рамки дозволенного.

Считая долгом уведомить о сем Ваше Высокоблагородие для надлежащего с Вашей стороны наблюдения по этому предмету, прошу Вас незамедлительно сообщить мне со своей стороны Ваше мнение к изысканию способов раскрытия и предотвращения готовящегося злоумышления.

Управляющий III Отделением Свиты Его Величества Генерал-Маиор Потапов

(Из письма полковника Муратова — полковнику Воейкову)

...Каково же мне было все это читать? Представь себе, оказывается, некий или некие наблюдатели орудуют по указанию Генерала Потапова у меня под носом, порют несусветную чушь, там им верят, и я же за это должен расплачиваться.

Попробуй-ка, братец, наведи справки каким-нибудь неофициальным способом, в чем там дело? Или мне перестали доверять, что через мою голову направляют агентов во вверенный мне район.

Жизнь моя, кроме всего этого, слава Богу, протекает тихо, и даже появилась надежда соединить узы с одной достойной дамой, к которой я нашел пути, и теперь многое время намерен тратить на подготовку сего акта. Ну, подробности о ней позже.

Так не забудь же, братец, о просьбе...

СЕКРЕТНО

От Штаб-Офицера Корпуса Жандармов,
находящегося в Тульской губернии, г. Тула

Управляющему III Отделением
Собственной Его Императорского
Величества Канцелярии,
Свиты Его Величества,
Г-ну Генерал-Маиору и Кавалеру Потапову

Чсть имею донести Вашему Превосходительству, что секретное предписание за № 85 от 8 февраля сего года за подписью Вашего Превосходительства получил и предпринял срочные меры ко раскрытию перечисленных Вами действий.

Я произвел секретное дознание через Крапивенского исправника, по которому оказалось, что число студентов в имении Гр. Льва Толстого «Ясная Поляна», проживающих там в настоящее время, составляет девять человек, а не десять, как я об том докладывал Вашему Превосходительству. Это объясняется тем, что, как видно из вечерней записки, представленной мне Тульской Градскою Полициею, Кандидат Елагин, проживавший в имении «Ясная Поляна», 31 января поехал в Москву.

Осмелюсь предположить, что сведения, полученные Вашим Превосходительством, не совсем точны по причине того, что поступили от источника, не очень информированного в наших делах, поскольку мы тут постоянны и за всем имеем глаз.

Что же касается до подземных катакомб, тайных помещений и типографских предметов в имении Гр. Толстого, то я сведений пока не получал, хотя предпринял уже соответствующие действия и в самом скором времени буду иметь честь почтительнейше донести о сем Вашему Превосходительству.

Полковник Муратов

(Из письма Л. Толстого — А. Е. Берсу)

...Как вы поживаете, надеюсь, что хорошо и что Софья Андреевна уже здорова и все по-старому... Я не здоров, журнал идет скверно, хозяйство еще хуже, помещики ненавидят меня все больше и больше, но я чувствую себя таким довольным и счастливым, как никогда... И только оттого, что работаю с утра до вечера и работа та самая, которую я люблю...

(Из письма М. Зимина — графу Г. Крейцу)

...А Его Высокоблагородие Господин Подполковник Шеншин выслал мне только пятьдесят пять рублей, что на одни разъезды не хватит никак, а теперича студентов числом до сорока наберется, и за всеми нужен глаз..

(Из письма П. Тучкова — подполковнику Шеншину)

...просьба его Сиятельства Графа Крейца Г. К. должна быть незамедлительно удовлетворена. Соблаговолите распорядиться об отправке М. Зимину 300 (триста) рублей на расходы и не забывайте ставить меня в известность о финансовых просьбах агента...

(Из письма Матрены — М. Шипову)

...премного благодарны батюшка Михаила Иваныч. Я те деньги пятьдесят рублей никуда на ветер пущать нибуду а палажу в чулок тот самый, пуцай они там лижат и вас дожидаются а то может вы бальной будитя и вам они пригадятся али вам удачи небудит али ище чиво...

(Из письма полковника Воейкова — полковнику Муратову)

...По имеющимся у меня сведениям в Тульскую губернию командирован некто М. Зимин. Командирован же он по личному распоряжению Его Сиятельства Князя

В. А. Долгорукова и является его ближайшим родственником и специалистом по политическому сыску.

Мой тебе добрый совет ничего противу этой личности не предпринимать. Упаси тебя Бог навлечь гнев Князя.

Что же касаемо до уз, то мы все под Богом ходим...

И крайне рассчитываю, что это останется строго между нами...

(Из предписания генерал-майора Потапова — полковнику Муратову)

...кажется мне более чем странным. Сведения, имеющиеся у III Отделения, говорят за то, что в связи с активизацией деятельности в имении «Ясная Поляна» число лиц, проживающих там, должно увеличиваться, что и подтверждается донесениями секретного агента. Вы же пользуетесь старыми сведениями. Потрудитесь, как Вы обещали, милостивый государь, незамедлительно перепроверить Ваши сведения...

(Из письма В. Долгорукова — А. Потапову)

...вообще же говоря, странное это расхождение в цифрах меня несколько настораживает. Что это — просчет Полковника Муратова или мистификация Зимина? О последнем думать этого не хочется. Что же касается неудовольствия Полковника нашими действиями без его непосредственного участия, то потрудитесь внушить ему, что его амбиция совершенно напрасна, ибо мы руководствуемся высшими интересами, о чем ему следовало бы знать... Вместо обид надлежит ему одному ему свойственными путями участвовать в общем деле, выполняя свой долг.

С чего бы это, как Вы думаете, Ваше Превосходительство, Зимину заниматься обманом?..

Не нашли ли Вы решения, каким образом выявить тайную деятельность злоумышленников так, чтобы не оставить хвостов впоследствии?..

(Из письма Л. Толстого — С. И. Толстому)

...Журнал остановился на 200 подписчиках и как будто не существует для публики, а работы по нем все больше и больше, с студентами тоже возня усложняется, денег еле достает, хозяйство требует, чтобы что-нибудь предпринять...

(Из предписания подполковника Шеншина — М. Зимину)

В III Отделении весьма обеспокоены увеличением числа студентов, проживающих в имении Гр. Толстого, ибо сведения от других источников опровергают Ваши. В связи с этим Его Превосходительство Генерал-Маиор Потапов поручает установить следующее:

- 1) Какова надобность в увеличении числа студентов?
- 2) Связано ли сие увеличение с расширением школьной деятельности?
- 3) Как употреблены литографские принадлежности?
- 4) Каковы возможные сроки начала печатания?
- 5) Есть ли реальные возможности выявления заговорщиков?
- 6) Что Вы по сему пункту успели предпринять?

...А розовогубый улыбчивый мужик, недавний свидетель шиповского гулянья в окраинном трактире, румяный, как ангел, с черными усами, в новом овчинном тулупе и смушковой астраханке, вбежал на крыльцо полковничьего дома, рванул на себя тяжелую дверь, ног не отер и, никем не остановленный, не спрошенный, не окликнутый, будто в своем доме, подобно лесному зверю, пронесся через прихожую, взлетел по лесенке, бесшумно проскользнул по коридорчику и в самой последней комнате без окон рухнул в кресло. И тотчас, словно бы тень его, влетела за ним столь же бесшумно сухопарая экономка, и на двери щелкнула задвижка.

Две толстые свечи кидали желтый свет на молчаливых людей, запершихся от прочего мира. Экономка застыла в ожидании. Ее накрахмаленный розовый чепец гордо вздымался над седоватыми буклями. Ее круглое, уже немолодое, но розовое лицо в точности напоминало лицо мужика, сидевшего перед нею, будто она была его сестра, но внимание, с которым она застыла перед ним, и сквозившая в ее облике готовность тотчас же откликнуться на первое его слово — все это отрицало родственные отношения, хотя чего на свете не бывает.

Так они помолчали, разглядывая друг друга, затем мужик вдруг поднялся, и новехонький тулуп легко соскользнул с его плеч...

...Зачем тебе алмазы и клятвы все мои...

Она поняла, что он не в расположении, уж коли двигался так резко, так стремительно, и эти слова, смысла которых она никогда понять не умела.

Черные усики мелькнули в воздухе и шлепнулись на инкрустированный столик.

В полку небесном ждут меня...

Смушковая астраханка вместе с черными разбойничьими космами очутилась в руках экономки... коты, портянки, армячок...

...Господь с тобой, не спи...

Из-за армячка появилась белая батистовая сорочка. Экономка ловко подала ему коричневый халат с широченными, по польской моде, рукавами. Он облачился в него, лысую голову прикрыл красной феской, сунул ноги в парчовые шлепанцы...

...Зачем тебе алмазы...

— Чаю.

И пошел вслед за экономкой вниз, в гостиную, чаевничать.

Шаг у полковника Муратова был легкий и пружинистый, несмотря на солидную фигуру и явные признаки серьезного возраста.

Он прихлебывал чай, наслаждаясь вечерней тульской тишиной, но улыбки не было на розовых его губах, а были они огорчительно опущены книзу. Недавнее письмо полковника Воейкова относительно таинственного лица, присланного в Тулу в обход его, полковника Муратова, а затем и встреча с тем лицом в трактире — все это удручало, намекая на новые козни петербургского начальства.

От пехотного капитана до жандармского полковника — вот какой путь прошел Николай Серафимович Муратов, и не просто ступая мягкими лапами из должности в должность, от звания к званию, а переверотив существовавшие доселе сыскные представления на свой особый лад, придав им законченность и изящество научного труда, переверотив их, в отличие от своего предшественника, ленивого и тупого, склонного к обжорству и самодовольству.

Полковник Муратов гордился собой, неукротимой своей энергией, службой не за страх, а за совесть и благодарил Бога, вручившего ему ключи от дверей в человеческую тайну.

Отныне тайны не было. Не могло быть. Был только кропотливый, тяжкий и вдохновенный труд. И жалкие дилетанты, восседающие в своих креслах в Петербурге и Москве, представляющие собой смесь необразованности и самоуверенности, живущие по старинке, были ему смешны.

Крушение этих высокопоставленных божеств началось еще тогда, когда совсем молодой майор Муратов, обучаясь жандармским премудростям в недрах III Отделения в Петербурге, столкнулся с толпой пьяниц и развратников, стяжателей и лжецов, именуемых частными осведомителями. Тогда это его поразило, и он понял, чего не должно быть. Разбираясь в делах Первой экспедиции, он вызвал их всех, и они продефилировали перед ним, вызывая омерзение своей ложной многозначительностью. Боже мой, кого тут только не было! Отставная советница, не имеющая понятия о сыске, с надеждой вззирающая на ежемесячный конверт с ничтожными наградами; купец третьей гильдии, распухший от вина, известный щеголь и болтун, промотавший все свое и все чужое; испуганная дура из пансиона для благородных девиц; даже генерал в отставке...

Нет, подумал тогда Николай Серафимович, это ужасно и этого не должно быть. И начал посещать лекции по элементарной психологии и римскому праву в Петербургском университете.

Человеком правят злость и зависть, гнев, и презрение, и страх. Выпущенные на волю, они могут привести к неслыханным последствиям. Их нужно приструнить, приспособить, дать им направление, тогда они принесут пользу. Деньги — это слишком мало. Человек должен жить, зная, что он на виду, что положение его безвыходно, что единственное спасение для него — это он, полковник Муратов, круглолицый и розовогубый. И вот тогда все свойства души этого несчастного, все его струночки зазвенят ради одного, что определил ему Николай Серафимович.

Так размышлял он, совершенствуясь в мастерстве, разрабатывая свои теории, и спустя уже год ликвидировал два нелегальных пропагандистских кружка с помощью новых своих сотрудников, обработанных по новой методе. История с раскрытием была великолепна по своей легкости и изяществу, а пот и труд, как во всяком добротном деле, были скрыты в глубине.

Старания его заметили, но с легкой руки некоего знатного завистника он был объявлен чудаком и даже психом (по аналогии с психологией, которой он увлекался). Несмотря на явные его успехи, сомнение, посеянное недоброжелателями, осталось, и при первой же оплошности, не имея сильного заступника, он был переведен в Тулу. Неудача не обескуражила его, даже наоборот. Вдали от высокопоставленных невежд ему легче было проверять свои открытия и было много простора для фантазий. Да, перемена обстоятельств не обескуражила его, ибо что для ученого интриги царедвор-

цев? Только большее презрение к ним и страстная уверенность в собственной правоте возгорелись в его сердце.

Он делал свое историческое дело, и на круглом, гладком его лице царило мудрое спокойствие человека, уверенного в собственной правоте. Дух захватывало от картин, раскрывающихся перед ним, и ощущение полета сопровождало его, и легкость в крылах была великолепна.

В такие минуты он взлетал на второй этаж, в комнатку без окон, и сухопарая экономка являлась тотчас же, и он говорил, весь клокоча от возбуждения:

— Они там бегают по улицам, юркие, как вьюны, быстрые, как легавые, на своих тонких ножках, с преступными листками за пазухою и вынашивают в душах безобразные планы переворотов и катастроф и прочих безумств, они спасаются от собственной тени: топ-топ-топ... А извозчик едет рядом: «Куда, сударь, изволите?» А они болтают восторженно: «Вези туда, стой здесь, возьми то, подай это...»

Тут она начинала вынимать из шкафов какие-то рубахи, тряпки, овчины, помогала ему напяливать все это, и постепенно из неразберихи под ее ловкими руками, словно из мертвой глины, рождался человек, облаченный в извозчицьи доспехи, весь в бороде и усах. Он оглядывал себя в зеркало, пытаясь при желтом мерцании свечей отыскать изъяны в одежде, но не находил. Кивал удовлетворительно и бесшумно выскользывал. Спустя некоторое время из ворот полковничьего дома неторопливо выкапывал подержанный экипаж с благообразным извозчиком на козлах...

Или же он говорил:

— А сделаем-ка немолодую торговку, да чтобы с лотком, с пирожками там или с леденцами, а?.. Они там бегают по улицам, юркие, как вьюны, быстрые, как легавые, на своих тонких ножках, с преступными листками за пазухою и вынашивают в душах безобразные планы переворотов и катастроф и прочих безумств, они спасаются от собственной тени: топ-топ-топ... А торговка — рядом: «Пирожка, сударь, не желаете?» А они болтают восторженно друг с другом, не боясь торговки, не обращая на нее внимания.

Руки экономки начинали производить свои невероятные проворные пассы, одежда летала по комнате, изредка слышалось приглушенное: «Да не тяни ты, дура... сперва грудь взбей, не видишь, что ли?.. Разве это чулок?.. Не колись булавкой, я не ватный!.. Что-то парик съезжает...» И вот немолодая торговка с пышным бюстом и круглым лицом уже выходила из дверей дома и медленно направлялась в сторону кремля, держа перед собой нагруженный леденцами лоток.

Так прожил он в Туле немало времени, беспрестанно холя и лелея свои новшества и вожделенно ожидая, когда же наконец наступит час и звонкая, невидимая постороннему глазу труба призовет его к действию. Но труба молчала. Видимо, московские шалости не перекинулись еще на этот городок. Тайные костюмы и платья ветшали в шкафах. Мастерство перевоплощения гибло. А ведь было оно так отшлифовано, доведено до такой крайности, что войди к полковнику ночью и крикни: «Извозчик!», как он тотчас же вскочит и пригласит: «Пожалуйте, сударь». Или спроси его спящего: «Почем леденцы?», как он бабьим простуженным голосом, не раскрывая глаз, проговорит все цены и рукой сделает вот эдак, будто норовит ухватить тебя за полу.

Гибло мастерство, гибло, выдыхалось. И не только это. Ведь какие хитроумные теории были им понастроены и приготовлены, чтобы обрушиться на политического разбойника, смять его, сделать податливым и мягким, подобно воску, и лепить из него, что тебе заблагорассудится.

Отсутствие этих отчаянных сорвиголов, с одной стороны, конечно, радовало его и успокаивало, как всякого истинного патриота радует непоколебимость монархии или даже тишина и спокойствие во вверенном ему округе, но, с другой стороны, это же причиняло боль, ибо угроза потерять сноровку, утратить чутье становилась все ре-

альнее. Верно, и какой-нибудь костоправ без клиентуры должен был бы переживать те же самые чувства, не имея возможности орудовать скальпелем и с ужасом ощущая, как постепенно и неотвратно деревенеют пальцы, слабеет мозг, пропадает решительность и нет уже былой точности у руки и у глаза. Так, наверное, и полководец, радуясь, что нет войны, то есть смертей, крови, разлуки и т. п., огорчается, лишенный возможности совершенствовать свое полководческое искусство, ибо хождение на парады, блистанье эполетами и даже маневры, где все как будто взаправду, тоже не спасение, и полководец в глубине души понимает, что напади враги, сразу-то и не придумаешь, что, куда, зачем, как, а когда придумаешь — глядь, и в плену или в могиле.

Вот почему, когда пришло распоряжение от генерала Потапова, от этого хоряка в очках, относительно выяснения личности студентов, он кинулся к исполнению и живо все разузнал, но тут тонкого мастерства не потребовалось: все в Ясной Поляне было и без того на виду.

...И вот он прихлебывал чай, наслаждаясь вечерней тульской тишиной, но возбуждение от встречи еще не остыло.

«Значит, так, — рассуждал он под пение самовара, — родственник князя Долгорукова переодевается в гороховое пальто, напяливает в январе котелок и в таком странном виде, в простых дровнях, в обществе подозрительной личности отправляется в Ясную — и что вовсе невероятно, — вслух орет о своей тайне, будто для собственного реноме, и надеется таким путем выполнить весьма секретное, по всей вероятности, распоряжение князя!.. Да и князь-то хорош: обойдя меня, посылает кого-то, кто, не докладываясь мне, хочет что-то вынюхать...»

И вдруг обожгла страшная мысль: а не против ли него самого, полковника Муратова, все это? Уж не затихшая ли было столичная интрига воспряла вновь, и набирает силу, и в скором времени готова засиять еще страшнее? Как прохладно звучат последние письма генерала Потапова, как странно, не по-приятельски, отписывается полковник Воейков... И чорт дернул его открываться полковнику Воейкову в сердечных делах! Как последний мальчишка, выболтал сердечные тайны — вот уж будет над чем посмеяться столичным коллегам...

Впервые сердце полковника дрогнуло с месяц назад при следующих обстоятельствах. До него дошел слух, что некая молодая дама, вдова прелестной наружности, будто бы говорила в узком кругу всякие лестные слова в адрес полковника в том смысле, что вот наконец повстречался ей человек, может быть, и не очень видный собой, но такой, за которым (ах, она и сама не знает почему) можно идти хоть на край света.

Николай Серафимович не был избалован женскими комплиментами, и дошедший до него слух не оставил его равнодушным. Засим наступило тягостное молчание, словно и не было никакой вдовы. Он продолжал заниматься службой, переодеваниями, мистификациями, психологическими тренировками, но втайне надеялся, что слухи возобновятся. Ожидание его не пропало даром, и спустя около двух недель (а ведь целых две недели она молчала, словно испытывала его, а может, и себя) стало ему известно, что снова где-то, в каком-то обществе, с большим пристрастием и с большой откровенностью она повторила свое о нем мнение.

Тут полковник заметался. Ему захотелось увидеть ее, предстать пред нею во всем своем служебном блеске и в блеске прочих своих достоинств, окончательно покорить ее, и ввести в свой дом, и развеять злостный миф о своем закоренелом холостяцестве. И вот он поручил молчаливой своей экономке выяснить все обстоятельства, за что она взялась с буйной энергией, и в скором времени знал адрес, положение и кое-что о внешних данных прекрасной и словоохотливой незнакомки. Новые заботы несколько смягчили грозные служебные предчувствия.

Время шло. Страсть и нетерпение возрастали. И решение пришло само собой. Однажды, переодевшись извозчиком, он выехал из своих ворот и направил лошадь к дому вдовы. На углу напротив дома он остановился, опустил голову, словно в дремоте, и принялся ожидать. Ему повезло. Не прошло и получаса, как она сошла с крыльца. Он сразу же догадался, что это она. Скосив глаза, сквозь густые заросли парика, затаив дыхание, следил он за нею, и только чудом можно объяснить, что взгляд его не прожег ее насквозь. Да, она была хороша собой, даже лучше, чем он рисовал в воображении, и вздох облегчения и радости вырвался из его груди... Она отправилась вдоль по улице, а он тронул лошадь, развернул сани и, поравнявшись с ней, хрипло выдавил:

— Милости прошу, сударыня...

Вдова слегка удивилась, услышав столь вкрадчивое и изысканное приглашение. Видимо, поездка на извозчике не входила в ее планы. Но день был морозен и чист, экипаж удобен, извозчик добр, и она не раздумывая уселась в сани, сказала куда, и они понеслись.

...Зачем тебе алмазы и клятвы все мои!..

Снег скрипел под полозьями. Полковник был доволен, хотя трудно было понять — чем: то ли вот вдова попала так удачно и была собой хороша сверх ожидания, то ли искусство перевоплощения сослужило добрую службу наконец...

А Дася (а это была именно она) сначала дивилась, что извозчик попался такой учтивый да чистый, не в пример обычному тульскому хамью, а после уже дивиться перестала, а просто с легким сердцем отдалась на волю волн, не заботясь о деньгах, которые грозились с нею расстаться, и, расслабившись по-женски, понеслась по городу, делая в лавках покупки, раскланиваясь со знакомыми и думая о предстоящем вечернем чае и о Михаиле Ивановиче, почетном галицком гражданине, о том, как он шутит, рассыпая сладкозвучные французские слова, и как обнимает, и горит весь, и сгорает, хотя пламень у него недолгий и ненадежный. И она думала о господине Гиресе, носатом итальянце, или греке, Бог его разберет, тайно вздыхающем у нее под дверью; и как они, два соперника, всегда натянутые, словно две струны, ловкие, словно борзые, вождельно провожают ее взглядами... Давно Дася не жила так весело, так бездумно, ничего не видя перед собою и не задумываясь, что там может еще случиться...

Что же касается полковника Муратова, о котором она действительно имела смелость отзывать в обществе весьма недвусмысленно, так он волновал ее все меньше и меньше, ибо что ей журавль-то в небе?..

«Лошадь-то какая!» — думала она, наслаждаясь быстрой ездой.

Наконец путешествие подошло к концу. Она велела остановиться и вышла из саней. Но едва она успела раскрыть свой парчовый кошелек, как услышала свист и увидела, что полозья ускользают прочь...

— Куда же ты? — крикнула она.

Извозчик рассмеялся с козел, взмахнул кнутом и был таков. И ничего не запомнилось, кроме розовогубого, изогнутого в смехе рта, да черной бороды, да красного кушака...

С того самого дня полковник Муратов с упрямством богомольца и с постоянством маятника с утра и до вечера подремывал на своих козлах напротив прелестного дома с тайной надеждой повстречать ее вновь. И все бы теперь было хорошо и полно обаяния и каких-то сладких предчувствий, ежели бы не глупая история с Ясной Поляной и с таинственным родственником всесильного князя, да и он сам, полковник Муратов, лысый череп, развалина, хорош — затеял переписку с III отделением, а теперь машина заработала, колесо закрутилось, теперь они там Бог знает что затевают: письма, распоряжения, приказы, инструкции идут одно за другим, ему не доверяют, его обхо-

дят, резвый родственник князя, прощелыга, тычет нос в чужие дела, бездарность, вынюхивает, запоминает, кретин, выскочка! А Дарья Сергеевна, вдова, — над всем этим, белолицая княгиня, прелесть, которой и спешить-то некуда, двери открывает редко, выходит и того реже... Где-то там, в ароматном своем гнезде... Чем же она там занята?.. О чем там все думает, вздыхает?.. На что надеется?.. Кого ждет?..

И вот однажды скрипнула знакомая дверь, полковник выглянул из-под черных косм. Сердце его остановилось, по спине пробежал холодок. С крыльца развязной походкой сошел человек, одетый не по-зимнему, в клетчатый картуз, запахнулся в черное пальто и отправился по городу. На смуглом лице выделялся изогнутый, наподобие клюва, красный, необычный в этих местах нос.

Полковник обомлел. Крик отчаяния готов был вырваться из его груди, и только крайним усилием Николай Серафимович удержал его. Нет, не странный вид человека взволновал полковника, но нерушимая, неземная крепость, где прелестная вдова предавалась печали, подверглась осквернению. Кто этот ужасный человек с птичьим носом и с походкой молодого лабазника, так просто сошедший с ее крыльца? Какая еще новая тайна сокрыта в этом внезапном явлении?

Полковник заскрипел зубами и, не спуская ненавидящего взгляда со спины незнакомца, тронул лошадь.

Едва свернув за угол, незнакомец ускорил шаг и помчался на своих длинных ходулях по Дворянской и по другим улицам, вытянув нос, не глядя на прохожих. Полковник Муратов подхлестнул лошадь. Теперь она бежала легкой рысцой. Незнакомец еще принажал, словно догадывался, что за ним погоня, затем побежал и вовсе, быстрее, быстрее. Лошадь уже скакала во всю прыть, снег летел из-под копыт.

Долго ли, коротко ли длилась скачка, а с версту они протянули. Внезапно незнакомец приостановился перед дверью харчевни и скрылся за ней. Сани замерли. Полковник вертелся на козлах, стораю от нетерпения. Ждать пришлось недолго. Снова распахнулась дверь, и носатый господин, подобно черной непричесанной птице, с шумом вылетел прочь. Смутное лицо его выражало удовольствие. Он поглядел на извозчика. Взгляды их встретились.

«Теперь или никогда», — подумал полковник.

— Прокатимся? — спросил он, замирая.

— А давай, — легко согласился клетчатый картуз и рухнул в сани.

Поехали.

— Хорошо пропустить в морозец, — сказал незнакомец, икнув, — внутри горит, тепло...

— Ай вы нездешний, ваше благородие? — спросил полковник.

— А почему ты знаешь?

— Да уж больно шинок-то черный... Есть и почище заведения.

Незнакомец захохотал. Полковник оборотился. Белые крупные зубы — полон рот, черная челка, глаза горят, пахнет спиртом! Истинный дьявол!

— У нас торговать приезжают, — сказал полковник, напрягаясь, — кожа идет, пенька, тоже вот самовары...

— Ну, ты скажешь, — снова захохотал незнакомец, — да разве я похож на купца? Похож?.. Да ты погляди, погляди — разве похож?

Полковник снова оборотился.

— А кто вас знает... Всякие к нам ездят. У нас гостиниц да постоянных дворов много.

— Дурак ты, братец, — сказал господин в картузе, — нужен мне твой постоянный двор, как же...

— Славная птица, — подумал полковник с содроганием, — ничтожество, прощелыга, мерзавец... — И вдруг его осенило: — Да он у нее живет! У нее! Я ежедневно мерз-

ну на углу, а он так просто живет у нее, обхохатывает ее дом, жрет, храпит... может быть, даже... Что?»

— Какой же я купец? — сказал незнакомец, едва ворочая языком. — А ежели я секретный агент из Петербурга?..

Полковник резко оборотился на эти слова и сказал с гневом:

— Да разве бывают такие секретные агенты?!

И вдруг осекся, увидел, что глаза прощельги заволокло пленочкой, губы искривились.

— А что, барин, — спросил Николай Серафимович с подходом, — у тебя антирес какой?

— Дурак, — пробубнил незнакомец. — Помалкивай... Да поторапливайся. Их сиятельство господин Зимин ждет меня... начальник мой, командир, отец... и брат... А далеко ли до Ясной Поляны?

— Не, недалече, — сказал полковник, холодея.

И вот он доставил пьяную эту скотину обратно к тому месту, откуда и увез, и этот прощельга, и не подумав расплатиться, взобрался на волшебное крыльцо и вскоре скрылся за дверью, мерзавец!

Спокойной жизни Николая Серафимовича наступал конец. События сошлись одно к одному, словно линии судьбы на ладони. Удивительно было то, что все завертелось вокруг дома, в котором жила вдова. Теперь любовные томления полковника слились с новой бедой и растворились в ней, отчего, кстати, он рук не опустил, а, напротив, выпрямился, напряжился, приготовился дать сдачи. Взмыленная его лошадь носилась по Туле, и он со своих козел вглядывался в обывателей, прожигая их взглядом, и в голове его созревал план, который он в недалеком будущем и осуществил. Преследуя изредка красноносого своего прощельгу, он со злорадством отмечал, что мерзавец этот никуда, кроме как в трактиры и в шинки, не заглядывает, но вот начальника его полковнику встретить не приходилось; родственник князя был воздущен, прозрачен и невидим.

И вот нынче Бог помог полковнику Муратову. Какая была сумасшедшая скачка, какой вихрь... Зато не даром.

С утра он, как обычно, дежурил на своих козлах, как вдруг скрипнула вожделенная дверь и смуглый, красноносый прощельга вывалился на крыльцо. Не успел полковник этому обрадоваться, как следом показался другой, в гороховом пальто, в черном котелке, в соломенных бакенбардах. С крыльца он быстро обежал взглядом прилегающее пространство, и маленькие его глазки впились в полковника. Николаю Серафимовичу даже нехорошо сделалось от этого, даже настолько, что ему показалось, будто этот новый спустился с крыльца, не касаясь ступеней, как бы по воздуху. Не успел полковник опомниться, как они скрылись за углом.

Так начал разматываться клубок. Они шли. Сани поскрипывали следом. На Сенном рынке они долго рядились с мужиком, наконец выбрали дровенки, сговорились и покатали. Дорога шла на Ясную! Вот тут-то и наступили сложности. С чего это, скажем, пустой извозчик торопится по пустой дороге? До сих пор опыт и бдительность помогали полковнику избежать разоблачения. Но теперь что было делать? На его счастье, дровенки притормозили у трактира, уже за городом, и путешественники отправились выпить и закусить. Теперь второе препятствие выросло перед полковником: слишком приметен его извозчиный наряд! Тогда, недолго думая, помчался он в город, в свой дом, переделался простым мужиком, впряг лошадь в дровни и полетел обратно... И успел, и даже перекинулся словами с родственником князя...

...И вот он сидел теперь дома, и отхлебывал чай, и наслаждался вечерней тульской тишиной, и, пережив первую злость и первые огорчения, уже спокойно разби-

рался в происходящем. План, вспыхнувший было в его голове, облекся в реальные формы. Он кликнул экономку...

«Ах ты Господи Боже мой, — подумал Шипов, открывая глаза, — время идет, а денег все нету... Кабы их побольше, а так и тепло не в радость. Еще, ваше сиятельство, я всего не взял... Рыбья кровь, — подумал Шипов о компаньоне, — одна суета в нем». Тоска охватила душу. Вот оно, суетливое счастье: словно паучок, соткавший паутинку, кинулся вниз головой, таща за собой серебряную ниточку, ветер подул — и паутинки нету. Та жизнь, яркая, полная тайны, сытая, как сбитые сливки, вся из лилового бархата, та жизнь, которая мерещилась, тоже, ровно этот маленький паучок, висела на серебряном волоске, манила, а не давалась. И Дасина любовь словно карасик в тине — и мягкий, да не ухватишь. А как же ухватить? Как изловчиться? От последних денег опять мало осталось. Опять надо письмо стряпать, выуживать у их сиятельства свое законное...

Стояла глубокая ночь.

Михаил Иванович сунул ноги в валенки, набросил пальто и заскользил вон из светелки, вниз, на двор, через кружевную гостиную в коридор, мимо молчаливых Дасиных дверей, мимо каморки, где блаженствовала Настасья, через сени, проклиная свою судьбу, компаньона, Тулу... Потом он возвращался со двора, не чая, как бы скорей добраться до постели и под одеялом забыться, забыться, забыться...

Но не успел миновать сеней, как сон будто рукой кто смахнул и тут же опасное намерение слегка укололо в груди и ноги встали как вкопанные.

«Напрасно так мучиться, — подумал он, приняхиваясь к ночному дому, — али я не помню, как она звала?.. У каждого свой интерес...»

Тут в его воображении возникла Дася в чем-то голубом, прозрачном, таинственном, как она утопает в перине, как разметала белые руки, грудь ее высоко вздымается, спальня наполнена ароматом духов (куды Матрене-то!..), едва слышным, легким звоном пружин, откуда-то из глубины, из тумана, губки горячие, еще горячее, чем в тот раз, и покуда в мире идет суета, кто у кого цапнет побольше, торопись, Шипов! Вот она, дверь, а там, за нею, Господи Боже мой, да есть ли что прекраснее?..

Он сделал легкий, бесшумный шаг, пальто, брошенное на плечи, заколыхалось, подобно крыльям, половицы скрипнули, пламя лампадки дрогнуло.

Дверь в спальню была величественна, словно райские врата пред грешником.

Он сделал второй шаг.

«А как закричит?» — усмехнулся Михаил Иванович нервно.

И он шагнул снова, и лоб его уперся в дверь, и тут же послышался звон пружин из-за двери, сладкое почмокивание, бормотание... Ну, Дасичка, голубушка, открой глазки... Чудище в рыжих валенках трется жесткой бакенбардой об дверь, будто об твое плечико.

И он собрался было надавить плечом, как внезапно за спиной что-то звякнуло и дверь в Настасьину каморку распахнулась. Сердце Михаила Ивановича оборвалось: дородная незнакомая старуха стояла перед ним, внимательно, без страха его разглядывая. На ней было что-то черное: то ли платье, то ли панева, то ли ряса. Голову покрывал белый платок, из-под него торчали редкие седые космы...

— Бонжур, — сказал Шипов едва слышно.

— Ты кто таков? — сердитым шепотом спросила старуха.

— А ты? — содрогнулся Шипов.

— Я гостья, странница, — сказала она, — а ты чего тут?

— А я граф Толстой, — легко сказал Михаил Иванович, пряча страх, и попятился от нее.

Старуха перекрестилась.

— Батюшка, — проговорила она, — ты уж меня не обижай, бедную.

— Мерси, — откликнулся Шипов и взлетел в светелку. Проснулся он поздним утром. Внизу хлопали двери, звякало железо, гудели голоса. В светелке у Гироса что-то тяжело рухнуло. Шипов усмехнулся, одним прыжком сорвался с постели, влетел к компаньону. Гирос распластался на полу, ухо по привычке вдавил в половицу.

— Фу, — сказал Михаил Иванович, — срам какой! Гирос медленно поднялся с пола.

— Срам?.. Это твои посулы, Мишель, боком у меня выходят...

— Какие посулы? Какие посулы?

— А вот, — и компаньон ухватил со стола измятый червонец и помахал им перед носом Михаила Ивановича, — вот они, все твои шесть тысяч серебром. Забыл?.. Ах, Мишель, не дай тебе Бог меня обидеть...

— Забыл? — изумился Шипов. — Чего я забыл? А вот не забыл, се муа. А у меня они есть? Есть?.. Нет, я не забыл, лямур-тужур...

— Так дай мне их! — потребовал Гирос. — Не обижай меня, дай. Тогда я тебе не то что графа, я тебе тогда, Мишель... Я для тебя тогда...

— Помолчи, мон шер, — поморщился Шипов. — Срам какой... За серебро стараешься али для государя?

Гирос уселся на постель, обнял острые коленки, не откликнулся. Глаза наполнились тоской, нос указывал в оконце, будто собирался улететь из этого несправедного мира в иной, где шум людского моря, где весна вот-вот начнется, где шесть тысяч серебром устилают ровные широкие пляжи и горячи от солнца...

«Нет, — подумал Михаил Иванович, выходя, — толку мне от него мало. Корми, пои, а толку мало... Экий носатый чорт!»

И тут ему захотелось снова вбежать к компаньону и дрожащей рукой хлопнуть его по красному носу, и еще раз, и еще раз, покуда проклятый пес не встанет на четвереньки и не завиляет хвостом.

«А оттого, что в церкву не хожу, — подумал он мрачно, — чужая воля мною правит... Не в себе я...»

И вспомнил ночную старуху.

Когда медведя, хозяина нашего леса, раньше срока поднимают из берлоги, где он до того сладко спал, посасывая теплую лапу, видел сытые сны из меда и земляники и вздыхал с шумом и благодарностью перед матушкой природой, и вот когда его поднимают люди, которым до всего есть дело и которые не могут пройти мимо чужой берлоги, ежели там спит медведь, и им обязательно нужно его поднять да пырнуть рогатиной, потому, видите ли, что они ходят, а он спит, и вот когда они его поднимают, отрывают от снов и благоговения, душа его не знает ни скорби, ни боли, а только один гнев.

Вот так и Михаил Иванович ощутил в груди жжение, будто горячий, расплавленный сок в нее пролили, а это и был гнев. И, переполненный этим гневом, он спустился вниз пить молоко с опостылевшими ватрушками, чай с медом, но сквозь гнев все, и прошлое, и настоящее, виделось ему чужим, и постылым, и придуманным: и кружевная Дасина зала, и стол с самоваром, и сама Дася, глядящая на него с многозначительной грустью, и князь Долгоруков, и граф Толстой, и жизнь до Тулы и в Туле, и лишь волки, те самые дорожные разбойники, виделись ему настоящими, во всей своей ночной разбойной красе.

Давешняя старуха уже была за столом и прихлебывала с блюда. Дася сидела рядом, словно именинница.

Михаил Иванович церемонно поклонился, будто он и в самом деле граф. Дася сделала ему ручкой: мол, не мешайте. Старуха молчала. Наконец чай был допит.

— Поживу у тебя до завтра, — сказала старуха, — а там и обратно пора...

— Пожила бы еще, Серафимовна, — сказала Дася с огорчением. — Куда тебе торопиться?

— Нет уж, милая, нет уж... У тебя мужчин много. — И она неодобрительно взглянула на Шипова.

Лицо у нее было круглое, слегка обрюзгшее, взгляд тяжелый.

Дася вздохнула.

— Благодарствуйте, — сказала старуха обиженно и пошла из комнаты в Настасьину каморку.

Дася снова вздохнула.

— От самого Киева пешком идет, от святых мест, — сказала с благоговением и вдруг рассердилась: — А вот прогнать бы вас, мужланов, а самой помолиться сходить!.. И зачем я мужчин в дом пустила? Грязь, суета... разговоры кругом...

— Дормир? — удивился Михаил Иванович. — Чем же я перед вами провинился?

Она прикоснулась пальчиком к пухлой губке: вот, мол, куда целовал, или позабыл?

— А почему вы скрывали, что вы граф? А?

— Виноват, — заспешил Шипов, — растерялся, се муа...

Ее рука качнулась, показывая какой-то тайный знак. Было непонятно.

— Ну, — сказала Дася, — говорите, где она вас застала?

Дыхание ее участилось. Шипов молчал. Водил глазами по комнате.

— Где? У моих дверей?.. Да говорите же... «Хороший дом, — размышлял Михаил Иванович, — кабы денег поболее, можно было бы очень просто с Дасей договориться. И зажили бы счастливо. Вот, мол, Дасюшка, мои деньги, с имения моего, я его продал, моя, мол, доля. И зажили бы счастливо. Приехал бы вдруг подполковник Шеншин:

ты что же это, мол, от дела отстал? Ах, ваше высокородие, мое дело теперь, аншанте, издеся. У меня вот дом свой, супруга-с... А об государе, мол, кто думать должен?.. Нет, ваше высокородие, вы уж меня увольте. Я этого наелси... И жили бы счастливо».

— Я слышала, как вы о дверь мою бакенбардами скреблись, — сказала она шепотом. — Чудовище! Другая бы давно вас прочь прогнала, а я терплю...

— Ей Богу, не виноват...

Тут вышла из каморки странница, оглядела их, хлопнула дверью и направилась в кухню, где Настасья гремела посудой.

— А у вас имение большое? — вдруг спросила Дася, задыхаясь.

— Пятьсот душ.

Она провела ладонью по круглому плечу и поглядела на Шипова.

— Гм, — пробормотал он, — нынче март уже, солнышко...

— Солнышко, солнышко, — прошептала она и запрокинула голову, обнажая шейку.

«Те-те-те-те, — подумал он, — началось...» И вскочил.

Станница вышла из кухни, уставилась, будто сова. Гирос спустился сверху. Он старался не смотреть на Шипова и вдруг увидел станницу.

— Ох, — сказала она, крестясь, — черен-то, черен-то!.. И нос крючком... Да откуда ты, милая, их берешь?

— Я же грек, — захохотал Гирос. — Вы не бойтесь, не бойтесь. — И Дасе: — Она ваша матушка? Да неужели матушка? Какая радость!.. Вы Дарья Сергеевны матушка?.. А Дарья Сергеевна наш ангел...

«Каналья, — подумал Шипов, — нос бы тебе своротить... За что я ему деньги-то даю? За что?»

— Какая радость! — кричал Гирос, распаляясь. — Да вы со мной не церемоньтесь... Хотите, я вас буду матушкой звать? Мне ведь ничего не стоит... Хотите?

— Сгинь! — гневно крикнула старуха, и круглое лицо ее покрыл румянец.

Она исчезла в каморке. Дверь хлопнула.

И вот пришел вечер. В это время суток, как о нем ни судят с пренебрежением, всегда больше озарений. Толи темнота тому способствует, когда ничто не отвлекает взгляда, то ли окончание дневных забот... И еще не успело, как говорится, мраком наполнить углы, как что-то кольнуло Шипова в темечко и хоровод внезапных озарений заставил его вздрогнуть. Тревога и печаль, обуревавшие его последнее время, не смягчились, но внезапно стало полегче, словно потолки поднялись. Он почувствовал, как некая неведомая ему доселе сила напрягла мускулы, мысли завертели, одна другой соблазнительней и прекрасней, впереди, не скрытая, как обычно, туманом, проглядывала его конечная пристань, к которой ему должно стремиться: все было необычно как-то, невероятно, и даже его соломенные бакенбарды, когда он к ним прикоснулся, ответили легким потрескиванием.

«Амадей за червонец может удавить. Стало быть, надо побережться, — решил он легко и просто. — К Дасюшке скорее проникать, хватать ее за белые плечики, покуда она горит вся... Вот, Дасюшка, капитал мой — тыща рублей. Хочу в Туле жить, рядом с графом Толстым... А чего граф? За него ведь деньги дают. Ну, вроде бы он со мной делится доходами своими...»

Среди множества отчаянных комбинаций, лихорадочно бившихся в его воображении, одна вдруг стала обретать формы, цвет и запах и загудела, застонала, привлекая к себе внимание, и он, словно утопающий, рванулся к ней навстречу, пуская пузыри, барахтаясь, плача, простирая руки, и наконец коснулся ее и понял, что спасен.

Он вскочил с кровати, на которой мучился с самого обеда, изобретая новые радости для себя, вскочил, полный неизъяснимого восторга и просветления, разложил на столике бумагу, чернила, перья и пустился в спасительный вояж.

М. Зимина

Его Высокоблагородию Господину Подполковнику Шеншину

Ваше Высокоблагородие не извольте беспокоиться уж коли я взялся дело будет. Вы мене выговариваете что дескать я не шибко расторопен, а время мол идет и что ради Государя нашего надобно стараться, а я и стараюсь Ваше Высокоблагородие и вот чего придумал.

Вы волнуетесь Ваше Высокоблагородие что мол никак невозможно заговорщиков тех изобличить, нет Ваше Высокоблагородие очень даже возможно. В Туле имеется у меня знакомый наборщик который говорил мне что можно незадорого купить готовые станки для печатания, набрать людей за плату, откупить какой подвал, прибрать в нем, поставить станки, бумагу купить, краски и прочее.

За таким делом можно очень даже просто войти в сношения с заговорщиками будто у нас тоже тайная типография, то есть можно привезти к нам ихнего Графа Толстого, пущай он убедится своими глазами будто мы тоже противу властей стараемся. В етом убедившись почнет он нас считать за своих, и мы за таким делом будем с ними связаны.

Ваше Высокоблагородие поверьте что я не за себя стараюсь и ночей не спал все думал, как их получше раскусить. Вы может подумаете что я ради денег стараюсь, а я ради Государя как Вы меня учили и ради Князя Благодетеля моего. А не будет денег так я ищо чего-нибудь придумаю да время-то уйдет, вот чего жалко.

А в Ясную Поляну попасть очень трудно, у них там двадцать мужиков сторожат днем и ночью, а уж поймают — псами затравят, палками забьют, я конечно Князя не выдам благодетеля моего, да зачем же зря помирать? Денег надобно по первому счету 1000 рублей.

Остаюсь Вашего Высокоблагородия Покорный Слуга
М. Зимин

И вот письмо, расправив крылышки, полетело в Москву пугать и тревожить высокое начальство и добывать Шипову хрустящие ассигнации, без которых ничего не могло осуществиться.

Амадей Гирос гулял где-то на свой печальный червонец, как бы вовсе и не заботясь о будущем.

Ночь, как говорится, входила в свои права. Постепенно затихали шаги, скрип половиц, приглушенные разговоры.

Старуха улеглась, вздыхая, в Настасьиной каморке, в то время как Настасья прикорнула в кухне на топчане.

Одна Дарья Сергеевна, Дася, в кружевной гостиной напевала с недоумением, но вскоре и она ушла, хлопнув дверью, и Шипов услышал, как она шлепает по полу и разговаривает сама с собой, и изредка что-то похожее на тихий стон пролетало по умолкнувшему дому. Михаил Иванович засыпал в страдании и беспокойстве. То проваливался куда-то, то возникал снова. Дыхания не хватало.

Прохладная влага выступила на лбу. Он попробовал открыть глаза — ничего не получилось, а вокруг стало светлее, и даже сквозь тяжелые веки пробивался этот свет. Страх охватил секретного агента. И он вспомнил про Бога и потянулся к нему обеими руками... Защити и помилуй!.. Он просил тысячу рублей, которых ему не хватало для полного счастья. Но Бог был милостив на то, чтобы успокоить вьюгу, или мороз ослабить, или спасти от голодных волков, а к деньгам же он был безучастен. Тысячу рублей — чтобы встать на колени перед Дасей, а потом, сменив манишку, и котелок, и сапоги, выпив кофею, идти с бывшей вдовой по Дворянской, по Миллионной, туда, туда... А куда? А кто ж его знает, куда? Туда, туда, туда...

Свет все усиливался, стал ослепительным, невыносимым, и тогда кто-то тяжело опустился рядом и помог Михаилу Ивановичу приподнять веки, и Шипов увидел подполковника Шеншина.

— Ну-с, — сказал Шеншин, — в Ясную Поляну поедем али что будем делать?

Михаил Иванович кивнул согласно.

— Будем ради ассигнаций стараться али ради государя?

Шипов снова кивнул.

«Бог не слышал, чего я ему говорил, — подумал он с отчаянием, — кричать надо». И закричал. И проснулся. В светелке было темно. За стеной похрапывал воротившийся Гирос. Вдруг дверь распахнулась, и влетел ангел.

— Ты чего это? — спросил Шипов. — Спать надо.

— Я тебе денег дать хочу, — сказал ангел. — На-ка вот, послужи мне.

Он увидел пачку ассигнаций и протянул руку. Ангел засмеялся.

— Ты для денег стараешься али ради Господа нашего?

Михаил Иванович ухватил пачку, потянул к себе и обжегся. И тут же проснулся.

В светелке было темно. В доме было тихо. Дверь тихонечко скрипнула, растворилась, кто-то большой и расплывчатый бесшумно ввалился в светелку и задышал в самое ухо.

«Кто? Кто?» — подумал Михаил Иванович, но тут же понял, что это граф Толстой.

— Я тебе дам тысячу рублей, — сказал граф, — а ты уезжай в Москву...

— Да за что же это, ваше сиятельство? — удивился Шипов и заплакал.

— К Матрене езжай, а ко мне не ездей... Больно ты мне надоел...

— А как же подполковник-то?

— А я его убил... — сказал граф. — И губернатора убил. Скоро и до государя доберусь...

«Да пропадите вы все!» — подумал Михаил Иванович, напружиниваясь, протянул руку и взял деньги.

— Премного благодарен, мерси, — сказал он. — Я сейчас к Дасичке бы полетел, да старуха, лямур-тужур, мешает.

— А я и старуху убил, — засмеялся граф. И Михаил Иванович проснулся.

В доме стояла тишина, но она была такая, словно сон продолжался, и какие-то призрачные раздумья и картины возникали в больной его голове, и ему представлялась спальня, где спала вдова, облаком, источающим свет, небесной крепостью, а себя самого Михаил Иванович представлял в образе сатаны и даже потянулся рукой к пятнам и нащупал копытца. И тут вдруг стало ему легко, и ничто не болело, и он уже

ощущал пол босыми ногами и уже стоял в начале скрипучей лестницы, готовый ринуться на грешную землю, где все дозволено и все возможно.

Так он стоял в одном исподнем, валенки, против обыкновения, позабыв в светелке, пальто тоже.

И вот он сделал шаг. Ступеньки легонько вскрикнули. Дальний свет лампадки вздрогнул и погас. Он шагнул снова. В светелке Гироса что-то гроыхнуло. Шипов понял: компаньон уже воротился домой и теперь припал к замочной скважине. И верно, Гирос следил за ним, но сначала ничего не мог разобрать в темноте, а затем — то ли луна заглянула в окно, то ли глаза попривыкли — перед ним закачалась белая зыбкая фигура Шипова, медленно крадущегося вниз по ступеням.

В этот момент случилось невероятное: Шипов замер, затем взмахнул руками и плавно слетел в кружевную гостиную. Гирос чуть было не закричал.

Куда же ты, полночный дьявол с повадками ангела?

Снизу донесся шорох, и Гирос вырвался из светелки, готовый единоборствовать с кем угодно за свои права. Что случилось с греком? Или и ему пришел черед показывать когти? Или там, внизу, в таинственной тишине, действительно обреталась самая высшая из надежд, перед которой все ничтожно — и слава, и почести, и деньги?

Высоко вскидывая худые коленки, Гирос торопился схватить соперника на месте преступления. Распалая себя, он ясно видел опостылевшие бакенбарды, востренький недоверчивый подбородок и зеленые глаза Шипова, способные иногда привести в отчаяние.

Уверенности в успехе, как всегда, не было, но ноги несли, худые коленки взлетали с остервенением. На какой-то миг он снова увидел перед собой белую фигуру, окруженную зеленоватым сиянием: Шипов застыл на распутье, голова растворялась в темноте. Безголовое чудовище едва дышало, а может, просто подкарауливало чересчур ретивого компаньона.

«Идет, прощелыга, торопится!» — подумал Михаил Иванович с досадой.

Ему показалось, что он мышка, а норка забита, не спрячется. И в этот момент норка растворилась и вдова, зевая и крестясь, выплыла из нее, едва не задев Шипова. Гирос застыл, подобно монументу. Дася исчезла на кухне. И тогда Михаил Иванович качнулся и пропал в спальне.

Гирос присел на последнюю ступенечку и тихонько завыл.

Тут из Настасьиной каморки вывалилась громадная старуха и, озираясь на Дасину дверь, протопала во двор.

Пробравшись в спальню, Шипов совсем одурел, вдохнув аромат духов, теплой постели и сна. Перед ним возвышалась Дасина кровать, подобная лобному месту. Палач в красной рубахе похаживал в душе Михаила Ивановича и манил его пальцем. Михаил Иванович пал на колени, голову положил на взбитое одеяло и, слабая, стал ждать. Но минуло много ночей, а Дася не появлялась. Видимо, старухина святость была сильнее его страсти. Он погладил одеяло, дотронулся до простыни: она постепенно теряла тепло, холодела, становилась равнодушной.

Когда б он знал, что его компаньон бесшумно кружится за дверью, ломая руки и шепча проклятья, он бы, наверное, не стоял, коленопреклоненный, у Дасиной кровати, а принял бы вызов и в замершем доме грянули бы звуки борьбы, но Михаил Иванович о том не думал, а словно воин, вернувшийся после долгих скитаний, никого не заставший, ждал и терял надежду.

Тем временем Гирос, покружившись, приблизился к Дасиной спальне и, содрогаясь от печали, припал ухом к дверям, чтобы услышать наконец торопливое перешептывание ангела и сатаны. Так он стоял, ожидая удобного момента, чтобы ворваться туда и в единоборстве решить свои права, и не заметил, как за его спиной, испуганно

всплеснув рукавами пеньюара, вдова отскочила от него, кинулась вверх по лестнице и укрылась в светелке у Шипова в надежде найти у него защиту.

Михаил Иванович всего этого не знал и не слышал. Простыня была совсем уже холодна, аромат духов смягчился, дурман постепенно рассеялся, и в его голове возникла вдруг совершенно отчетливая картина: Дася, обливаясь слезами, стоит перед собственной дверью, не зная, как войти, потому что перед нею, расставив длинные подлые ручки, раскачивается красноносый грек, и приближается, и скалит зубы, и сопит, и еще мгновение — он обхватит ее и понесет в охапке в свою светелку... И в этот момент Шипов услышал стон, глухой и далекий. Он вскочил, вслушался. Стон повторился. О дверь что-то терлось — то ли ухо Гироса, то ли Дасин пеньюар. «Обнимает!» — догадался Шипов и одним прыжком пересек комнату и распахнул дверь. Послышался удар. В полумраке коридора перед Шиповым стоял Гирос, держась за щеку.

— Сейчас бить буду, — шепотом сказал Шипов.

— Бей, Мишель, — будто насмешливо откликнулся Гирос и загородился тонкими руками.

Но что могли эти несчастные жердочки перед напором урагана? Они разлетелись в разные стороны, ограда рухнула, и жилистый кулак Михаила Ивановича свободно долетел до длинного носа компаньона. Нос хрустнул. Компаньон, отброшенный к стене, ахнул. Всего одно мгновение продолжалась буря. Не успел кулак взлететь еще раз, а Гирос уже мчался по лестнице, пригнувшись, перебирая ступеньки ногами и руками. Окрыленный успехом, Михаил Иванович бросился было следом, чтобы пригвоздить мерзавца к позорному столбу, но пройдоха успел уже заскочить в свою светелку и задвижка щелкнула. Шипов, как поджарый хищник, испуская в душе сладкий клич победы, затрусил обратно к Дасиному логову, куда его влекла природа.

Видимо, уже начинался рассвет: все в доме приобрело смутные очертания, все как-то уже виделось, виднелось, различалось, обретало названия, и Шипов в своем исподнем переставал походить на привидение, хотя об этом не думал, а рвался туда, туда, в аромат духов, в объятия, в тайну.

И вдруг он замер. Ужасная картина раскрылась перед ним. Из распахнутых дверей Дасиной спальни, осторожно и вкрадчиво ступая, показался Гирос, словно это не он только что ускакал на четвереньках в свою спасительную, заоблачную светелку...

— Ааааа! — зарычал Михаил Иванович и ринулся на врага.

Они сцепились, рухнули и покатались по полу, разрывая одежду, и в тот момент, когда Шипов уже было дотянулся кулаком до отвратительного носа, нос дрогнул и легко отделился от лица компаньона. Затем в полубреду Михаил Иванович видел, как сполз с головы врага черный косматый парик, и круглое, розовогубое лицо проклятой старухи открылось перед секретным агентом.

— Аи да граф! — едва слышно захохотала старуха, поднимаясь с пола. — Испугались! А ведь ночью не то еще бывает... — И, ловко вскочив, исчезла в Настасьиной каморке.

Ничего уже не понимая, Шипов попятился и снова очутился в Дасиной спальне, возле кровати вдовы. Розовое одеяло неподвижно громоздилось на холодной простыне. Сломленный всем происшедшим, Шипов свалился на пол и замер. Теперь ему хотелось одного: прижаться щекой к Дасиным коленкам, и закрыть глаза, и уже никогда не открывать их. И тут, словно услышав его желание, она тихо вошла в спальню. Она увидела его, распростертого у кровати, но не испугалась, и не закричала, и не кинулась прочь. Медленно, едва касаясь пола, подходила она, и Михаил Иванович ослабленно ждал, когда же она совсем приблизится и положит прохладную маленькую свою ладонь на его горячий лоб. Она приближалась. Голубой ее пеньюар явственно просматривался в сером утреннем свете. Он зажмурился. Половицы слегка подраги-

вали. Затем все смолкло и Шипов ощутил на лбу прохладную ее ладонь. Он потянулся к ней. Она вздохнула и присела на кровать.

«Те-те-те-те, — подумал он, успокаиваясь, — ко-ко-ко-ко...»

И тут былая страсть вспыхнула в нем, и, полный восторженной благодарности и любви, он вскочил и обнял вдову, и тут же ее ручки обвилились и скрестились у него за спиной.

— Ле-ле-ле-ле, — горячо зашептал Шипов, и она обняла его крепче. — Лю-лю-лю-лю? — спросил он, млея, и она сжала его так, что перехватило дыхание. — Дасичка... — прохрипел он удивленно и рванулся, чтобы заглянуть ей в глаза, и закричал в ужасе — перед ним маячило розовогубое лицо старухи. Она сжимала его все сильнее и сильнее и при этом не переставала беззвучно смеяться.

— Что, граф, какова моя любовь? — спросила она и вдруг оттолкнула его.

Не помня себя, он вылетел из спальни и, подобно своему компаньону, на четвереньках заскакал вверх по лестнице.

Там, наверху, казалось, было спасение. Но разве мы знаем, что может ожидать нас за ближайшим поворотом? И Михаил Иванович, ворвавшись к себе, увидел, что проклятая старуха уже здесь и уже сидит на его постели, кутаясь в голубой пеньюар, и не оборачивается, чтобы Михаил Иванович, упаси Бог, раньше срока не заметил ее круглого, розовогубого лица.

Когда смертельное кольцо сжимается, загнанный зверь становится страшен. Отчаяние правит им. Тогда для него не существует ничего. И Михаил Иванович, вместо того чтобы кинуться прочь, закусил бледные губы и решительно навалился на обидчика. Удар был так силен, что старуха взвилась, натолкнулась на комод и закричала в полную силу:

— Мужик! Свинья! Как ты смеешь! Вон из моего дома! Настасья! Да Настасья же!..

— Дасичка... — ахнул он и в беспамятстве грянулся об пол.

Компаньон за стенкой все слышал. Он глянул в щель. Дася бежала по лестнице, рыдая и зовя на помощь. Амадей Гирос не выдержал. Страх перед Шиповым померк. Он видел только удаляющуюся спину вдовы, видел ее мелькающие пяточки, и это придало ему смелости. Уже не таясь, быстрыми прыжками понесся он вослед, чтобы наконец очутиться перед нею, перед плачущей и оскорбленной, и вымолить себе снисхождение. Он видел, как голубые крылья мелькнули в дверях спальни, будто призывая его, Гироса, но дверь захлопнулась. И в этот момент чья-то тяжелая рука опустилась на плечо итальянца. Он попытался отскочить, но рука держала крепко.

«Неужто Мишель?!» — подумал он, холодея, и оглянулся. Старуха странница стояла перед ним, вперив в него холодный взор, поджав розовые губы.

— Я жандармский полковник Муратов, — сказала она непреклонно. — Следуйте за мной. — И подтолкнула его.

Они сбежали с крыльца. Красный, побитый нос Амадея стал еще багровее от раннего мартовского морозца. Черная челка безобразно сползала на лоб. Страх мешал Гиросу соображать, а уж надеяться на чью-то помощь здесь, на пустынной улице, не приходилось и вовсе. Сильная рука полковника сжимала плечо. Впереди откуда ни возьмись из серой дымки возникли лошадь, пустые сани. Полковник подтолкнул его к экипажу. Гирос собрался было занести ногу, но от толчка подлетел кверху, и перевалился через край, и замер на самом дне.

— Лежать и не шевелиться, — сказал полковник жестко и исчез в утренней дымке.

«Пошел за кучером», — догадался несчастный Гирос.

Вдруг невероятная мысль обожгла его: ухватить поводья, крикнуть, свистнуть — и ищи ветра в поле!.. Но пошевелиться было страшно. Дася позабылась мгновенно,

но тошнило то ли от мелкого страха, то ли от холода. Вдруг послышались шаги. Чернобородый кучер легко вскарабкался на облучок, и сани тронулись. Полковника не было.

«Ай-яй-яй, — подумал Гирос, коченея, — радость какая!..»

Кучер взмахнул кнутом, и застоявшаяся лошадь пошла крупной рысью. Гирос, осмелев, выглянул из саней, и ему привиделась зыбкая фигура полковника, вынырнувшего из-за угла, и даже послышался истошный крик...

— Гони! — крикнул Гирос кучеру.

Кнут свистнул. Лошадь понеслась галопом.

— Гони! Гони! — орал Гирос, захлебываясь от счастья и страха.

Где они скакали, определить было трудно. Безнадежно отставший полковник бесновался где-то там, позади, за каким-то там углом. В довершение удачи Гирос вспомнил, что в кармане еще осталось немного денег, и велел кучеру гнать к ближайшей харчевне. И тотчас сани послушно свернули за угол, за другой, пошли медленней, и не успел Гирос осмотреться, как они въехали в ворота и остановились. Кучер проворно слетел с облучка...

Зачем тебе алмазы и клятвы все мои?..

— Ну, молодец, — сказал Гирос, вываливаясь из саней. — Хорошо гнал, ух, как хорошо! — И подрыгал затекшими ногами.

Тут кучер подошел к нему, взял его за плечо и сказал:

— Я жандармский полковник Муратов... Следуйте за мной! — И потащил опавшего Гироса в дом.

Все остальное происходило как в тумане. Они прошли по каким-то коридорам, лестницам, переходам, миновали несколько комнат, пока не остановились в большой и просторной, с высокими окнами, с мягкими креслами, с большим пузатым столом, загроможденным книгами. Полковник велел Амадею ждать, а сам вышел. Отчаяние овладело Гиросом. Он поминутно вздрагивал и озирался, словно теперь уже отовсюду мог возникнуть страшный полковник, и даже в неподвижной мебели чудились ему подвох и тайна. Мозг уже не искал спасения. Просто хотелось скулить, ни на что не надеясь. Тошнота усиливалась. Вдруг вошел полковник. Одет он был на сей раз в длинное серое платье с буфами, на нем был седой, хорошо забранный вверх парик, лицо было круглое, уже немолодое, светлые глаза безразлично оглядывали Гироса. В руках полковник держал поднос, уставленный тарелочками, вазочками и двумя большими чашками, над которыми поднимался пар. Сильный аромат кофея донесся до Амадея, и он очнулся.

— Ваше высокоблагородие, — сказал он жалобно, — да вы со мной не стесняйтесь, бейте меня, ваше высокоблагородие, я пес... Я все могу, вы меня не стесняйтесь... Вы только приглядитесь ко мне, какой я пес... Хотите, я на четвереньки встану? Хотите? Мне ведь ничего не стоит, ваше высокоблагородие...

В это время действительно вошел полковник Муратов, свежий, розовогубый, в служебном мундире.

— Аи! — крикнул Гирос и заслонился обеими руками. Экономка поставила поднос и удалилась.

— Ну-с, — весело сказал полковник, — будем дружить?

...Утро совсем занялось. В окно полилось солнце. Март-то ведь был на исходе, то есть почти уже был апрель, и зима не могла заявлять своих прав, она сдавалась перед весной, и только остатки почерневшего снега, да мороз по ночам, да северные ветры еще напоминали прошедшее. Но уже было новое в природе, и деревья готовы были стрелять в синее небо первой зеленью, и вода освобождалась ото льда, и люди распахивали сундуки, и пора уже было ждать первых цветов, первых пчел и всяких весенних ароматов и звуков.

И, может быть, поэтому, когда полковник Муратов весело сказал, что, мол, будем дружить и Гирос увидел солнце, он не стал падать на колени, а поверил полковнику и согласно кивнул, и кивок этот означал, что, мол, я киваю вам в знак того, что мне незачем перед вами скрываться и таиться, ибо мы с вами дети одного племени и, хотя мы обманываем друг друга, пока нам обманывается, но как только обстоятельства хватают нас за локоть, мы готовы и признаться, и повиниться, и руки друг другу протянуть.

Вот что означал этот кивок поверженного итальянца, и полковник встретил его новой улыбкой.

— Ну-с, — сказал он, — будем дружить. Я по лицу вашему вижу, что вы измучились. Верно? Вы пейте кофе, пейте...

— Верно, очень верно, — сказал Гирос — Он мне сулил золотые горы, шесть тысяч рублей серебром, серебряные горы, шесть тысяч, а дал червонец.

— О, — сказал полковник, — здорово вы попались! Да я попробую вас выручить...

— Он все себе брал, а мне ничего.

— Нынче совсем весна... А вы воротитесь домой, будто нигде и не были, верно?

— С превеликим удовольствием, ваше высокоблагородие...

— Ваш компаньон — граф?

Гирос захохотал.

— Пейте кофе, остынет. Я так и знал. В Ясной вы не были?

— Ваше высокоблагородие, — сказал Гирос, окончательно приходя в себя, — дозвольте, я с вами на «ты» буду?

— Нет, — сказал полковник и скривил розовые губы, — не позволю. Вы существо маленькое, зависимое. (*Гирос захохотал.*) Ну, правда же, правда же... Вы лучше старайтесь быть мне полезным. Я, правда, шести тысяч вам не обещаю (*Гирос захохотал*), но вы старайтесь, старайтесь, и все будет хорошо, видит Бог. А не будете стараться...

Гирос. Господь с вами! Да я для вас...

Полковник. А не будете стараться — у меня, видите, какая рука?

Гирос. Да что вы, ей Богу! Я пес! Вы меня только поманите, только прикажите: «Ату!» И я готов. Мне ведь ничего не стоит...

Полковник. Ну хорошо. Я дам вам немного денег. Он вам тоже ведь обещал? Сколько он обещал?

Гирос. Шесть тысяч.

Полковник. Ну, это слишком. Я вам дам четвертной. А?

Гирос. Благодарен, благодарен! Конечно...

Полковник. Что «конечно»? Будете стараться, чорт вас подери?

Гирос. Расшибусь. Как пес. Вы только кликните... Ваше высокоблагородие, дозвольте, я вас на «ты» буду?..

Полковник. Теперь так, слушайте. Чтобы полное молчание. Вы меня не знаете, дома у меня не были. Скажете вашему другу, что должны вы отправляться в Ясную, пусть он вас отправит... А вы отсидитесь в трактире. Я вас сам найду, сударь, понятно?

Гирос. Понятно, понятно. Пошел Амадей по следу!

Полковник. Все его письма скопируйте, храните для меня. Понятно?

Гирос. Ваше высокоблагородие, да вы пинайте меня, пса, бейте... Я ведь было совсем нюх потерял... А вы велите мне идти по следу! Я готов, ваше высокоблагородие...

Полковник. А что, сударь, очень он хозяйку вашу охаживал? Не было ли там чего?..

Гирос. Было, ваше высокоблагородие, было. Как же не было, когда было! Разве я посмею сказать перед вами, мол, не было, ежели оно было...

Полковник. Чорт возьми! А вы-то что же? Вы-то на что же?.. Чорт вас подери!

Гирос. Я мешал, ваше высокоблагородие, видит Бог. Ничего не было. Да вы бейте меня, бейте, не стесняйтесь...

Полковник. Было или не было?

Гирос. Не было...

Полковник. Допивайте кофей...

Гирос. Кофей у вас вкусен!.. Ваше высокоблагородие, позвольте, я на «ты» вас буду?

Полковник. Что еще за манеры?

Гирос. Это я так, да вы меня не слушайте.

Полковник. А что он в Петербург сообщал?

Гирос. Страшно говорить. Дозвольте, я вам пошепчу... (шепчет).

Полковник. Ничего себе! Какая ложь! Да он-то сам там бывал, в Ясной? Он сам-то видел?..

Гирос. В том-то и дело, что не был...

Полковник. А вы?

Гирос. Я, конечно... То есть не то чтобы был... То есть я был.

Полковник. Да и вы не были, чорт вас возьми!

Гирос. Я? Ваше высокоблагородие, я там не был.

Полковник. Чего же вы мне врете?

Гирос. Я вру?! Да вы бейте меня, ваше высокоблагородие, пинайте меня, ежели я посмею. Я не вру, ваше высокоблагородие. Он там не был и графа не видал.

Полковник. А вы?

Гирос. Я был... То есть где? В Ясной? Не был, ей Богу...

Полковник. Как же вы, чорт возьми, донесения пишете?

Гирос. Я не пишу. Это он пишет, Шипов.

Полковник. Значит, он там был?

Гирос. Он? Он был. Несомненно.

Полковник. Как же он был, когда вы только что утверждали, что не был?

Гирос. Он? Он не был, ваше высокоблагородие. И я не был...

Тут полковник вскочил.

— Аи! — крикнул Гирос и заслонился обеими руками...

Николай Серафимович принялся выхаживать по кабинету, не говоря ни слова, да так стремительно, что давний неведомый мотив не поспевал, летя за ним следом, и ударялся об стены, и разлетался в мелкие брызги, часть из которых попадала на Гироса.

...В полку небесном ждут меня...

«Какое свинство! — думал полковник. — Какая грязная возня! И вокруг чего?.. Навозные жуки высасывают из пальца историю, чтобы доказать мне, что я свинья! Кому это надобно?..»

...Зачем тебе алмазы?..

— А что, — вдруг оборотился он к Гиросу, — значит, ежели вы правы, стало быть, я полная свинья?

— Упаси Бог! — испугался Амадей.

— То есть вы получаете деньги и умываете руки, а я — ничтожество и бездарность, ибо я никакой угрозы от Ясной не наблюдал, а вы наблюдали?

— Упаси Бог, ваше высокоблагородие...

«Она энергична и умна, — продолжал размышлять полковник. — Слава Богу, я в том убедился. Добра, женственна... Чего же тянуть?»

— Вы, не прикладывая усилий, развратничая и пьянствуя, оказываетесь зоркими охранителями порядка, а я — дурак и ротозей — проворонил подпольные станки и всякие козни графа Толстого?.. А может, вам поручено меня дис-кре-ди-ти-ро-вать?

— Да что же это такое! — в отчаянии крикнул Гирос. — Ваше высокоблагородие, куда же это годится? Это же напраслина!..

«Просто я отправлюсь к ней, — подумал Николай Серафимович, — и скажу, и все ей скажу... Что же будет? Укажет на дверь? Не укажет. Одинокая, беззащитная, белорукая... Не укажет, не укажет...»

— Вы славный человек, — сказал он Гиросу, отчего итальянец даже просиял. — С вами можно иметь дело... Жаль, что вы успели уже себя немного очернить, когда пустились в ложь... Тамбовский мещанин и все такое... Жаль.

— Ой-ей-ей! — захохотал Гирос, запрокидываясь. — Я им заливал, а они и ушки развесили! Да ведь я так это. Дай, думаю, ляпну...

— А жаль, а жаль...

— Да Господи, это ж я так, пулечку пустил... Ну, пустил маленькую... ну, простите, ваше высокоблагоро...

«Ах, да что мне ее пенсион? Или она будет об том убиваться? Дурочка, голубоглазая птичка... Да я распутая этот зловещий клубок, не беспокойся, ради тебя, котенок, царевна-лягушка, Золушка, Бог свидетель и судья...»

...Зачем тебе алмазы и клятвы все мои?

В полку небесном ждут меня...

Уже давно Гирота не было, он исчез, едва ему было позволено, а полковник все вышагивал по кабинету.

«Какая грязь! — думал он. — Значит, ежели вы виноваты, граф Лев Николаевич, стало быть, и я виноват, что недоглядел? Так я докажу им, докажу вашу порядочность и непричастность...»

...В полку небесном ждут меня.

Господь с тобой, не спи!..

Наконец явилась молчаливая экономка и сырой тряпкой протерла кожаное кресло, в котором восседал еще совсем недавно несчастный грек.

(Из неофициального письма Московского
генерал-губернатора Тучкова П. А. — управляющему
III Отделением генерал-майору Потапову А. Л.)

...Просто диву даюсь на Вашу прозорливость. Вы прочтите, Вы только прочтите донесение этого агента, и Вам станет ясно, какое бесценное сокровище у нас в руках. Не скрою, я долго мучился в поисках благоприятного решения ужасного вопроса, связанного с Графом Толстым и со всей этой историей, но ничего обнадеживающего никак найти не мог, как вдруг этот маленький человек, это чудовище, возьми и придумай способ, достойный быть рожденным лучшими умами. Да что это со мной? А достоин ли я своего места? А может, мне лучше удалиться в свою подмосковную, да и не тешить себя зря? Вот какие мысли рождались во мне, покуда я размышлял над предложениями, полученными из Тулы. Но это я так, почтеннейший Александр Львович, из пристрастия к самобичеванию. А Вы-то неужто обо всем знали заранее, то есть знали, что он такой ловкач? Ведь я-то думал: ну что это почтеннейший Александр Львович затевает с эдаким-то чудищем? Быть беде. Теперь же, однако, представляю гордость Государя за Вас да за Князя, когда он узнает, как тонко и неумолимо был погашен сей отвратительный очаг политического распутства.

Теперь Вы спрашиваете, что мне лично известно о Графе Толстом, и верно ли, что он автор перечисленных вами книжек, и что я об этом думаю. Действительно, Граф пописывает, и, как говорят, не без успеха, что-то там такое действительно у него есть, хотя в нынешние-то времена у нас все ведь пишут, кто во что горазд. Ужасно не само писание, а ежели оно оборачивается против существующих порядков. Вот Граф и сподобился. И видите, почтеннейший Александр Львович, оказывается, неспроста это пристрастие Графа к исключенным и всяким прочим сомнительным молодым людям: среди них, вероятно, ему легче сеять зерна зла.

Предвижу Ваше решение и уже распорядился об отправке денег известному Вам лицу, чтобы не задерживать хода предприятия...

(Из неофициального письма Тучкова П. А. — неизвестному)

...и Вы за этим хорошенько проследите, ибо Генерал Потапов несомненно раздувает это дело и все лавры попытается присвоить себе, несмотря на то, что Ваше участие в сем деле не второстепенно и именно от Вас в свое время мы с Графом Крейцем и получили предписание споспешествовать...

(Из официального письма шефа жандармов,
главного начальника III Отделения,
генерал-адъютанта князя Долгорукова В. А. — Потапову А. Л.)

...В главном не могу не одобрить блестящей выдумки. Это именно то, что было нам так необходимо. В нашей с Вами работе случайностей не бывает, и вот Вам наглядный пример. Мы не случайно обратили внимание на первое донесение о Графе Толстом и не случайно распорядились отправить туда именно этого агента. Опыт и интуиция с очевидностью подсказали, что он не простой пройдоха, но, обуреваемый жадной жаждой принести пользу Государю и лично мне преданный, он выполнит поручение с тщанием, чего бы это ему ни стоило.

Распорядитесь, Милостивый Государь, об немедленной отправке денег, ежели это еще не сделано.

Не сомневаюсь, что Вам не миновать Владимира, а мне благосклонного взора Государя.

(Из частного письма Московского
обер-полицмейстера графа Крейца Г. К. — неизвестному лицу)

...Говорят, что Тучков совсем a perdu sa raison du bonheur*, утверждает, что во всем его заслуга, что будто бы это он нашел того секретного агента, о котором я Вам писал, и теперь только остается ждать страшных разоблачений.

Представьте себе, каков этот Толстой, и, говорят, совсем еще молод. А уж в Петербурге и подавно дым коромыслом — шутка ли, такое дело!..

(Из неофициального письма
подполковника Шеншина Д. С. — полковнику Воейкову)

...Я уже получил указание об отправке денег. План-то этот хорош, остроумен, да долог. Я докладывал Его Превосходительству, да он и слышать об этом не желает. Обложился письмами Генерала Потапова, перечитывает их и прищелкивает языком.

Сдается мне — будь ваше ведомство попроворнее, послали бы туда парочку-другую жандармов, да и дело с концом. У нас же, как на грех, обожают пышные и долгие церемонии и всякий таинственный вздор...

(Из письма Л. Толстого — М. Н. Каткову)

...Я принялся только на днях за свой запроданный роман и не мог начать раньше. Напишите мне, пожалуйста, когда вы желаете иметь его. Для меня самое удобное время — ноябрь, но я могу и гораздо раньше. Ежели вам это неудобно, напишите прямо, я вам возвращу деньги (я теперь в состоянии это сделать) и все-таки отдам роман только в Русский Вестник. Ежели бы и вовсе раздумали, то я с удовольствием бы и вовсе отказался. Пожалуйста, напишите мне обстоятельно и совершенно откровенно. Я, главное, желаю сделать так, чтобы вы были довольны...

---

* Потерял голову от счастья (фр.)

Управляющий III Отделением
Собственной Его Императорского
Величества Канцелярии
С.-Петербург

Господину Полковнику Корпуса Жандармов,
находящегося в Тульской губернии, Муратову

В III Отделении до сих пор нет Вашего четкого ответа о наличии студентов в имении Графа Толстого Ясная Поляна. Последнее Ваше донесение имело поверхностный характер и никак не совпадает по своим данным с донесениями упомянутого секретного агента.

Вы, Милостивый Государь, пользуетесь старыми, непроверенными сведениями, и эта разногласия вносит в нашу работу разнобой.

Его Сиятельство Князь весьма озабочен сложившейся ситуацией и выражает крайнее недоумение по поводу Вашей странной бездеятельности.

Генерал-Маиор Потапов

(Из письма полковника Воейкова — полковнику Муратову)

...Ты спрашиваешь чорт знает что такое. Да как же ты можешь разоблачать и уличать М. Зимина, коли у него все нити в руках? Посуди, весь Петербург напряжен до крайности, все застыли в ожидании благополучного окончания истории, Москва трепещет, будто девка, которую вот-вот должны... Тучков страдает бессонницей — все ждет, в политическом сыске — полнейший переворот, М. Зимину дадут дворянство, помяни мое слово; и вдруг ты со своими разоблачениями, и при своей репутации! Нет, нет, твои обиды, право же, несостоятельны и неуместны. Ты — муравей перед телегой. Да она тебя раздавит и не заметит.

Пишу тебе, уважая тебя и памятуя о нашей былой славной совместной жизни и нынешней нашей дружбе, успокойся ради Бога и не делай глупостей, или тебе всего мало, что уже было?

Когда бы ты имел возможность хоть краем глаза глянуть на Тучкова да почитать письма Потапова, ты бы бросил свои затеи и не носился бы с пустыми фантазиями...

(Из частного письма частного пристава Шляхтина — неизвестному лицу)

...Молю Бога, чтобы этот пройдоха чортов все сделал хорошо, а то ведь, не дай Бог, ежели чего у него сорвется, так мне голову оторвут за все про все, ты, мол, такой-сякой, все затеял, с тебя, мол, все началось, и прочее, и прочее!..

Кабы ты знал, какие я ему деньги отправляю, ты бы ахнул. Вот игра природы!..

Ранним вечером конца апреля из прекрасной гостиницы Севастьянова выскочил владелец лучшего трехкомнатного номера галицкий почетный гражданин М. Зимин и помчался что есть мочи по начавшей зеленеть Туле.

Он бежал, обгоняя прохожих. Знаменитое гороховое пальто было, очевидно, брошено в номере. Коричневый сюртук и черный цилиндр придавали фигуре секретного агента значительность. Свеженакрахмаленная манишка радовала взор, соломенные бакенбарды сверкали под солнцем.

Он бежал, вытянув шею, словно торопился по следу. Глаза его источали зеленые лучи. На груди под сюртуком хрустели ассигнации.

Рядом с ним по мостовой катила извозчичья пролетка, и громадный розовогу-бый извозчик приглашал с улыбкой:

— Барин, а барин, садись — подвезу.

Но секретный агент продолжал свой бег, не обращая внимания на экипаж.

Как же сложилась жизнь Михаила Ивановича после той злополучной ночи? А вот как. Лишенный чести, былого могущества, славы, компаньона, он вылетел, подобно пробке, из дома вдовы, сопровождаемый слезами и проклятьями, ничего не понимая и ничего перед собой не видя. С маленьким узелком близких его сердцу вещей поскакал он сперва по лестницам, а затем по утренним мостовым негостеприимного города. Уже дом Дарьи Сергеевны скрылся из виду, а в ушах его все еще звучали проклятия.

Долго ли, коротко ли колесил он по улицам и переулкам, но усталые ноги привели его к гостинице Севастьянова, и он, пересчитав жалкие остатки денег, снял себе маленький полутемный номерок, единственное оконце которого упиралось в старый, изъеденный временем забор.

Не обращая внимания на бедное убранство номера, он бросился на жесткую кровать и мгновенно уснул. Проснулся бодрым, но с ощущением печали и тут же вспомнил, что с ним произошло.

Крепость, которую он так долго, тщательно и любовно создавал, рухнула — подвел один кирпичик. Будущая счастливая жизнь с Дасей была погребена под обломками сырых стен. Компаньон исчез. Только тут Михаил Иванович понял, как печально одиночество, как отвратительно одному, даже без этого красноносого подлого грека, прощелыги, без этого итальянца и пса. Где ты, Амадеюшка? Откликнись!..

В каморке стояла тишина. В желудке отчаянно засосало, и, странное дело, захотелось ватрушек.

Наскоро одевшись, Михаил Иванович вышел из номера. Вдруг навстречу мальчик в красном казакине, с подносом, на подносе пустые бутылки, горка грязных тарелок, объедки... Шипов повеселел.

— А ну-ка, се муа, притащи-ка мне щей, — сказал он вдохновенно, с улыбкой. — Что-то мне есть охота. Да погорячей.

— Ух ты! — засмеялся мальчик и побежал прочь.

Михаил Иванович даже рассердиться не успел. Заглянул в тусклое зеркало: он стоял там весь измятый, словно его долго выжимали, соломенные космы глядели в разные стороны, как у чорта.

— Беда, — сказал он, ощутив лицо, — не подадут.

Поднял воротник горохового пальто, надвинул котелок и бочком-бочком пошел к выходу. Там из самых сеней, из вестибюля, на второй этаж вела ковровая лестница, и гладкие круглые перила просили проскользнуть по ним ладонью. Там, за белыми дверьми, спокойно ели щи, обсасывали куриные кости и, зажмурившись, опрокидывали рюмочки. Ах... Это, конечно, не «Шевалье», но жить можно. Полный сетребыен. А тут, значит, нужно бежать до Кремля, там в торговом ряду спросить горячей требухи на пятак с куском хлеба и опять бежать обратно? Мерси. Для чего же тогда было огород городить?.. И Михаилу Ивановичу показалось, что пахнет ватрушками. Торопливой рысцой кинулся он к торговым рядам, озираясь по сторонам в надежде встретить Гироса, но того нигде не было.

Ночная история уже успела слегка поостыть, но не совсем. Камень с души не свалился. Так и хотелось свернуть к Дасиному крыльцу, ворваться, упасть в ножки или, напротив, подхватить на руки: да прости же, прости, слышишь? Дарья, ау, голубка, перепелочка, ко-ко-ко, это все старуха чортова, Гирос этот, грек, Лев Толстой этот, ау-ау...

Сердце тянулось к крыльцу, а ноги торопились к торговым рядам, и вот он уже пристроился на досках и одной рукой закидывал в рот горячие, ароматные куски, а другой придерживал сползающий на глаза котелок.

То ли пятак был мал, то ли торговка скупа, а пришлось снова раскошелиться. Шипов ел, а перед глазами маячила столовая в доме князя — чисто, тихо, благородно, мерси, сильвупле, мерси, сильвупле... А знает ли князь, каково ему, Мишке Шипову, здесь, в Туле? Здесь, в торговых рядах, с полным ртом горячей требухи — и ни стола, ни стула? За что же такой мезальянс? Нынче эманципация. Ежели я чего вам не по душе, так премного благодарны и разойдемся. Я вас не трогаю, и вы меня не трожьте... Надо вам чего, так вы меня в холе содержите, а за так, лямур-тужур, кому охота спину ломать? Ну?..

Наконец он насытился, позвенел мелочью в кармане и двинулся обратно. Теперь следовало все спокойно обдумать и решить, как жить дальше. Неужели подлый грек воротился после бегства и преспокойно спит в своей светелке? А может, даже в ее спальне?.. Возмущенное сердце повлекло его за собой, и он остановился на Дасином крыльце. Дверь открыла Настасья. Из дому потянуло знакомо-знакомо. Душа Михаила Ивановича затрепетала.

— Пущать не велено...

— Настасьюшка, — попросил он как мог поласковой, — ты компаньона моего кликни, итальянца...

— И их не велено, — сказала Настасья. — Нету никого. — И захлопнула дверь.

Шипов оглянулся с грустью. Улица была тиха и пустынна. Все вокруг было знакомо, словно жизнь прошла у этого крыльца. Напротив на углу громадный извозчик с розовыми губами дремал на козлах. Черный петух с забора разглядывал секретного агента.

«Секретный, секретный, — подумал Шипов с досадой, — а что проку?»

Он воротился в свой номер, бочком-бочком проскользил мимо хозяина, так, на всякий случай, и улегся спать.

Шли дни. Не было ни писем, ни денег. Михаил Иванович совсем изголодался. Душу охватили страх и отчаяние. Он попытался вспомнить старое, эдаким баринном завернуть в трактир, но едва вошел, голова закружилась, глаза потухли.

— Тебе чего? — спросил хозяин неласково.

— Да ничего, — тихо ответил Шипов. — Это я так.

— Ну и ступай, коли так...

Что деньги делают с людьми! С ума сводят... А что безденежье? Еще хуже! И не потому, что голодно, а потому, что страшно.

«Может, наняться куда?» — думал иногда Михаил Иванович, но не решался. Ложился на койку, закрывал глаза и тотчас видел: вот, сытый и ленивый, сходит он по лестнице, и уже сверху ему видны блюдо с ватрушками, и самовар, и золотой мед, и молоко с коричневыми пенками... В животе гудело, челюсти сжимались, но вот беда — едва он подходил к столу, как тотчас засыпал. И так всегда. Лишь закроет глаза — идет он по лестнице, сытый да ленивый, не торопится, а Дася глядит на него, словно белая кошечка, ждет, а он идет, идет...

«Что-то граф денег давно не шлет, — думал иногда Михаил Иванович, — али оброк собрать не успел, али еще чего...»

Тут еще новый страх прибавился: вдруг сам Севастьянов нагрянет, денег за номер спросит? Михаил Иванович в такие минуты совал голову под подушку и думал: «Я вас не трогаю, и вы меня не трожьте...»

А с Гиросом тем временем произошло вот что. Он вышел тогда от полковника полный сил и спокойствия. В кулаке лежал четвертной. В лавке он долго перебирал фуражки и, наконец, вместо клетчатого своего картуза купил фуражку сливочного цвета, с большим козырьком. Так изысканно преображенный, отправился он к дому вдовы, где Настасья произнесла решительное «нет». Не смущаясь и не падая духом, свернул он в хороший трактир; не жалея денег, пышно, вволю пообедал, выпил, даже не отказал себе в бутылке шампанского, а затем, и не пытаясь отыскать компаньона, и даже позабыв о нем, да и о Дасе, да и о полковнике и обо всех ужасных событиях, откупил узкое местечко на нарах ночлежного дома, заплатив за неделю вперед все деньги, что еще оставались, аккуратно разделся, сунул одежду под голову, растянулся на грязном, соломой набитом тюфяке, зарылся в неизвестное тряпье, вдохнул столетних ароматов и, не обращая внимания на шум и суету подвала, крепко уснул.

Шли дни, а он не просыпался, и никого это не тревожило. Дыхание его было ровным, щеки порозовели, длинный нос издавал мелодичные звуки.

Вот что произошло с Гиросом, покуда Шипов голодал и мучился, ломая голову, как помочь беде.

Однажды прекрасным апрельским утром (а оно воистину было прекрасно, это утро, ибо кончался апрель, было много солнца, первая трава лезла из всех щелей, молодые клейкие листочки начали распускаться) в дверь его сильно постучали. Он похолодел. Денег уже не оставалось, даже мелочи, но, к счастью, это был не хозяин, а мальчик в красном казакине. Он протянул Шипову большой синий конверт и удалился. «Господину Зимину» — значилось на конверте. Что было предположить? Кто знал о его пребывании в гостинице? Деньги? Но они летали иными путями, через иные руки... Долго Михаил Иванович вертел в дрожащих руках злополучный конверт, пока наконец не решился вскрыть его.

«А ежели все-таки деньги?» — без всякой надежды подумал он и надорвал край. Из большого конверта выпал маленький, аккуратный, вдвое сложенный листок. Денег не было. Несколько фиолетовых строк заплясали перед глазами Шипова, сплелись, расплелись, перемешались, буквы лезли одна на другую, получилось хитрое кружево, смысла которого нельзя было понять. Вдруг кружево распалось само, и Михаил Иванович прочел:

«Милостивый Государь,

зная о цели Вашего приезда в наш город и будучи хорошо знаком с нравами и обычаями здешних жителей, спешу предупредить, что против Вас замышляется ужас-

ное предприятие. Торопитесь, Милостивый Государь, опередить злоумышленников и постарайтесь покинуть город до рокового часа.

С истинным почтением, Ваш доброжелатель».

Он не испугался, просто удивился: «Какой еще доброжелатель?» Холодное, вежливое предупреждение было ему непонятно. Эпистолярный жанр в таких формах был ему чужд. Ему не хватало во всем этом простого крика ужаса: «Спасайся, убьют!» Нет, чувства его не всколыхнулись от прочтения, было немного обидно, что все-таки нет в конверте денег. «Деньги!» — подумал он и ринулся на почту уже в который раз.

Михаил Иванович не был сентиментален и слезлив. Его дубленая кожа не пропускала тонких посторонних звуков, и стоны, жалобные вздохи, всякие там причитания — все это не касалось его души. Но в этот день он ощутил, что душа взорвана изнутри, комок подступил к горлу, в носу защекотало, защипало веки, и что-то легкое, на тонких лапках, побежало по небритой щеке вниз, вниз, к подбородку, добежало до самого его краешка, повисело и сорвалось. И тут же точно такое же, словно их была целая стая, покатилося по востренькому носу и остановилось на самом кончике...

«Ровно муха», — улыбнулся он и смахнул это ладонью.

Вот и пришел этот день, этот благословенный день, когда ровнехонькие ассигнации улеглись на его ладонь. Он торопливо вернулся в свой номерок, накинул крючок на дверь и выложил свое богатство. Сорок четвертных билетов, ровно сорок, ни больше ни меньше, лежали перед ним на полу, освещенные уходящим солнцем. Забылось все. Все несчастья разом кончились. Сердце застучало с прежней силой. Руки налились, плечи раздались. Голос окреп, ибо едва, спрятав деньги, он кликнул коридорного, тотчас коридорный прибежал, за ним мальчик в красном казакине, потом сам хозяин Севастьянов, и все закружилось, загудело, запричитало вокруг Михаила Ивановича. А ведь о деньгах он еще не сказал ни слова, но они словно почуяли что или действительно окреп его голос, и он теперь стоял гордо, с легкой улыбкой на тонких устах, и едва поводил плечами или взмахивал рукою, как суета усиливалась, а бросал одно только слово — и с ним непременно соглашались: «Вестимо, сударь...», «А как же-с, ваше благородие...», «Не извольте беспокоиться...»

И его повели наконец на второй этаж, по той самой ковровой лестнице к самой дальней, самой белой двери и распахнули ее. Господи Боже мой, комната, вся голубая, бескрайняя, раскинулась во все стороны — не видно берегов, за ней другая, а там уж и третья! И тут же хозяин выкатился прочь — распоряжаться, а коридорный ловко повесил в гардероб единственное гороховое пальто Михаила Ивановича, а мальчик в красном казакине, словно красный кузнечик, поскакал на худеньких ножках за всякой любимой снедью для секретного агента.

«Какой еще доброжелатель? — вспомнил он, как в полусне. — Какие еще угрозы? Эвон куды я поднялси-и-и! А выше-то куды? Тама — небеса одни!..»

Начиналась новая жизнь.

Покуда мальчик бегал в соседнюю ресторацию заказывать то-это, Михаил Иванович решил не терять времени, то есть он не мог поступить иначе, он, как застоявшийся молодой, полный сил жеребчик, рвался с привязи, манишка душила его, сюртук шокировал. Легко и радостно сбежал он по лестнице, выскочил на улицу и тут же, за углом, в магазине Жерве, с помощью мадам выбрал себе все самое лучшее, велел упаковать, дал адрес, расплатился и отправился в обратный путь.

Посыльный из магазина мчался следом, так что и ждатель-то пришлось недолго. Он ловко влез в белую шелковую сорочку, натянул клетчатые панталоны цвета беж, повязал черный галстук, надел коричневый сюртук из альпага, обшитый по бортам

коричневою же тесьмой, взбил бакенбарды, и ринулся к зеркалу, и застыл перед ним с бьющимся сердцем при виде чудесного красавца с немного исхудавшим, измученным лицом, с синими кругами под глазами, наблюдая, как он изящно отставил одну ногу, словно приготовился шагнуть, как руку слегка изогнул в локте...

Прискакал кузнечик в красном казакине, сгибаясь под тяжелым подносом. Круглый стол заполнялся всякой снедью. Глухо звякал фаянс, выпедали бокалы, рюмки, серебро. Пар клубился над судками, сотейниками, кастрюлечками, наполняя комнату туманом. Михаил Иванович погрузился в изучение снеди, в узнавание, приняховивался, раздражал себя пуще, пуще, а сам все подкрадывался ближе, ближе, пока не коснулся края стола, и тогда чинно, неторопливо уселся, повязал салфетку (а как же), и налил из пузатого графинчика в граненую рюмку, и, еще не успев выпить, почувствовал, что захмелел.

— Когда я жил в доме князя Долгорукова, — сказал он мальчику, — у нас без салфеток никто за стол не садился. — И выпил.

Грибки были ничего себе, есть можно. Редечка тоже. Хруп-хруп...

— А ты чего? — сказал он мальчику. — Садился бы тоже. Вот грибочки, се муа, какие...

Но мальчик исчез за дверью.

Шипов потянулся налить вторую, как вдруг явился сам хозяин и вручил ему синий конверт. Что-то неприятно заворошилось в груди у секретного агента. Но на сей раз он не стал раздумывать и вскрыл конверт. И снова маленькая четвертушка бумаги выпала ему на ладонь..

«Милостивый Государь,

Вы, надеюсь, все-таки в здравом уме, чтобы понимать, как неустойчиво Ваше положение. Мы знаем о Вас все, Вы раскрыты. Никакие ухищрения Вам не помогут. Покиньте наш город, покуда еще не поздно. Берегитесь.

Примите уверения...

Ваш недоброжелатель».

Тут страх юркнул Шипову в рукав, проскользил по руке, по спине, оставляя прохладный, влажный след, и замер где-то на шее, под воротом. Он снова перечитал короткое письмо. В дверь тихонечко постучали. Михаил Иванович вскочил, подбежал к двери, прислушался. Ничего не было слышно. Стук повторился, мягкий, дразнящий, едва слышимый... А что, как сам Шеншин? Кому же еще стучать так вкрадчиво, так упрямо?..

«Надо бы съездить в Ясную, — подумал Михаил Иванович, дрожа. — Посмотреть, как там, чего...»

И снова слышалось: тук-тук-тук-тук...

Подавив дрожь, он выглянул. Коридор был пуст.

«Какие еще недоброжелатели? — вспомнил он про письмо. — Я вас не трогаю, и вы меня не трожьте», — и запер дверь.

Затем затаив дыхание, на цыпочках воротился к столу. Поел куриную ножку. Выпил. Пододвинул тарелку со щами... Но есть не стал. Элегантный, благоухающий вином и духами, осторожно заскользил в следующую комнату, заглянул под диван, пошарил под креслом, немного успокоился, вдруг вспомнил, что есть еще комната, вошел. Широкая кровать под одеялом малинового шелка звала утонуть в ней, но он пренебрег ею. Пошарил и здесь — никого не было, да и не должно было быть, однако полковник Шеншин, вероятно, стоял где-то совсем близко, идол!

«Чего мне там, в Ясной-то, надо? — попытался вспомнить Михаил Иванович. — Чего? — И тут же вспомнил: — Да граф же Лев Толстой, Господи! А я-то... — Что-то влажное шевельнулось под воротником. — А чего Толстой-то, чего? Чего я ему?.. Чего я должен?..»

Он заскользил обратно в столовую, по пути глянул в окно. Улица была пустынна. Вечерело. Шипов снова налил рюмочку, выпил, повязал салфетку. Какая-то невидимая ниточка пролегла в сознании между графом и им, пролегла, натянулась и зазвенела. Ему стало душно, и он распахнул окно, и тотчас вместе с прохладой, с запахом дымка и свежей липы вплыла в комнату едва слышная знакомая мелодия:

...Зачем тебе алмазы и клятвы все мои?..

«Господи, хорошо-то как! — подумал Михаил Иванович. — Совсем антре».

В дверь снова постучали.

— Кто там еще?

Он опять подкрался к двери. Легкое дыхание из-за нее послышалось ему. Уж не Дася ли? Дася, Дарья Сергеевна, голубка, Дасичка... Лямур? Мур-мур-мур?.. И открыл дверь. Коридор был пустынен и тих.

— Эй! — крикнул он.

Появился мальчик в красном казакине.

— Ты чего? — спросил Шипов подозрительно.

— Ничего-с.

— А кто стучал?

— Никого не было-с, ваше благородие.

Щи уже остыли, уже не было в них прежней прелести. Белая пленочка застывшего жира напоминала осеннюю корочку льда на тихом пруду где-нибудь в Веденееве, Чапчикове или в Ясной, у самой барской усадьбы, которая еще недавно отражалась в этом пруду, а теперь вот — лед.

...В полку небесном ждут меня.

Господь с тобой, не спи!..

«А я и не сплю, — засмеялся Шипов и похрустел ассигнациями. — А кабы не граф Лев Николаевич, не видать бы этого богатства...»

Он налил рюмочку и с умилением выпил за графа.

Вошел Севастьянов:

— Может, чего надо?

— Ничего не надо, — сказал Шипов расслабленно. — Не побрезгуйте, любезный...

Хозяин присел, удивляясь одинокому барину.

— А что, — спросил Михаил Иванович, — граф Толстой Лев Николаевич у тебя живал?

— А как же-с, — сказал Севастьянов, — непременно-с. Как в Тулу приезжают, за-всегда у меня-с...

«Ах, — подумал Шипов, снова умиляясь, — совсем аншанте...»

— Ну, и что он? Как он?

— Нумер, значит, у них, — сказал хозяин, — завсегда поменее вашего, в одну комнату-с.

— О? — удивился Михаил Иванович. — Подумать только!

— Человек он молодой, обходительный, одеваются просто...

— Ах ты Господи...
— У них и имение тут недалеко-с, Ясная Поляна, дедушки ихнего-с...
— Это мое имение, — вдруг сказал Шипов, — вот так-то, брат.
— Как же-с, — засмеялся Севастьянов, — они там живут, я знаю.
— Они живут, а имение мое. Я и доход с него получаю...
— Попролам, что ли? — удивился хозяин.
— Да, — сказал Шипов. — Ваше здоровье...
«Эх, Матреша, — подумал он, — поглядела бы ты на меня!..»
Севастьянова уже не было. Жизнь продолжалась.

И вдруг нестерпимое, как огонь, желание увидеть Дасю овладело Шиповым. Увидеть, повиниться, похрустеть ассигнациями. Голова была легка, никаких тревог уже не было — одна надежда на успех, одно упование.

И вот он бежал, вытянув шею, в коричневом сюртуке и в цилиндре, а вровень с ним по мостовой катила извозчичья пролетка, и громадный, чернобородый, розовогубый извозчик приглашал и приглашал прокатиться:

— Барин, а барин, садись — подвезу.

Но Шипов бежал, не обращая внимания на экипаж.

Вот и дом, вот и крыльцо, и дверь. Настасья отворила и не узнала. Он отпихнул ее плечом; не снимая цилиндра, ринулся в кружевную гостиную, стараясь не потерять, не позабыть каких-то никому не известных доселе слов, витиеватых построений, вдохновенной высокопарности раскаявшегося и жаждущего прощения. Он знал, с чего начнет, но прежде... этот элегантный господин в клетчатых панталонах цвета беж, в коричневом сюртуке, обшитом по бортам шелковой тесьмой, в цилиндре, сверкающем и переливающимся, подобно нимбу, бросится на колени и поползет к ее ногам с видом паломника перед гробом Господним.

«Дарья Сергеевна, вот он я! Голубушка, бонжур! Я озолочен и вас хочу озолотить на всю жизнь... Вы подумайте, сетребьен, как можно этим распорядиться! Лямур?.. Ручку, ручку, пожалуйста-с...»

Она вскрикнет, отступит на шаг, закроет на мгновение голубые глазки: «Ах!» Белая ручка упадет невзначай на широкое, коричневого альпага плечо...

«Ночей не спал, изголодался... Великий пост у меня был, Дасичка, перепелочка, о тебе молился, вымолил вот... Тысяча рублей!»

Она зарыдает, запрокинет головку, выставив, слабея, белую шейку.

«У меня имение здесь неподалеку, да, да, рядом совсем... Да не плачь ты, не плачь, не реви, консоме, вот, ей Богу! Ну чего ты? Али я тебе не люб?»

«Люб, люб... Иди сюда, дурачок. Встань с пола, не пачкай новых панталон, дурачок, мужлан, чудовище. Настасья, пошла прочь... Ах, ты мне все платье измял, сумасшедший...»

Он влетел в кружевную гостиную и остановился. Она стояла перед ним, вскинув брови, приоткрыв ротик, готовая крикнуть. От него исходило сияние, слепило. Она прикрыла глаза.

Вот и стол, приготовленный к вечерней трапезе, и самовар гудит, и ватрушки золотисты, как праздник... А вот я тебе еще чашечку, еще ватрушечку... Ах, что-то я нынче пермете, переел... Ну, тогда спать пора... Спать? Хе-хе-хе... Ну, так чего же, спать так спать, хе-хе...

Все забыто, все прощено, все кануло. В мире нет ничего, кроме ликования двоих. Я бросаю к твоим ногам свою честь, имение, тысячу рублей ассигнациями... Сколько нам еще осталось жить на этом свете? Пустяки...

Господин в коричневом сюртуке полез за пазуху за ассигнациями, чтобы развеять их по кружевной гостиной.

«Ну? Что? Каково? Сроду таких денег в руках не держал... Мезальянс. Когда я жил в доме князя... Еще одну пару мне купим: сюртук черный, панталоны в полоску. Тебе накидочку из соболя али еще чего... Чего сама хочешь? Ну, чего?..»

— Настасья, — позвала она едва слышно.

«Гости приедут... Милости просим, милости прошу. Бонжур, мадам... Усаживайтесь, пейте-ешьте, сейчас граф приедут, Лев Николаевич — мой, пуркуа, троюродный братец...»

— Да Настасья же! — позвала она громче.

— Дасичка, — сказал он, задыхаясь, — не пужайся, это ж я.

— Вон! — указала она на дверь. — Вон из моего дома!

Перебирая ватными ногами, он покинул кружевную гостиную и очутился на крыльце.

Он брел по вечерней Туле, а за ним, и перед ним, и вокруг него звенело, переливалось то печально, то будто бы даже насмешливо:

...В полку небесном ждут меня.
Господь с тобой, не спи...

И чернобородый извозчик катил следом медленно и упрямо и время от времени повторял свои призывы:

— Барин, прокатимся?.. Милости прошу, ваше благородие... Лошадку не обижайте...

В ресторации Шипов сидел, не снимая цилиндра, не замечая присутствующих, пил, пил, пил, и когда почувствовал, что находится совсем в другом мире, а вдова далека и придумана, твердой походкой направился к гостинице.

Круглый стол уже был чист от посуды. Мальчик в красном казакине стоял в дверях — если что прикажут.

Господин в сюртуке из альпага с помятыми бакенбардами тускло маячил в зеркале.

...Зачем тебе алмазы и клятвы все мои?..

На круглом столе, на самом виду, лежал синий конверт. Уже не заботясь о своей судьбе, покорно и вяло Шипов извлек из него записку.

«Милостивый Государь, да Вы еще в Туле?! А ведь завтра уже будет поздно!..
С почтением».

— Я вас не трогаю, и вы меня не трожьте! — крикнул Шипов, и тотчас мальчик в красном казакине исчез за дверью. — Эй! — крикнул секретный агент, трезвея и наполняясь страхом, но никто не явился на зов.

Тем временем чернобородый извозчик соскочил с козел у своего дома и скрылся в нем.

Через десять минут Николай Серафимович Муратов в халате и феске вошел в свой кабинет и пристроился у стола. Перо приплясывало в его пальцах, по выпуклому лбу прокатывались волны, розовые губы смеялись.

ВЕСЬМА СЕКРЕТНО

От Штаб-Офицера
Корпуса Жандармов, находящегося в Тульской губернии,
г. Тула

Управляющему III Отделением Собственной
Его Императорского Величества Канцелярии,
Свиты Его Величества, Господину
Генерал-Маиору и Кавалеру Потапову

Галицкий Почетный Гражданин Михайло Иванович Зимин, прибыв в г. Тулу 17-го минувшего Февраля с Тамбовским мещанином Гирсом, распустил слухи, что он агент Правительства и что ему поручены важные секретные дела.

Как установлено, Г. Зимин имеет свидетельство, выданное ему Приставом Московской полиции Городской части г. Шляхтиным за № 101 сроком на два месяца. У Господина Гирса — паспорт, выданный ему из Тамбовской Градской Думы.

Господин Зимин все время пребывания своего в Туле вел разгульную, нетрезвую жизнь, посещая трактиры низшего разряда, и наконец дошел до такой крайности, что оскорбил беззащитную почтенную женщину, вдову капитана Каспарича, за что и был изгнан ею из ее дома.

Между тем Зимин болтливостью своею обнаружил секретное поручение, данное ему будто бы Правительством следить за действиями Графа Льва Толстого и за лицами, живущими у него в имении в с. «Ясная Поляна».

Узнав об этом, я пригласил к себе Г. Гирса, который подтвердил все, относящееся до Г. Зимина, и прибавил, что Господин Зимин обещал ему дать шесть тысяч рублей серебром, если он откроет что-нибудь о Графе Толстом. Но во все это время

ни Г. Гирос, ни тем паче Г. Зимин ни разу в «Ясной Поляне» не бывали и не открыли ровно ничего.

Об этом обстоятельстве я лично сообщил Господину Начальнику Тульской губернии, который вполне разделяет мое мнение, что Г. Зимин (если ему и дано было какое поручение) болтливостью своею много повредил к узнанию истины и действию лиц, живущих в имении Графа Толстого, за которыми ему, быть может, поручено было следить.

Господин Гирос в настоящее время исчез в неизвестном направлении, а Господин Зимин, обзаведясь деньгами, продолжает предаваться разврату и разгулу.

О чем долгом считается почтительнейше донести Вашему Превосходительству.

Полковник Муратов

Николай Серафимович так был доволен всем происходящим, что его несколько не удручало исчезновение Гироса. Две безумные ночи, проведенные в доме вдовы в образе старухи, вдохновляли на новые подвиги, тем более что дело наконец сдвинулось с мертвой точки. Во-первых, как важны были, решительность и сноровка, как ворвался он бурей в это уютное гнездо, волею негодяев готовое было превратиться в логово разврата и преступления, как эта буря во мгновение ока выкорчевала дурные корни и вдохнула свежего воздуха. Во-вторых, неоднократные намеки и искры любви, источаемые полковником, попали в цель, и вдова уже была готова принести себя в жертву. Да, едва с ее глаз спала пелена, едва рассеялся зловещий туман, она вдруг увидела, в каком ужасе прежде находилась, и потому, едва он протянул руку, она тотчас за нее ухватилась, сжала своими признательными белыми ладонями и поклялась себе самой никогда уж не выпускать.

Полковник представлял себе вытянутое, напряженное лицо галицкого почетного гражданина, зеленые глаза, полные страдания и даже страха, и розовые его губы растягивались в удовлетворенной улыбке.

Он кликнул экономку, вручил ей три конверта: один громадный, белый, под сургучными печатями, адресованный в Петербург, другой поменьше, синего цвета, для господина Зимина, и третий, совсем маленький, розовый, для вдовы капитана Каспарича, — и экономка исчезла, распространяя благоухание недорогих духов.

«Каков негодяй, — думал полковник, посмеиваясь, — присосался, прилепился, прикоснулся грязными лапами к женщине. Она существо слабое, может и не выдержать».

...Бежали дни. Гирос все спал на жестких ночлежных нарах, укрывшись душным тряпьем, под гомон и топот ног, розовея, округляясь и не подозревая, что происходит в Божьем мире, как вдруг будто какая сила подтолкнула его и он проснулся.

В новой фуражке сливочного цвета, округлившийся, с заплывшими глазами, вперив длинный нос в пространство, он сразу же как-то догадался, где может находиться в эту минуту Шипов, и, проспав почти двадцать дней, покинул гостеприимную ночлежку, чтобы продолжать жить, надеяться и избегать опасностей. Сливочная фуражка недолго маячила среди майского тульского люда, бредущего по своим делам; скоро ее обладатель вошел в гостиницу и, никого ни о чем не спрашивая, направился прямо к белой двери трехкомнатного номера.

В первой комнате увидел он круглый стол, загроможденный всякой снедью и бутылками. Ни слова не говоря, Гирос присел к нему поближе и запустил длинные пальцы во что-то румяное и еще теплое — то ли в курочку, то ли в поросенка... Он ел неторопливо, но плотно, с хорошо нагулянным аппетитом, запивал шампанским и рейнским, утирался крахмальной салфеткой, распуская пояс на панталонах.

нах, чтобы легче было дышать, и придвигал, придвигал очередные блюда, благо их было много.

Жизнь снова казалась прекрасной, и только давний расплывчатый сон о встрече с полковником слегка отравлял ее.

И вот уже есть стало невозможно, желудок был набит до отказа, и тогда где-то вдалеке послышались осторожные шаги и перед Гирсом возник некто в изрядно помятом сюртуке из коричневого альпага и клетчатых панталонах неопределенного цвета — настолько они были грязны. На изможденном лице человека лихорадочно блестели зеленые глаза.

— Амадеюшка! — воскликнул человек, и Гирс вспомнил его.

Они обнялись, как старые друзья. Когда закончились первые приветствия и первые рассказы о том о сем, Шипов сказал:

— Ну, брат, за мной охота идет — беда. Я уж пять ночей не сплю — жду. Ты теперь покарауль малость, а я, компрене, посплю... Я уж и двери закрывать перестал: пуцай, думаю, входят. Устал я.

— Мишель, я не узнаю тебя! — захохотал Гирс. — Ты богат, знатен... Да плюнь ты на все... Езжай в Москву, в Ревель, в Тамбов, куда-нибудь... Ну? Дай мне денег, Мишель. Псу тоже нужно косточку... Кинь мне косточку...

— Ах, Амадеюшка, — вздохнул Шипов осторожно, — а уеду я — кто же будет за именем-то присматривать? Видит Бог, глаз нужен. Левушка-то твой того и гляди все к рукам приберет. — И засмеялся внезапно. — Дурачок ты, лямур-тужур, итальянец... Я же с имения доход получаю. Аншанте?.. Эх ты...

— Кинь мне косточку, Мишель...

И тут на протянутую ладонь Гирса слетели вдруг, как два кленовых листа, два четвертных билета.

— Грибной дождичек в четверг, — обрадовался Гирс. — А ну, Мишель, еще одну!

— Нет, — сказал Шипов строго, — будя. Поистратился я, мон шер. Обойдешься.

— А ведь и верно, — захохотал Гирс, — обойдусь. Мне ведь ничего не стоит. Меня ведь только допусти, пса, я за глотку возьму... Да ты не стесняйся, Мишель, пинай меня, чорта!

Мальчик в красном казакине подал синий конверт и вышел. Компаньоны прочли:

«Милостивый Государь, терпение мое истоцилось. Все.

Недоброжелатель».

Шипов побледнел, усмехнулся.

— Это граф твой, прощельга твой, старается, — сказал он, — я-то знаю, се муа. Не хочет делиться. Бить будет?

— Мишель, — сказал Гирс, — плюнь ты на них... Уезжай отсюда. — И потянулся к еде.

Шипов дрожащей рукой налил себе водочки, выпил.

— Ты гляди не уходи никуда, — сказал он Гиросу. — Вместе будем отбиваться... — И заглянул в глаза компаньону, но там, в карих кружочках, гуляли тоска и холод. — Ты чего? — спросил Михаил Иванович. — Ты чего, аи уйти хочешь? Уйти хочешь, меня одного бросить? — И ему захотелось ударить компаньона по длинному пунцовому носу. — Куда же ты пойдешь, куда, мезальянс ты этакий!..

Гирс медленно попятился, заслоняясь обеими руками.

— Ну, куда?

Он продолжал пятиться. Вдруг с улицы грянуло:

Зачем тебе алмазы и клятвы все мои?..

— А ведь деньги-то взял, — сказал Шипов. — Эх ты...

— Взял, — сказал Гирос шепотом. Он продолжал пялиться, а сам глядел куда-то мимо Шипова, перебирал бесчувственными губами — то ли жевал, то ли говорил что — и пялился, и наконец распахнул дверь, и вышел.

— Амадеюшка! — крикнул Шипов, но все было напрасно. — Эй! — снова крикнул он, но звук его голоса беспомощно растаял в коридоре. — Эгей! — В соседнем номере распахнулась дверь, и показалась испуганная дама в кружевном чепце. — Эй, кто тут есть?!

Хлопнула другая дверь, появился хозяин Севастьянов.

— Вы чего это, батюшка Михаил Иванович? Чего изволите, сударь?

— Посиди со мной, — попросил Шипов.

— Как же-с?

— А вот так же-с... Выпей-ка вот.

Они уселись в кресла. Шипов выпил рюмочку. Севастьянов отказался.

— Руки у вас дрожат, — сказал он.

...В полку небесном ждут меня.

Господь с тобой, не спи...

— Слышал? — спросил Шипов хрипло. Но Севастьянов ничего не слышал.

— Вы бы цилиндр сняли, — сказал он, — голове-то полегче-с.

— Полегче-с, — засмеялся Михаил Иванович. — А вино пропадает. Выпей, ну, выпей...

— Вы бы гостей позвали, — сказал хозяин, — погуляли бы с людьми-с...

Шипов снял цилиндр, швырнул его в угол, взбил бакенбарды.

— А ведь верно, вузаве, — обрадовался он. — А эти, что грозятся, пушай их, верно?.. «В полку небесном ждут меня...»

— В самом деле, — сказал хозяин, — ждут-с.

— Я вас не трогаю, и вы меня не трожьте, зерно?.. Зови гостей, зови гостей, се муа, мон шер!

Наверное, ни в одном номере не осталось ни души, так притягательны были трехкомнатные апартаменты утомленного красавца в коричневом сюртуке из альпага. И едва лишь прозвучал клич, как все тотчас ответили согласием и начали наряжаться. «Господин Зимин просят пожаловать на именины-с». Так приглашал всех Севастьянов, и все отправились.

Через час комната была полна. Гости сидели вокруг стола, на диванах, в креслах, два молодых человека пристроились на подоконнике, поставив меж собой тарелку с сыром и бутылку шампанского. Окна были распахнуты, майская прохлада лилась с улицы. Шипов командовал поначалу, а после само пошло. Какие-то немолодые дамы сидели по правую от него руку, слева — громадный поп в серой рясе, с седеющей бородой, с розовыми губами.

Было очень по-домашнему, просто, сердечно и мило, поэтому никто не чинился, и каждый сам хватал еду и сам наливал, что хотел, и пил, а легкая застольная беседа скрашивала досуг. Все перезнакомились, даже завязали отношения, а один из двух молодых людей очень активно переговаривался с единственной в этой компании прелестной барышней, и там, видимо, что-то такое уже намечалось.

Мальчик в красном казакине сбился с ног, унося объедки и расставляя новые блюда, откупоривая новые бутылки.

Шипов. Когда я жил в доме князя Долгорукова...

Михаловский. Да что вы врете-то? Не ввали бы...

Шипов. Ну и ну...

Дама (*Михаловскому*). Успокойтесь. Не грубите. Что это с вами?

Михаловский. А чего он врет? Кто он такой, что врет? Почему я должен выслушивать?

Шипов. Ну и ну...

Дама. Это сам именинник.

Михаловский. Пардон... Так рассказывайте, что там такое было, у князя?

Шипов. Ну и ну...

Поп. А что, любезный Михайло Иваныч, нравится вам быть на людях? Вон сколько вы назвали. Нравится?

Шипов. Нравится, батюшка. У меня нынче сильное мандраже, се муа... Что-то я последние дни хвораю. А с людьми веселей.

Поп. Говорят, у вас имение недалеко?

Шипов. Да, Ясная Поляна. Слыхали? Хорошее сельцо.

Поп. Чего же вы сами там не живете? А там ведь граф Толстой обитает... Не родственник ли?

Шипов. Вестимо. Двоюродный брат. Я по материнской линии из Толстых... Эй! Пей-гуляй! Зимин денег не жалеет!

Дама (*соседу*). Фу, как он кричит в самое ухо! Как извозчик!

Сосед. Положить вам клубнички?

Дама. Мерси. Я еще холодную телятину хочу попробовать....

Шипов. Пей-гуляй! Мы вас не трогаем, и вы нас не трожьте!

Сосед. Ура!

Барышня (молодому человеку). Не скрою, вы мне тоже симпатичны.

Молодой человек. Я счастлив!

Барышня. В самом деле? Отчего же вы так робки все эти дни? Пригласили бы меня на прогулку или еще что-нибудь...

Молодой человек. Что что-нибудь?

Барышня. Перестаньте...

Молодой человек. Нет уж, вы договаривайте: что что-нибудь? Что-нибудь — это что, это материальное или духовное?

Барышня. Ну, пошла философия...

Поп (Шипову). Да вы сами-то чего не пьете? Ну-ка.

Шипов. Мерси. Пущай другие тоже пьют.

Поп (смеется). Пущай, пущай... А что это вы такой бледный?

Шипов. Устал я... Хлопот много. Имение ведь... Хе-хе!

Поп. Ха-ха!.. А что у князя, как вы там жили? Это ведь интересно, любезный. Ну-ка, расскажите, расскажите...

Михаловский. Теперь я перехожу на шампанское, господа.

Сосед (даме). Да мое имение ведь граничит с Ясной, в самом деле...

Дама. Ну и что он?

Сосед. С графом мы не кланяемся... Вздорный человек.

Молодой человек. Он ваш сосед? Говорят, книжки сочиняет?

Сосед. Сочиняет, вот именно. (*Даме.*) А вам нравятся его сочинения?

Дама. Мне нравится Тургенев, у него есть основное направление, а у графа Толстого нет основного направления... Вы читали у него про войну? Меня, например, тошнит...

Сосед. Что вы разумеете под направлением? Он перессорил меня с моими крестьянами, вот что я вам скажу...

Дама. Нет, в самом деле, вам нравится у него про войну?

Молодой человек (барышне). У нас, например, его терпеть не могут... А вы?

Барышня. Я об этом не думала... (*Шепотом.*) Ах, да перестаньте же...

Михаловский. Ничего, ничего, он свое получит...

«Нехорошо, — подумал Шипов, — чего это они Левушку-то обижают?»

Молодой человек (барышне). А если что случится?

Барышня. Да что же может случиться?

Молодой человек. Ну, мы с вами, к примеру, останемся наедине...

Барышня. И что же? И что же?

Молодой человек. Господи, а вы не знаете, что бывает, когда двое страстных молодых людей остаются предоставленные самим себе? Не знаете?

Барышня. Догадываюсь.

Молодой человек. Ага! Догадываетесь... И не боитесь?

Барышня. Чего же?

Молодой человек. Ну, знаете... А разговоры о бесчестье? А слезы родителей? А проклятья?

Барышня (долго смеется). Сударь, сударь, я была замужем... Ха-ха! А вы считали, что я... ха-ха-ха...

Молодой человек. Ах, вот как... А я считал...

Поп (Шипову). Покайтесь, батюшка, покайтесь. Растворитесь...

Шипов. Ну, будя, отец Николай, будя... Эй! Чего приуныли?

Дама. Фу, как он кричит!

— Господа! — вдруг крикнул Михаловский, и с губ его полетели крошки. — Граф, положим, человек ничего себе... Но у него есть воззрения, свои собственные мнения. Конечно, и у меня есть свои взгляды, но эти взгляды вот какие: исполняй свой долг. А он еще до реформы давал своим крестьянам вольности, не задумываясь, в какое положение он ставит всех нас... Нас с вами, господа... Верно ведь? — обратился он к Шипову.

— Те-те-те-те, — сказал Шипов. — Бонжур.

— Теперь, — продолжал Михаловский, — он устроил у себя школу на свои деньги. Помилуйте: школу для крестьянских детей! И сам — в качестве учителя! Граф — учитель? И после этого он требует к себе уважения, которое ему подобает как графу, помещику и бывшему офицеру! Ну, я стараюсь с ним в обществе не встречаться — я весь в негодовании. Да и о чем с ним беседовать? Он доказывает, что отмена крепостного права — закон природы!.. Погоди, как бы тебя самого не двинули! Ха-ха-ха-ха! Как бы не двинули по-нашему!..

— Будя! — сказал Михаил Иванович. — Это же сетребьен получается. Чего вы его честите?.. Ты вот, ты... Ну?

— Пардон, — сказал Михаловский, утирая губы салфеткой, — пардон.

Все затихли.

— Пей-гуляй, — сказал Шипов, грустя и сникая, — пей-гуляй...

Постепенно стало темно от спустившегося вечера, и кто-то крикнул зажечь свечи. Начали все это проделывать сами, спотыкаясь, и падая, и все опрокидывая, пока все тот же вездесущий мальчик не дотянулся до каждого канделябра, до каждого подсвечника. И словно из бывшего, словно со дна безумной чьей-то памяти, всплыли и проявились забытые медные лица. Колеблющиеся, неверные, ускользящие, они то пропадали, то возникали вновь.

Голоса стали тише, приглушеннее, шутки откровеннее, неприязнь звонче. Но едва желтое пламя свечей заявило свои права, как перед Михаилом Ивановичем оказался большой синий конверт. Шипов вскрикнул едва слышно. Но все были увлечены беседой и потому никому до него не было никакого дела.. Он привычно вскрыл

конверт, чувствуя, что трезвеет и вновь начинает мелко подрагивать. В конверте, как всегда, была четвертушка бумаги, но на сей раз она была пуста.

— Ууууу, — тихонечко завыл секретный агент, — беда какая!

— Хорошо, когда люди кругом, — сказал Севастьянов, почему-то оказавшийся рядом с Михаилом Ивановичем. — А как одному-то остаться? Не дай Господь-с...

Поп (шепотом). Видно, письма ужасные у вас...

Шипов. Пугают.

Поп. Вон вы дрожите весь.

Севастьянов. Задрожешь тут... У меня и то голова гудит-с...

Поп. Одного не понимаю — вы с вашими-то деньгами могли бы в Америку, например, съездить, а вы тут, в Туле, сидите.

Шипов. Да ведь у меня имение... Должон я доход собирать? Я ведь, лямур-тужур, не могу от дохода отказываться.

Поп. Парле ву франсе?

Шипов. Ах ты, ей Богу... Да зачем уж так-то, отец?.. Обидеть меня желаете?..

Севастьянов. Конвертик-то синий. Придумают же.

Шипов (слабым голосом). Пей-гуляй... Зимин за всех платит... (*Попу*.) У меня же имение. За ним глаз нужен.

Севастьянов. Жизнь — она дороже-с.

Шипов. Какая еще жизнь?

Севастьянов. Ваша-с. Они в конверте могут и отраву прислать. Все могут-с.

Шипов. Не могу я имение бросить...

«Чего мне в Ясной-то надо? — снова подумал он. — Чего? Чего? Ну, я съезжу туда, а чего я? Чего мне там?.. — И вспомнил: — Ах, да граф же там, граф! А я-то думаю: чего? Граф Толстой... А чего граф? Я должен ему чего али он мне?.. Итальянца нет, чорта, прощелыги, а то бы он сказал. Он знает...»

Поп. Что-то неприятное есть в этом номере, не правда ли? Гляньте-ка, как комнаты расположены: одна, потом другая, а потом и еще одна... Вы велите и в тех комнатах свет зажечь, велите.

Шипов. Я вас не трогаю, и вы меня не трожьте.

Севастьянов. А прошлым летом здесь одну молодую даму убили-с...

Поп. Фу, страсти какие! А вам разве приятно, Михайло Иваныч, такое слышать?

Шипов. Мы вас не трогаем, и вы нас не трожьте.

Севастьянов. Какие же это страсти? Сама жизнь. Покуда здесь купцы гуляли, ее в той комнате, во-он в той, подушкой накрыли — и все.

Молодой человек (барышне). Я, наверное, влюблен в вас. Со мною чорт знает что происходит...

Барышня. А вы не боитесь, что кто-нибудь увидит?

Молодой человек. Что увидит?

Барышня (шепотом). Вашу руку... Милостивый государь, уберите руку! Вы не смеете...

Молодой человек. Ну вот, ей Богу...

Севастьянов (даме). Вам клубнички-с?

Михаловский. А кто он такой? Что ему надо?

Дама. Да это же хозяин гостиницы.

Михаловский. Пардон...

Севастьянов. Это ничего-с. Может, еще чего хотите?

Дама. Мерси. Я хочу вон от того гуся немного.

Пустое письмо повергло Шипова в полный трепет. В зыбком пламени свечей мерещились всякие страсти. Он был почти совсем трезв, но слабость сковала его, а грузный поп и Севастьянов сидели так плотно, что не хватало воздуха. А праздник продол-

жался. Кто-то выходил, появлялись какие-то новые, незнакомые люди, их угловатые тени метались по стенам, длинные руки тянулись к блюдам, слышались чавканье, сопенье, смех. Дверь уже вовсе не запиралась. И Шипову вдруг захотелось подпрыгнуть, вырваться из этого душного, цепкого круга, выскочить в окно и лететь выше, выше, выше... Он приник щекой к горячему плечу отца Николая и тихо сказал:

— Батюшка, куды же выше-то? Тама — небеса одни... На круглом лице отца Николая играли тени, и нельзя было понять, смеется он или плачет, жалея Шипова. Сквозь серебряную бороду поблескивали влажные губы, два маленьких темных внимательных зрачка будто бы сострадали.

— А вы сходите, Михаил Иванович, в ту комнату, — сказал Севастьянов шепотом, — во-он в ту, и сами увиди-те-с...

— Зачем? — испугался Шипов. — Зачем это мне туда ходить?

— Ежели не верите...

— Вроде бы там и сейчас кто-то есть, — сказал поп.

— Эх, — вздохнул Севастьянов, — продам все — и в Москву...

«Верно, — подумал Шипов, — и я в Москву! Вот радость... Пушай они тут сами, без меня...»

Тут он приподнялся, заработал локтями, начал выбираться из душного круга.

— Позволь, позволь... Да позволь, се муа!.. Да подвинься...

— Куда это вы? — засмеялся поп. — Уж не в Москву ли собрались?

— В Москву, в Москву, — твердил Шипов, выбираясь. — Я вас не трогаю, и вы меня не трожьте... В Москву...

Он лез через стулья, через кресла, наступал на чьи-то ноги, отбивался от чьих-то рук, пытавшихся его удержать. Ему казалось: еще шаг — и Москва откроется перед ним, и все несчастья кончатся. Он видел перед собой широкую, теплую, мягкую Матренину постель и торопился, карабкался — скорей-скорей под пестрое одеяло, обо всем позабыть...

...Очнулся Михаил Иванович в незнакомой каморке со сводчатым потолком. Он лежал на жесткой койке. Прекрасный его костюм, вычищенный и отутюженный, аккуратно висел рядом на спинке стула. В окно было видно, что майское утро в разгаре. Голова болела. Воспоминаний не было. Возле стояли Севастьянов и мальчик в красном казакине. У Севастьянова было суровое, непроницаемое лицо, будто маска.

— В Москву собрались? — спросил он без интереса.

— Ага, — вспомнил Шипов, — в Москву, Матрена там у меня.

— Надо бы рассчитаться, — сказал Севастьянов и протянул счет.

Шипов схватил бумажку, вспомнил про ассигнации и чуть было не закричал, но едва прикоснулся к сюртуку, они захрустели успокоительно. От сердца отлегло. Скомканые бумажки посыпались на койку. Шипов засмеялся.

— Лямур?.. — И принялся считать.

Но сколько он ни считал, как ни пересчитывал, не хватало сорока рублей.

— Не знаю-с, — сказал хозяин и отворотился, — сами гуляли-с...

Шипов засуетился, вновь расправил все бумажки, разгладил их, отогнул загнутые уголки, но денег не прибавлялось.

— Может, я из Москвы пришлю?

— Не знаю-с, — сказал Севастьянов, — нам это ни к чему-с. Извольте платить.

— Может, гарнитуром не побрезгуете? — спросил Шипов, кивая на панталоны цвета беж и коричневый сюртук из альпага, обшитый по бортам шелковой тесьмой.

— Ладно, — вздохнул хозяин, — посчитаем-с.

— Цилиндр там, в номере...

— Посчитаем-с. — И приказал мальчику в красном казакине. — А ну, слетай живо...

Мальчик улетел.

— Больше ничего нет, — сказал Шипов.

— Ой ли?

— Пальто гороховое?

— Пойдет-с...

— Ну, будя?

— В расчете-с...

И вот Михаил Иванович облачился в старую свою одежду и пошел к выходу. Хозяин проводил его до дверей и на прощанье сунул ему в руку полтинник.

— Мерси, — сказал Шипов и побрел в сторону Москвы.

(Из письма генерала Потапова — генералу Тучкову)

...сохранять полное спокойствие. Ничего еще не известно с достоверностью. Полковник Муратов — фигура увлекающаяся, я его хорошо знаю. Теперь не время для вздохов и восклицаний. Не могу вспомнить, Милостивый Государь, как родилась идея с этим агентом. С несомненностью помню, что выдвинули его у вас, в Москве, расхвалили, приукрасили, вознесли. Кто он такой? Откуда? Почему надо было ему доверять столь важное дело?

Было бы очень кстати установить, кто непосредственно этим распорядился. Ведь Вы только представьте: мы и в дальнейшем будем пользоваться подобными сомнительными рекомендациями, и это будет повергать нас в постоянные неудачи.

В конце концов, я не вижу ничего предосудительного в главном направлении наших стараний, хотя сознаюсь, что избранный нами метод оказался слабым и даже вредным.

Я рассуждаю так: ежели, предположим, Полковник Муратов по каким-то личным соображениям вводит нас в заблуждение, то, стало быть, эта каналья М. Зимин все-таки провел работу, во всяком случае, устроил типографию. (Вы мне писали об этом.) То, что он пьянствовал, это еще ни об чем не говорит... Важен ведь результат, не так ли?..

Отлично помню, что я был против его кандидатуры.

Серьезное дело политического сыска нельзя поручать безвестным пьяницам: агентам, не прошедшим специальной подготовки, не имеющим большого опыта...

(Долгоруков — Потапову)

...Кто такой этот Зимин? Мне эта фамилия неизвестна. Неужели нельзя было проследить, чтобы это весьма щепетильное дело было поручено агенту понадежнее? Установите, кто непосредственно ведал всем этим в Москве.

С ужасом представляю лицо Государя, когда он узнает об этом скандале!..

(Тучков — графу Крейцу)

...Вот вам, пожалуйста, Милостивый Государь Генрих Киприянович, какое ужасное происшествие! А я ведь чувствовал это, когда это чудовище с манерами лакея появилось в моем кабинете. Я уже тогда знал, как оно все будет. Я предупреждал Генерала Потапова, предупреждал Вас, но меня не послушались.

Генералу Потапову угодно теперь все переверотить наизнанку и представить дело таким образом, что, мол, Петербург к назначению этого чудовища не имеет отношения. Это неслыханно! Князь Долгоруков сам одобрил эту кандидатуру по причинам,

всем нам хорошо известным, а именно потому, что это чудовище — из его дворовых людей.

Вот и представьте себе, что же нынче: Граф Толстой оболган, и мы подставили его под удар. Слава Богу, что не дошло до действий. Ведь могло бы случиться самое ужасное.

Вот что получается, когда люди начинают стараться ради себя, а не ради Государя и Отечества.

(Из письма Л. Толстого — Т. А. Ергольской)

...Я нынче еду из Москвы, сам не знаю куда — в Бугуруслан или в Елтон, решу в Самаре... Мальчики здоровы, Москва нам не нравится. По журналу слава Богу. Целую ваши руки...

(Тучков — Шеншину)

...и в течение полугода Вы, Ваше Высокоблагородие, не могли распознать сего недоразумения, а аккуратно докладывали мне весь этот вздор да еще отправляли деньги этому чудовищу неизвестно на что...

(Крейц — Тучкову)

Кто конкретно предложил эту кандидатуру, теперь установить трудно, почти невозможно, и единственное, что я позволю себе утверждать, что решение это созрело не в моем ведомстве...

(Крейц — Неизвестному)

...Мы можем быть спокойны. Это III Отделение перемудрило по своему обыкновению. Они имеют обыкновение входить в раж, когда представляется возможность схватить одного-другого злоумышленника или даже невинного, лишь бы доказать свою деятельность. О средствах они не беспокоятся. Вот отчего сие и получилось.

Что же касается нас, Полиции, то, предоставь они это дело нам, мы бы повели его совсем иначе, и был бы успех.

Конечно, ежели это все обман с Графом Толстым, то не исключено, что опасения все-таки не напрасны, ведь вы подумайте, Ваше Превосходительство, все безумные идеи, все возмутительные прожекты рождаются не в головах простого народа, а в головах именно просвещенной части общества. А Граф Толстой к тому же и пишет, говорят. Так почему же ему и не проповедовать в письменной форме различные нигилистические мнения? Ему и карты в руки. Так что, думаю, нет дыма без огня...

(Тучков — Потапову)

...ибо это более чем странно. Тула не входит во вверенный мне район, и я участвовал во всей этой истории на правах, так сказать, наблюдателя и помощника. Теперь же, после установления мерзкой деятельности агента, направленного в Тулу

Вами, я становлюсь по чьей-то воле чуть ли не главным действующим лицом! А ведь я, Александр Львович, неоднократно выражал сомнения относительно личности этого чудовища и даже слышал упреки в свой адрес по поводу моей мнимой нерешительности.

Теперь же дело оборачивается так, что будто бы это именно я придумал кандидатуру этого М. Зимина...

(Жандармский полковник Воейков — Муратову)

...Что же ты натворил, брат? Теперь тут целая буря, и конца ей не видно. Представляю, что делается в Петербурге, если у нас — полная вакханалия.

В дело это нынче втянуты все, все до него причастны, кроме, пожалуй, меня да еще кой-кого, хотя теперь уж и не поймешь, кто причастен, а кто нет.

Как же тебе удалось уследить за этой образиной? Вот еще чудо девятнадцатого века! Я в тебе никогда не сомневался, как ты, надеюсь, помнишь, и рад, что ты смог утвердить себя, несмотря на всяческие козни высших чинов. Пусть знают, что мы тоже не лыком шиты и у нас за спиной — Крымская.

Однако, Николай Серафимович, милейший, должен тебе признаться, что все-таки, не надеюсь на полный твой успех, ибо ты есть разоблачитель, разоблачитель зла, но разоблачитель такого рода, который поставил под сомнение предназначения наших «богов», а они сего страсть как не любят.

Слышал я, будто собираются тебя к Ордену представлять. И поделом...

СЕКРЕТНО

Управляющий III Отделением
Собственной Его Императорского
Величества Канцелярии
С.-Петербург

Господину Полковнику Корпуса Жандармов,
находящегося в Тульской губернии, Муратову

Господин Полковник, Ваши донесения разоблачительного свойства поставили под угрозу исход выполнения ответственной операции.

Надеюсь, что все сообщенное Вами будет иметь подтверждение. Во всяком случае, предпримите срочно следующие меры:

1) Немедленно арестуйте М. Зимина и отправьте его с фельдъегерем в Москву для дальнейшего препровождения.

2) Постарайтесь разыскать агента, именуемого Гирос, и также арестуйте его и препроводите в Москву также.

3) Предпримите все необходимое, чтобы слухи об операции, имевшей место, никоим образом не достигли до Графа Толстого во избежание неприятных последствий.

Генерал Потапов

(Князь Долгоруков — генералу Потапову)

...Что делать, Любезный Александр Львович, надо бы представить Полковника Муратова к Ордену и вообще попечья о нем...

(Из письма Л. Толстого — М. А. Маркович)

...Зимой я поправился, но теперь опять кашляю и нынче из Москвы уезжаю на кумыс...

(Из письма Л. Толстого — Т. А. Ергольской)

...Я нынче еду из Самары за 130 верст в Каралык, Николаевского уезда... Путешествие я сделал прекрасное, место мне очень нравится, здоровье лучше... Алексей и ребята живы и здоровы, что можете сообщить их родным...

СЕКРЕТНО

От Штаб-Офицера Корпуса Жандармов,
находящегося в Тульской губернии

Управляющему III Отделением
Собственной Его Императорского
Величества Канцелярии,
Свиты Его Величества,
Г-ну Генерал-Маиору и Кавалеру Потапову

Спешу донести, Ваше Превосходительство, что еще до получения Вашего распоряжения об арестовании М. Зимина последний исчез из Тулы.

По наведенным справкам выяснилось, что он направился в Москву сам, хотя цель его путешествия мне неизвестна.

Что же касается Гироза, то, как я уже докладывал Вашему Превосходительству, сей господин исчез уже с месяц назад в неизвестном направлении.

По непроверенным слухам стало известно, что некто похожий на этого господина скрывается якобы в одном из тульских ночлежных домов. Дознание, произведенное моими людьми, ничего установить не помогло. Был обнаружен человек, действительно напоминающий Гироза, но он оказался известным бродягой Симеоновым.

Как мне удалось установить, Граф Лев Николаевич Толстой в полном неведении о происходящем вчера отправился через Москву в Казань для лечения кумысом.

О чем имею честь донести Вашему Превосходительству.

Полковник Муратов

Майский полдень был великолепен. Особенно это ощущалось на Московском тракте, в той его части, которая отстоит от Тулы верст пятьдесят и не достигает еще Серпухова с его взгорками, колокольнями и свежезеленой поймой Оки.

Сосны попеременно с березами, осинами и дубами, покрытыми молодым, но уже крупным листом; густая трава, которой еще не коснулись июльские жары; кое-где мелькающие голубые ручьи, речки, озерки; поляны, переполненные цветами, легкий звон насекомых — все это было праздником природы, от которого кружится голова и забываются несчастья. Да еще ко всему же аромат земли, воды, леса. Какое удивительное счастье! Да к тому же еще невозможная тишина, словно и нет в целом мире уже ни голосов людей, ни шума брани, ни звуков труб, ни грохота молотов, ни плача, ни хохота — ничего.

Вот в это время в сторону Москвы, утопая колесами в песке, бесшумная, словно фантазия, медленно катила почтовая карета, выкрашенная когда-то в коричневый цвет, старая и уже кое-где пооблупившаяся. По обеим сторонам тракта высился бескрайний чистый лес, и казалось, что он тоже медленно движется, сжимая дорогу, сясь перекинуть через нее свои ветви.

В карете сидели трое — мужчина средних лет, бородатый, одетый скромно, и два крестьянских мальчика.

Все трое, почти по пояс высунувшись в окна, раскрыв широко глаза, с наслаждением любовались дорогой и всем карнавалом майской природы, понимание которой было им, видимо, доступно.

В самом узком месте тракта, где песчаная дорога, казалось, вот-вот совсем исчезнет под натиском тянущихся друг к другу деревьев, за несильным поворотом они вдруг увидели странного пешехода.

Он шел по самому краю дороги тоже по направлению к Москве. На нем был крепко поношенный, мышиного цвета сюртук, на голове черный котелок, он легко ступал по песку босыми ногами, а через плечо были перекинута сапоги, и свежесрезанная палка, зажатая в руке, четко отбивала шаг.

Путники в карете переглянулись с улыбкой. Экое странное создание! Экипаж поравнялся с пешеходом, даже обогнал его несколько. Человек головы не поворотил. Лицо его в бакенбардах было устремлено вперед, словно какая-то тайная, неотвратимая мысль руководила его движениями и влекла его, босого, по тракту.

— Эй! — крикнули мальчики.

Но он продолжал вышагивать, словно никого, кроме него, и не было среди этого безмолвного лесного океана.

Наконец карета обогнала его.

— Эй! — снова закричали мальчики. — Садись к нам, подвезем!

Тут он, как бы проснувшись, глянул в их сторону, и улыбнулся тонкими, сухими губами, и покачал головой. И едва он успел увидеть два счастливых детских лица, да недлинную бороду мужчины, да спину кучера, как все это тотчас же скрылось в кустах за поворотом.

Двое суток шел Михаил Иванович, ночуя на случайных сеновалах, питаясь захваченным с собой караваем и запивая его ключевой водой. Двое суток дорога благоприятствовала ему, оберегая от разбойников и лишних встреч. Идти босиком было легко и даже приятно. Дикий лес, начавший почти забываться в городской жизни, вдруг словно ожил, вернулся, напомнил о себе, и сердце Шипова дрогнуло. Он шел, дыша лесными испарениями, стараясь держаться в целительной тени, и мысли его, почти все, были чистые и звонкие, как серебряные колокола.

Конечно, когда за спиною осталась будто целая жизнь, а впереди неизвестная, пустая глухота, где возможно все — кнуты и пряники, — будешь, будешь наслаждаться этим лесом, этой погодой, этими пестрыми цветами, далекими от людской суеты и страданий. Конечно, Москва приближается неотвратимо, но пока она где-то там еще, здесь царит покой и тянется следом неугасимое недавнее прошлое, в котором ты был прекрасен, ловок и умен. И хотя там тоже бывало всякое, но ведь Дася-то была, она ведь не придумывалась, белую шейку подставляла. А как же... И были деньги, и был сюртук из коричневого альпага, и трехкомнатный номер у Севастьянова, и был Гирос, шельма... А он ничего себе был, итальянец этот, этот грек чортов, а может, и цыган, кто ж его знает... На дуб полез, тулуп захватить не позабыл, вот прощельяга! Волки вокруг ходят, а грек этот спит себе в тулупе, будто в люльке, ну и грек!.. А старуха-то чуть косточки не сломала — как обняла. Эвон какая вымахала на подаянии-то! Да вон и я иду, ровно богомолец какой, однако у меня впереди, се муа, Москва, да их высокоблагородие Шеншин с их благородием Шляхтиным готовятся душу из меня вынуть. На молебствие иду, на поклонение!

Так он шел, браво опуская в пыль и песок босые ноги, смеясь и плача, содрогаюсь и не теряя присутствия духа, пока не повстречалась ему почтовая станция с постоянным двором. Возле крыльца увидел он давешнюю карету и ближе подходить не стал, а присел на опушке, привалился спиной к стволу, погрузил разгоряченные ноги в прохладную траву и принялся с почтительного расстояния созерцать людей. А люди суетились возле кареты, запрягали лошадей, беседовали на крыльце о чем-то, и этот был, с густой бородою, высокий, сильный, и два крестьянских мальчика стояли возле него, и он одному из них ладонь положил на русую голову. А напротив стоял станционный смотритель, а из-за плеча его выглядывала растрепанная баба, и шел какой-то веселый разговор, и обрывки смеха долетали до секретного агента.

А ведь мог и он, Шипов, распрекрасно катить себе в карете, когда б не пустил на ветер хрустящих ассигнаций. И спал бы на постоялом дворе, на мягких бы перинах, и кучеру бы кричал: «Пошел, пошел, голуба!» Или же еще в Туле сговорились бы по странной случайности ну хотя бы с этим бородатым: вы, мол, куда? Уж не в Москву ли?.. Так точно, мол, в Москву... Вы не будете возражать, ежели я, например, с вами?.. Помилуйте, буду только рад... Вот так и поехали бы. Мальчики — ангелы, а этот, с бородой, к примеру, сам граф Лев Николаевич... Ну вот, едем. Едем, едем. Он ни об чем не догадывается, я ни об чем таком не говорю. Вот и постоялый... Не угодно ли перекусить?.. Садимся за стол, туда-сюда... Шампанского приказываю... Шампанское пить будете?.. Граф жметя... Э, граф, силь ву пле, я же плачу за все. Щеки у него идут пятнами. Да что вы, мол, да как можно... те-те-те-те, ко-ко-ко-ко... Можно, граф. Я за все плачу, ибо вы мой благодетель... Как? Каким образом?.. А вот таким, говорю, это великая тайна... Ну, тут все смеются, потому что какая может быть тайна в таком деле?.. А она может быть. Ну, значит, едем дальше. А вот и Москва...

В это время карету уже, видимо, подготовили к дороге, потому что кучер полез на козлы, а затем и путники один за другим уселись. Дверца захлопнулась, кнут просвистел, и экипаж покати. Станционный смотритель и его баба замахали, замахали руками что есть мочи, будто тоже следом намеревались улететь, а потом ушли в дом. Тогда вот Михаил Ивааович натянул сапоги, предварительно обтерев их лопухами, приосанился и медленно поплыл к станции.

Внезапно, как это бывает на лесной поляне, накати вечер. Легла на траву роса. Насекомые угомонились. Деревья затихли. Красное солнце мазнуло по верхушкам деревьев и провалилось куда-то до самого утра.

Михаил Иванович подошел к крыльцу, занес было ногу на единственную ступеньку, как вдруг послышались голоса и на крыльце появился смотритель со своей бабой. Следом за ними вырвался аромат щей и пошел гулять у Шипова под носом.

— Здравия желаем, сударь, — сказал смотритель, удивляясь на невысокого господина в сюртуке, котелке и с палкою. — Милости просим, сударь.

— Что это, они будто пешие пришли? — изумилась баба.

— Бонжюр, — сказал Шипов не очень решительно, — а ведь и впрямь пеший.

Смотритель понимающе засмеялся.

— Колесо сломалось версты три отсюда, — пояснил Шипов, — пущай кучер там того-сего, а я пешочком... Погода царская.

— Милости просим щей горячих.

«А что ж, — подумал Шипов, — была не была. Уж больно дух от них сильный. Авось не подавлюсь». И шагнул в избу.

И тотчас голова у него закружилась, в животе грянула музыка, когда он вошел в горницу, озаренную красноватым огоньком сальной свечи.

Шипов как был в котелке, так и уселся, борясь с голодной слюной. И тут же расторопная баба загремела за печью, заплескала, облако пара промелькнуло в пламени

свечи, и перед Михаилом Ивановичем возникла миска, и отполированный многими руками черенок деревянной ложки оказался в кулаке.

«Эх, теперь бы в самый раз опрокинуть одну-другую!» — подумал секретный агент, но постеснялся просить смотрителя и со вздохом погрузил ложку в горячую жижу.

Что там будет, как оно там случится дальше, Шипов не думал, занятый едой. Ложка летала неистово. Миска заметно опоражнивалась. По жилам побежал огонь.

Жить стало легче. Баба с грохотом понесла со стола грязные миски.

— Граф Лев Николаевич вечеряли, — сказал смотритель, — с мальчиками тут были...

— Какой граф? — вздрогнул Шипов.

— Толстой, — сказал смотритель, — граф Толстой, тульские они, у них там имение.

— А, — сказал Шипов, содрогаясь, — это я знаю, а как же... Я думал, кто другой...

— Завсегда, как мимо едут, остановятся... Шутить любят.

— Знаю, а как же, — пробормотал Шипов, — с бородой. Знаю...

«Господи, — подумал он, — это что ж такое? Стало быть, сам граф из кареты меня звал подвезти?»

— Он мимо ехал, — сказал Михаил Иванович, — все к себе в карету приглашал, хе-хе... — И почувствовал, что немного отлегло. — А я ему: мол, нет уж, пуркуа, езжайте с Богом, я пройдуся.

— Во-он как! — обрадовался смотритель.

— Родственники мы, — заявил Михаил Иванович, — братья.

«Вот и свиделись с графом!» — подумал он с умилением.

— Крестьянских детишек на кумыс лечить повез, — сказал смотритель.

— Знаю, а как же, — выдавил Шипов, работая ложкой, — это помогает... Они мне тоже кричали все: «Давай к нам, дядя Миша!..» Нет уж, шельмецы, мне пройтись охота...

— Душа у него добрая, — сказала баба, — нешто другой кто будет об людях своих так заботиться?

— Добрая, — отозвался Михаил Иванович, — а как же. Он и деньгами всегда поделится. Просто сетребьен.

— Во-он как, — сказал смотритель.

«Господи, — подумал Шипов, — надо бы мне в карету к ним сесть! Ручку бы поцеловать благодетелю... Да что вы, да зачем это вы?.. А это, мол, ваше сиятельство, великая тайна. Эх, недотепа, побрезговал в графскую карету сесть, а уж звали-то как, звали-то!»

И тут капризная память распахнула крылья и стремглав перелетела за многие годы назад, ибо только ей это доступно, и Шипов увидел, как он сам, четырнадцатилетний, бежит по княжескому двору, сгибаясь под тяжестью подноса, и дымчатые рюмочки звенят, и голубые бокалы с золотыми вензелями покачиваются... Голова у Шипова сдавлена железным горячим обручем, в глазах рябит, ноги не слушаются, но он бежит или ему кажется, что бежит, он плывет, скользит, как был обучен, и у самого стола, где вся княжеская семья в сборе, чуть изгибается, и на ореховый паркет летит хрустальное богатство — вдребезги.

Ловкая пятерня дворецкого сгребает его ухо, крутит, и Мишку ведут вон. И вдруг вся княжеская семья приходит в движение, все вскакивают из-за стола.

— Не смей! — кричит князь Василий Андреевич. — Как ты смеешь!

И дворецкий выпускает ухо Шипова. Все сбиваются вокруг, что-то говорят, кричат, толкаются.

— Боже мой, — говорит княгиня, щупая его лоб, — да он же совсем больной!

— Он совсем больной!

— Это горячка!

— Как вы смеете хватать мальчика за ухо! Отведите его сейчас же в людскую, пусть его там уложат...

Его медленно ведут по голубым осколкам.

— Ничего, — смеется молодой князь и подмигивает ему, — битая посуда на счастье.

И все облегченно смеются.

Мишку укладывают в людской. Он бредит. Дворецкий ходит на цыпочках. Кухарка кладет больному на лоб мохнатую тряпку... Проходит неделя-другая, и вот он здоров и, худой, зеленоглазый, бежит с подносом в княжескую столовую, где все уже сидят по своим местам, и все очень рады его выздоровлению, и все улыбаются...

«А может, — подумал Михаил Иванович, — кабы мне тогда кумысу, мне бы и полегчало? Кто ж его знает... Кумыс, аншанте...»

— А что, ваше сиятельство, — сказал смотритель, — а велю-ка я людям съездить за каретой вашей... Да и сам с ними поеду, так оно верней будет...

— Да что за беспокойство? — забеспокоился Михаил Иванович и сказал как мог снисходительней: — Мой Петруха привычный в лесу ночевать.

— Прикажи, прикажи, — сказала баба, — видишь, их сиятельство скромные какие.

И смотритель ушел распоряжаться.

«Теперь не переночевать на перине, — понял Михаил Иванович. — Теперь давай Бог ноги».

Под окном всхрапнули лошади, и копыта глухо забарабанили по траве.

— Да вы не скучайте, — сказала баба, — они мигом обернутся. Может, вам еще чего подать? Может, каши?

— Мерси, — сказал Шипов, холодея. — Пойду-ка я перед сном погуляю. Больно вечер хорош. — И неторопливо вышел.

Стемнело уже основательно. В ночной темноте да в тишине четко слышался удаляющийся в сторону Тулы конский топот. Нужно было поторапливаться. Михаил Иванович медленно, вразвалочку, дошел до тракта, оглянулся на окна станции и, подобно ночному хорьку, скользнул в придорожные кусты.

Разгребая руками ветки, он заспешил, заспешил, почти что побежал, да нет, и впрямь побежал вдоль Московского тракта, чуя за спиной опасность. Попробовал выскочить на дорогу, чтобы легче было, но тут откуда ни возьмись вывалилась здоровенная луна, и снова пришлось красться лесом, натываясь на кусты и корни. Скорей, скорей, покуда добрые люди не разгадали обмана... А какой, собственно, обман? Ну, миску щей съел, ну, денег не дал, а где их взять? Ну, про графа закрутил... Да будя уж вам сердчать-то!

Лес внезапно оборвался, открылось бескрайнее поле, озаренное лунным светом.

«Нельзя на свету, нельзя, — сообразил Шипов, задыхаясь, — нельзя! Увидят!» И вдруг вдаль засеребрилась копна. И он поскакал через поле, пригибаясь, черным комочком, попрыгунчиком, придерживая рукою котелок, при последнем издыхании добрался до твердой, прошлогодней копны и закрутился весь, завился, заработал руками и ногами, зарываясь в душную нору. Лицо его горело от множества острых и безжалостных стрел, рот был полон горькой пыли, обезумевшие насекомые сновали по его телу, щекотали его и кусали, а он был счастлив, что нашел себе такое укромное логово. «Мышка, мышка, — подумал он, — серенькая мышка. Какая охота идет!»

И действительно, в скором времени послышался топот, приблизился. Всадники подскакали к самой копне и остановились.

— Куда ж ему здесь уйти? — слышался голос зрителя. — Здесь ему не уйти, некуда. Он, видно, через лес, наискосок, пошел, шельма.

— Топают сейчас, ушкуйник, небось верст с десять отмахал, — сказал другой.

— Вот жулье! — отозвался третий. — Креста на нем нет. Оглоблей бы его...

— Нет, — сказал зритель, — зачем оглоблей? Я бы его раздел, медом бы всего обмазал да в муравью кучу...

— За такие дела не медом мазать, — сказала вторая, — на кол сажать.

— Я как чувствовал, — сказал зритель, — деньги, спрашиваю, дал? Нет, говорит, гулять пошел... Ах, ты, такая-сякая, эдак мы щей не напасемся, даром кормить. Гулять пошел, каналья... Я и смотрю, он мне разыгрывает: граф, мол, он...

— Я его давеча приметил, — сказал третий, — пока мы, стало быть, запрягали, он, стало быть, на опушке сидел, за кусточком, котелок еще на нем черный...

— Ах ты пропасть, — сказал зритель, — паралик его расшиби, ну, погоди, попадись только... Я из него душу-то выну...

— Да ладно уж, — засмеялся третий, — чего уж там. Поехали обратно. А ты считай, слышь, будто страннику щи скорчил...

Голоса начали удаляться и постепенно затихли.

«Спас Господь, — подумал Шипов, — пожалел. — И полез аккуратно из норы на волю. — И чего меня носит по полям да по лесам? Али я зверь какой?»

Теперь уже было не до сна. Нужно было уходить подальше, а не то и впрямь медом вымажут да в этот самый... Ах ты, мезальянс какой! Я вас не трогаю, и вы меня не трожьте...

И с этим криком в душе, подставляя горящее лицо ночной прохладе, он двинулся к Москве. Она возникла не сразу. Еще нужно было помытарствовать не одну ночь и просить хлеба, прежде чем перед ним не замаячила она на рассвете седьмых суток путешествия, когда, обувшись в сапоги, обтерев их от дорожной пыли старой бумагой, приосанившись, пустился он легким шагом из деревни Верхние Котлы вниз по внезапно раздавшемуся в ширину тракту, к белым стенам Даниловского монастыря. Ликование Шипова было так велико, что все страхи и дурные предчувствия приутихли на короткое время, забылись, словно только и не хватало ему добраться до этих белых стен, чтобы навсегда уже оказаться под их защитой.

Тут Москва и оборотилась к нему лицом, загрохотала телегами, возами, кузницами, закричала на разные голоса, запестрела разноликим окраинным скарбом. От боев потянуло горячее, свежее кровью, от мастерских — кожей, от харчевен — едой; рев скотины перемежался с криками людей, и непрерывно звенело что-то: то ли бубенцы на дугах, то ли коровьи колокольчики, то ли наковальни под молотами, то ли чей-то рассыпчатый смех; и от белых стен монастыря уже виднелась она, матушка, вся в розовой рассветной неге, поблескивающая золотыми куполами церквей, устремленными в синее небо.

Все живое тянулось в этот час к Серпуховской заставе — в Москву, в Москву. И мастеровые артелями топали по пыльному тракту, и цыгане с ручными медведями — потешать и обманывать столицу, и возы с дарами природы, чтобы забить до отказа бесчисленные торговые ряды. Все тянулось к Москве, словно бурная река текла в неведомую прорву, безуспешно пытаясь наполнить ее.

И Шипов шел как бы в окружении большого оркестра, и знакомая музыка московской окраины гремела вокруг, вдохновляя его и балуя. Ах, мало выпадало баловства на долю Михаила Ивановича, мало, ну, может быть, лишь то, что он сам принимал за баловство по собственной бесхитростности, а тут сразу и толпа, будто полная к нему любви, будто ради него собравшаяся, и музыка, и всякие там надежды, которые запорхали вокруг, подобно сонму прозрачных мотыльков.

Вот он миновал Серпуховскую заставу, пересек поле, пошел по Мытной. Открывались лавки, кричали разносчики, пахло свежими пирогами, потянулись первые пролетки.

До Никитских ворот оставалось добрых три версты, а то и поболее, однако белое шелковое лицо Матрены начало постепенно возникать из утренней пыли, и ничто уже не могло его погасить — ни шум толпы, ни грохот колес. Оно лишь поддрагивало, колебалось от каждого стука и крика, но не исчезало и даже, напротив, становилось все отчетливее, яснее, чище.

Где-то там, за тридевять земель, куда теперь уж нет возврата, жила прекрасная вдова Каспарич, так странно оборвавшая любовь и возможность будущих наслаждений. Да теперь уж отсюда ее и не видать совсем, поблекла, потускнела, растаяла. Да и разве сравнить ее с Матреной? Вдова со всем своим благородством и изяществом была все-таки чужой, странной, оттого и ненадежной. Разве узнаешь, что у нее на уме? Разве нынче определишь, как она завтра улыбнется, да и улыбнется ли? А Матрена открыта, бесхитростна, рассудительна, и жарка, и мягка, и певуча. Бог с ним, с их благородством. Да разве у меня, се муа, его нет? А вот погодите, схожу в баньку, попарюсь, приглажусь... Эх, Матреша, да почишь ты мне перышки, будя тебе слезы-то лить, вот он я. Да не реви ты, не реви, не пойду я к господину частному приставу Шляхтину, не пойду, пушай он меня ждет, пушай он ждет, покуда мы с тобой друг на дружку-то не наглядимся!

Постепенно расстояние до Матрены сокращалось. Михаил Иванович, полный торжественной радости, шагал уже по Белому Городу. Июньский полдень был в разгаре. Голод, бывший много дней его спутником, смягчился и ослаб и уже не мучил, как прежде. Видно, преддверие скорого и обильного Матрениного угощения мешало ему разбушеваться в полную силу. Так Михаил Иванович и дошел бы, наверное, до своей любезной, как вдруг среди пестрой уличной толпы выросла перед ним высокая сутулая фигура частного пристава Шляхтина. Пристав стоял спиной к Шипову, но сердце секретного агента в ту же минуту подскочило и замерло. И вот он уже не вышагивал, а бежал по каким-то совсем не тем улицам, переулкам и пустырям, кружил кольцами по-заячьи, и не было в нем ни прежнего ликования, ни радости, ни ожидания счастья, а только страх, отчаяние и тупая боль в затылке. Вот как немного нужно человеку, чтобы всего его изменить и унизить.

«Я вас не трогаю, и вы меня не трожьте!» — думал Михаил Иванович, а сам все бежал да бежал.

И случилось так, что подкашивающиеся ноги вынесли его прямо к трактиру Евдокимова и, вконец расслабленный и беззащитный, он ввалился прямехонько в знакомые душевные ворота.

В трактире было пусто и тихо. Хозяин, Евдокимов, широко зевая, крестился на образа. Непонятно отчего, то ли Михаил Иванович вкатился слишком стремительно, то ли глядел встревоженно, то ли что еще тайное проступало в его облике, но Евдокимов навстречу не кинулся, как бывало, не поклонился с почтением, не рассыпался, а молча оглядел секретного агента с головы до ног и лениво спросил:

— Ну, чего желаете, Михал Иваныч?

Тут же, ровно заводной, выскочил из глубины Потап и, купаясь в хозяйских интонациях, проговорил в лицо Шипову:

— А мы тут по вас скучали, иссохлись совсем.

— Бонжур, — тихо сказал Шипов. — Что это вы, будто не признали меня?

— Как же вас не признать-то, — засмеялся Потап, — чего изволите, вмиг подадим-с.

— А мне ничего, — еще тише сказал Шипов. — Я бы, лямур-тужур, съел бы, пожалуй, чего... щей бы...

— Мур-мур, — засмеялся хозяин. — Потапушка, поди вынеси им шей да денег стребуй...

Но Михаил Иванович уже отошел к дверям и спиной отворил их.

— А щец-то? — крикнул вдогонку Потап.

«Вот беда, — думал Шипов, пробираясь с оглядкой мимо Страстного монастыря, — а как выскочит их благородие частный пристав, куды ж мне тогда? Антре? Попалась, мышка?»

До Никитских ворот, то есть до Матрены, было рукой подать. Главное — добежать бы до спасительного крыльца, скользнуть бы туда, в дом, в теплое гнездо, затаиться, а уж там, в тишине и безопасности, утолить голод, развежиться, отдышаться, покрыться глянцем, а уж тогда воротится былая удачливость, а уж там можно и заново все обдумать, все решить, как лучше, и пусть тогда господин Шляхтин кругами ходит вокруг да около, пусть, не увидать ему секретного агента, пропал Шипов. У Матрены горячие руки, у Матрены деньги... А уж после-то всего можно будет и в Петербург мчаться, упасть в ножки князю: да я же за вас старался, ваше сиятельство! Ну, может, недоглядел чего или там чего не так... Так уж вы, ваше сиятельство князь благодетель, батюшка, отец родной, се муа, милостивец... Да неужто мне теперь аншанте? Али я ради себя старался?..

У самого Тверского бульвара показалось ему, будто снова мелькнула сутулая спина частного пристава, и Шипов стремительно нырнул за угол. Но не успел он сделать и нескольких робких шагов, как перед ним возникла шестерка лошадей цугом под черной траурной сеткой, похоронные дроги и за ними медленная процессия — экипажи и так, пешие.

Скорбное шествие преградило путь секретному агенту, и он прижался к стене дома, приподнялся на носки, стараясь разглядеть лицо покойника. На черном бархате возвышался посеребренный гроб, и белые цветы неведомых названий густо покрывали его и рассыпались по всему бархату, словно росли из него. Как Шипов ни тянулся, лицо усопшего, скрытое ими, не являлось ему. Толпа хранила скорбное молчание. Шипов снял котелок и медленно пошел со всеми.

— Хороший человек был Амадей Васильевич, царствие ему небесное, — сказал немолодой господин, идущий рядом.

— Призвал Господь, — вздохнул Шипов и тайно вздрогнул, услышав столь знакомое имя, и снова попытался разглядеть покойного, но помешали цветы...

— Какое несчастье, — проговорил господин, — молодой, полный сил, уже статский советник и действительный — и нате вам... Какой-то лишенный разума волк — и конец!

— Какой волк? — не понял Шипов.

— Как какой волк? — удивился господин и заторопился, зашептал: — А вы не знаете?.. Амадей Васильич едет в Тулу по служебным делам. Это на крещение, кажется... впрочем, точно, на крещение. Отправляется с ямщиком в знакомую усадьбу, тут, представьте, начинает вьюжить, и тут появляются волки! — В этом месте Шипов споткнулся неизвестно обо что, но господин поддержал его за локоть и продолжил: — Два безоружных человека — и стая разъяренных хищников! Они разрывают лошадей, возницу, принимаются за Амадея Васильича, но идущий мимо обоз отгоняет стаю... — Михаил Иванович в этом месте, весь содрогаясь, увидел совершенно отчетливо громадного вожака волчьей стаи с белой отметиной на лбу. — Полумертвого нашего друга везут в лазарет, лечат, везут в Москву, снова лечат, но все напрасно...

В этот момент Шипов все позабыл. Не было ни спасительных дубов, ни чужого тулупа на компаньоне, ни февральского рассвета, разогнавшего стаю, а было лишь одно: лохматые чудища треплют и рвут худое тело Гираса, кровь брызжет по снегу, слышатся стоны и хрип...

Возле Михаила Ивановича произошло легкое движение, и к нему подлетел молодой, расторопный, грустноглазый человек с рукою за пазухою и спросил горячим, страстным шепотом:

— Как, вы еще не отправились? Да вы же не успеете, сударь, Анна Францевна будут гневаться. Что это с вами?

— Пардон, — застигнутый врасплох, засуетился секретный агент, — сейчас отправлюсь. Значит, чего мне там распорядиться?

— Фу, Боже милостивый, да вы в своем ли уме? Да ведь вам же объяснили!.. Да что же это такое! Вам и денег дали... Ну, торопитесь же...

Михаила Ивановича обуял бес, он тоже засуетился, смеясь и поражаясь в душе, тоже задержался.

— Ступайте, — зашептал молодой человек, — значит, велите всем встать вдоль забора, за ограду не заходить ни в коем случае, как в храм понесут, дадите знак... Ступайте, ступайте же!..

— А деньги? — спросил Шипов.

— Вам же дали деньги, — еще пуще заторопился молодой человек, — дали же... Немолодой господин с интересом прислушивался к разговору.

— Нет, нет, не дали, — усмехнулся Шипов. — Они у вас в кулачке-с.

— Где? Где? В каком кулачке?

— А выньте ручку из пазухи...

Молодой человек густо покраснел и вытянул руку. В кулаке действительно были зажаты бумажки.

— Ну вот-с, — сказал Шипов и взял деньги. Господин покачал головой укоризненно.

— Фу, — рассердился молодой человек, — совсем забегался! Но чтобы все как следует, слышите?.. И без всяких там сокращений. Чтобы полностью: Амадей Васильевич Гирс, действительный статский советник... И никаких сокращений...

Шипов побледнел, услышав фамилию компаньона. Так, значит, это не случайное совпадение имен! И это не безумная фантазия смерти! Значит, была тайна в компаньоне, от которой он бегал, ровно заяц? Чего ему было нужно? Меж Тулой и Москвой чего он искал? Действительный статский советник... А чего нам всем надо? Чего мы все ищем?.. Это ж надо такому случиться, чтобы действительный статский советник — этот прощельга, Амадеюшка этот, пустозвон этот, заяц трусливый, друг дорогой, сопящий за стеной в своей светелке, крадущийся по скрипучей лестнице, пьющий с графом кофей!.. Вот и твоя кошка нашлася!..

— Амадеюшка! — простонал он и, не стесняясь, заплакал.

Немолодой господин погладил его по плечу с участием.

Едва переставляя ноги, Михаил Иванович все же обогнал процессию, зашел с другой стороны и глянул на гроб. Здесь цветов почему-то совсем не было. В посеребренном гробу лежал старый человек с редкими русыми волосами надо лбом, широколицый, с розовыми щеками, словно разоспался. Нос у покойного был маленький и луковкой.

«Слава Богу!» — подумал Михаил Иванович и даже подмигнул покойнику. Чужие — Бог с ними, своих жалко.

Из первого экипажа, из-за опущенных шторок, послышался тихий плач.

Знакомое, почти родное имя вновь донеслось до слуха секретного агента, и он снова глянул на почившего. Нет, нет, сомнений не было. Не тот, не тот!

Михаил Иванович облегченно вздохнул, отошел в сторону и торопливо пересчитал мятые бумажки. Денег было сорок пять рублей. Судьба снова смилостивилась над ним. Сюртук из коричневого альпага повис, словно видение, в воздухе, шевеля крыльями рукавов. Уют, тепло и сытость представились на мгновение. С легким сердцем

пустился он к Никитским воротам, но тут снова возникла перед ним сутулая спина частного пристава, гуляющего по бульвару.

«Караулит!» — догадался Шипов и забежал в первый же двор. Там, на пустынном этом дворе, он нашел сарай с выломанной дверью, скользнул внутрь и пристроился на останках какой-то телеги. «Это что такое! И до Матрешки не добраться... Вот беда. Нет, нет, отсидеться у нее, да и лететь в Петербург, падать князю в ножки: ваше сиятельство, наговор! Я всем сердцем, Ваше сиятельство! Да вы велите проверить... А чего проверять? Чего там, в Ясной-то? Чего?.. Граф Толстой там... А чего у графа-то? Чего я ему должен? Али он чего должен?.. Ах, ты Господи, в Петербург надо. Подальше от частного пристава, подальше!..»

Изнывая от страха и голода, просидел он так, покуда спасительная темнота не опустилась на город, и тогда он вышел из своего укрытия и с упрямством безумца заскользил вдоль домов снова к Никитским воротам.

Наконец он осторожно постучал в темное Матренино окно. Никто не ответил ему. Он постучал снова и вздрогнул. За воротами в полночной тишине слышались чьи-то медленные шаги — топ-топ, топ-топ. Может быть, сам частный пристав прогуливался там, терпеливо ожидая появления злополучного секретного агента.

Вдруг что-то белое, расплывчатое прильнуло из комнаты к оконному стеклу, и голос Матрены ахнул:

— Батюшка, да неужто вы?!

— Матреша, — с радостным отчаянием зашептал Михаил Иванович, — открывай скорее... Вернулся я...

Едва раздался его голос, шаги за воротами участились, приблизились.

— Да открывай же! — крикнул Шипов и тут же услышал из комнаты глухие голоса, один — Матренин, другой — мужской, незнакомый.

Матрена. Они мои благодетели... Так что уж вы не гневайтесь.

Мужчина. Ну, Матрена!.. Ну, гляди, Матрена!..

Матрена. У нас с вами уговор был... Поживее собирайтесь.

Мужчина. Пожалеешь... Ох, пожалеешь, смотри. Где жилетка моя? Я этого не люблю.

Матрена. Вот ваша жилетка... У нас с вами уговор был.

Михаил Иванович вслушивался в эту горячую ночную перебранку, и непонятные чувства одолевали его, и какая-то неясная боль возникала в нем, и ему чудилось, что он стоит посреди двора, а дом с темным окошком во-он где.

Мужчина. Свечу бы зажгла... Ну, погоди, Матрена...

Матрена. У нас с вами уговор был. — И прильнула к окну. — Сейчас, сейчас, скоро уж...

«Эх, Матреша, — подумал он с горечью, — как же это ты?» Но тут же смахнул слезу с души и сжал сухие губы поплотнее. За что было корить? Был и у него с нею неписанный уговор, чтобы все налегке, чтобы все весело, словно водяной жучок с пузырями на лапках бежит по воде, а пяточки-то сухие. Было. Мы вас не трогаем, и вы нас не трожьте... Было? Верно, было. И счастья от этого не прибавлялось, но было. Покой был. А нынче? Чего ж ты плачешь нынче, галицкий почетный муж? Вон как она для тебя старается, или тебе сего мало?.. Воду на тебя не льет, дурным голосом не прогоняет, не клянет тебя в окошко...

Мужчина. Ну, Матрена, гляди...

Матрена. А чего глядеть? У нас с вами уговор был. — И снова в окно: — Да сейчас же, сейчас...

Двор расширился еще больше. Дом почти исчез. Печаль охватила Шипова. Шаги за воротами отдавались, как в колодце. Михаил Иванович отступил от окна на шаг, потом еще на шаг, затем повернулся и кинулся к воротам, прямо на частного при-

става... За воротами никого не было, под дальним фонарем дремал извозчик, и едва Шипов уселся, он зачмокал, занукал, и лошадка тронулась. Прощай, Матрена!

Ранним июньским утром из здания Николаевского вокзала, что в Петербурге, вышел галицкий почетный гражданин и расправил плечи. Небо над площадью было голубое, раннее солнце окрасило крыши домов, люди только подымались со своего ложа и еще не принимались за дела, было тихо, пустынно и благостно.

Первое живое существо, которое возникло перед Шиповым, была рябая курица. У самого вокзального порога она рылась в навозе деловито и самозабвенно. После всего пережитого Михаилом Ивановичем она показалась ему чудом, явившимся, чтобы успокоить и намекнуть на надежду. Она была одна на громадной пустынной площади, и глухой свисток чугунки не пугал ее. Как славно она работала, ранняя труженица; как немного ей было нужно, чтобы радоваться жизни самой и быть случайным утешением для других. Что-то от мирной деревенской тишины, от утреннего деревенского солнца, от свежей травы и шороха первых, наливающих колосков, от сохнувших на заборе крынок и прохладных сеней было в ее гребешке и в каждом движении. Ну, трудись же, трудись, рябая деревенская дурочка, образина ты эдакая, хохлаточка, трудись одна на широкой булыжной петербургской площади, покуда тебя не испугали да не выгнали.

Солнце поднялось над крышами и коснулось рябенькой головки. Шипов глядел на нее и не мог оторваться. А город постепенно проснулся. Секретный агент махнул хохлатке рукой, будто старой своей подружке, и шагнул в столицу. Но тут же, едва он миновал это рябенькое деревенское чудо, все изменилось вокруг и благостность и уют исчезли. Что-то такое вдруг будто надломилось с тонким хрустом, и перед Шиповым выросли высоченные каменные великаны и преградили ему путь. Потянулись дешевые ваньки, но синие, красные и зеленые поддевки на извозчиках были почище и построже, чем у их московских собратьев; замелькали пролетки и экипажи пошкарнее, и кучера в блестящих цилиндрах глядели мимо секретного агента куда-то вдаль; зашагали гвардейские офицеры, поблескивая своим добром и пугая недоступностью; даже торговцы пирожками кричали не во всю грудь, не от горла, не с прибаутками, как в Москве, а вполголоса, достойно, будто читали молитву; вдоль Невского засияли дворцы, радостные, мрачные и холодные, подобные неприступным крепостям, и черный, аккуратный, прохладный поток чиновного люда побежал мимо них, обтекая их и шлифуя.

Михаил Иванович направился к Фонтанке, в тот дальний ее конец, где розовое, точно утренний голубь, раскинуло крылья тихое здание, послушное князю Василию Андреевичу. Скорее к нему, скорее. Падать в ножки, глядеть жалостно, говорить срывающимся, покорным голосом, с придыханием, легко отскакивать, подскакивать, ползти, не обращая внимания на насмешки, укоры, угрозы, ползти прямо, видя перед собой разноцветные плитки паркета... Ваше сиятельство... Ваше сиятельство!..

Возле Шереметевского дворца он пошел медленнее. Опять будто что-то надломилось с тихим звоном. Лица прохожих были спокойны и отчужденны.

«Эх, мышка грязная, — подумал он про себя, — куды ж ты так летишь-то?»

Помятый, потускневший, с изможденным лицом, семенил он по Фонтанке, окруженный чугунными оградами, мраморными стенами, за которыми — во множестве сытые коты, атласные, мягкие, лакированные. Они не подымаются со своих подушек, а ждут, когда серый хвостик мелькнет али бочок, чтобы лениво круглой цепкой лапкой погладить по дрожащей мышиной шерстке.

Михаил Иванович почувствовал резкую боль в спине, возле поясницы, остановился, хотел выпрямиться — не смог. Но вот боль как вспыхнула, так и прошла, а спина не разгибалась. Так, скрючившись, и пошел он вперед, навстречу своей гибели.

Никто не обращал на него, согнутого, внимания, лишь одинокий солдат на деревянной ноге проскакал мимо и прохрипел, то ли смеясь, то ли плача:

— Вступило? Гляди не разогнись — треснешь! Прикажи бабе утюгом про-
весть...

Какой бабе? Каким утюгом?.. Шипов шел уже совсем медленно, а когда показалось розовое пристанище, остановился и вовсе. Он встал у парапета, мысли его были печальны. От розовых стен исходил такой холод, веяло такой поздней осенью, таким молчанием, что хотелось рыдать, как рыдают солдатки, не стесняясь.

Тут вспомнилось ему, как, еще молодой, гибкий, весь как на пружинах, скользит он с подносом по княжескому дому в столовую, где в сборе уже вся семья за обедом. В окна бьет солнце. Поднос вспыхивает ослепительно. На душе у Шипова праздник — так просто, неизвестно с чего. Поэтому он держит поднос на одной руке. Поднос неподвижен, а сам он в движении, словно французский танцовщик, и он любит себя, каждым своим шагом, каждым наклоном, как он легко выгибается, точно льется, как ставит ноги, едва касаясь пола, как прекрасны на нем малиновый венский камзол, и кружева на манжетах, и туфли с пряжками, и белые чулки на деревенских ногах. Ловкач, ловкач, ну и ловкач! И ему слышится музыка, и он почти танцует под нее, и так в танце подлетает к столу и в танце, почти не прикасаясь руками к блюдам, раскидывает их перед сидящими, словно сдает карты. Поглядите на него! Аи да Мишка!.. Он делает круг, обегая стол, и еще один, и снова, и все это в танце, под музыку, а что, как оглянутся и увидят, и восхищению не будет конца, и дадут ему пять рублей за вдохновенный танец. Но никто не глядит, у них там свои разговоры вполголоса, не замечают. Он делает четвертый круг. Поднос пустеет, затем начинает уставляться вновь, использованные тарелки ложатся на него сами, вилки с вензелями, соусницы, бокалы... Никто не глядит. Он делает пятый круг, в зеленых глазах его тоска, отчаяние. Поднос летает над головами сидящих, он почти касается их, звенит посуда, музыка играет громче. Каков ловкач! Артист!.. Поглядите, ваше сиятельство, да поглядите же, как я умею, ровно птица, а ведь раньше, помните, ничего такого не умел, все норовил упасть, вы еще гневались, а нынче-то поглядите, гляньте... Он пошел на шестой круг. Никто не глядел. И, последний раз взмахнув подносом, подобно раненому журавлю, он полетел прочь...

«Неужто к частному приставу в Москву возвращаться? — подумал он с ужасом и шагнул к розовому дворцу, но тут же представил брезгливое лицо князя и вновь прижался к парапету. За спиной текла сонная, холодная Фонтанка, за нею благоухали деревья, за ними белел дворец, доносилось пение птиц. — Я вас не трогаю, и вы меня не трожьте».

Он попробовал разогнуть спину — не смог. Боли не было. Вдруг от розовой стены отделились два офицера и решительно направились в его сторону. Лица их были зловещи, движения резки.

«Эх, хохлаточка, — с тоской вспомнил Шипов, — надо мне было на чугунок садиться да в Москву обратно! Пропал, дурень!..»

Он уставился на них зелеными глазами, втянул голову в плечи, но офицеры прошли мимо, слегка задев его, и зашагали вдоль парапета, неся всякий вздор. Шипов вздохнул с облегчением, даже усмехнулся, но тайная рука поворотила его и подтолкнула в обратный путь. В Москву! В Москву! Там, в ней, пыльной и голосистой, в городской полицейской части жил-был долговязый частный пристав Шляхтин, насмешник и хитрец, связанный с Шиповым одной веревочкой; по этой-то веревочке и следовало возвращаться, а не лелеять безумные мечты о снисходительности князя и его генералов; эх, сколько денег зря проездил, спасаясь от кары! Искал у волка защиты от лисы, недотепа! А что он, частный пристав! Какое от него зло? Ну какое?..

Теплый ветер ударился о розовую стену, охладился, нагнал Шипова, проник под сюртук и прикоснулся к телу ледяной ладонью. Михаил Иванович припустил рысью.

Берлога князя пропала из виду, затерялась за домами, за углами, за деревьями. Изогнутый, как воскресный крендель, добрался Михаил Иванович до Николаевского вокзала и напоследок оглянулся: Петербург бесшумно крался за ним, тянул руки в кружевных манжетах, смотрел враждебно, будто Шипов и не русский, а грек какой-нибудь или турок. И когда тронулся поезд и столица исчезла за болотами и лесами, прикосновение цепких, железных пальцев продолжало ощущаться на горле, и даже на другой день возникшая Москва не избавила от этого: ни шум ее, ни пыль, ни привычный карнавал, ни запах горячей требухи и гречневиков, ни вид молодых кухарок из купеческих домов... И лишь тогда, когда в душной харчевне он наелся до отвала щей и бараньей варенины и осушил с достоинством графинчик, только тогда железная пятерня разжалась и освободила горло, спина выпрямилась, и Шипов поглядел на мир вокруг себя и вдруг понял, что денег больше нет, у Матрены не спасешься, призрачный граф на кумысе, князь Василий Андреевич холоден, как камень. И тут ему стало легко и просто, набрав по карманам медяков, он сунул извозчику последний гривенник и велел ехать в городскую часть.

Он ехал, наслаждаясь Москвой, не думая ни о ее великодушии, ни даже о снисходительности, радуясь, что лошадка бежит, что колеса грохочут по булыжнику, что на сиденье слева от него, на выцветшем зеленом сукне, изогнулась белая ниточка, не жась на солнце, что какая-то барышня, оставив зонтик, глядит на него с удивлением, а может, и с восторгом, тоненькая барышня с нетронутыми губками. Он откинулся на сиденье, с благоговением вспомнил себя самого в сюртуке из коричневого альпага, в клетчатых панталонах цвета беж. Вдруг возник перед ним призрачный, едва уловимый образ Даси возник и исчез... Да и Господь с ней, пушай она там себе устраивается... Потом он вспомнил о Гиресе и подумал, что в гробу, вполне возможно, лежал именно он, а что курнос, да круглолиц, да действительный статский советник, так в смерти чего не бывает...

Наконец лошадь остановилась и вздохнула. Михаил Иванович легко, как давно уже не хаживал, направился к знакомой двери, не испытывая ничего, кроме покоя и удовлетворения. Зеленые глаза его вспыхнули, соломенные бакенбарды распушились, на тонких, сухих губах шевельнулось нечто неуловимое.

Частный пристав Шляхтин вздрогнул и даже привскочил на стуле, когда перед ним неизвестно откуда, точно из стены, возник Шипов.

— Бонжур, — промурлыкал Михаил Иванович, — не пугайтесь, это я.

Шляхтин нервно засмеялся, увидев себя в зеленых зрачках Шипова.

— А ведь я тебя жду, каналья...

Шипов. Пардон. Уж я и так торопился, ваше благородие.

Шляхтин. Он торопился! Куда же ты торопился, шельмец?

Шипов. А как же, ваше благородие, за графом. Они из имения в Тулу, а я за ними-с, они из Тулы в Москву-с, а я за ними... Так до Петербурга и добрались...

Шляхтин. Каков, каналья... Он еще разговаривает! Он за мной, я за ним, он за мной...

Шипов. Ей Богу, глаз с него не спускал. Он в карете, а я пеший-с.

Шляхтин. Порет всякий вздор... (*Кричит.*) А он не знает, что есть предписание его арестовать!

«Бойтся, — подумал Михаил Иванович удовлетворенно, — бойтся, мышка серенькая... В глаза не смотрит, бойтся. Сейчас пужнем...»

Шипов. Ваше благородие, я ить из Петербурга только что... Их сиятельство князь...

Шляхтин. Врешь!

Шипов. Да ей же Богу.

Шляхтин. Врешь! Подойди сюда. Подойди, кому говорю! Подойди.

Шипов. Да я и так вот он.

Шляхтин. Подойди, совсем подойди.

Шипов. Куды ж еще-то? Аншанте? Стол ваш в пузо уперся.

Шляхтин. Стой и не шевелись. Прохвост, ты решил продолжать свою комедию? Ты хочешь, чтобы я прослыл дураком? Кто тебя нашел, говори. Ну, говори...

Шипов. Кто меня нашел? Да я почему знаю?

Шляхтин. Я тебя, каналья, рекомендовал?

Шипов. Так точно...

Шляхтин. Врешь!

Шипов. Истинно вру... Меня их сиятельство рекомендовали... как верного человека.

Шляхтин. Ага, значит, признаешься? Значит, еще совесть есть...

Шипов. А как же.

Шляхтин заходил по кабинету, не в силах скрыть волнения.

«Главное — это чего ему известно, — подумал Михаил Иванович, легонько улыбаясь. — Может, еще орден дадут, се муа...»

Лицо Шляхтина смягчилось, глаза словно потухли, но Шипов был настороже.

Шляхтин. А типография как? Работает? Надеюсь, в лучшем виде?

Шипов. Это какая? У графа?

Шляхтин. Ну зачем же у графа, любезный? У тебя. Твоя...

Шипов. Какая типография?

Шляхтин. Вот прохвост... Ты деньги на станки получил?

Шипов. А как же, ваше благородие. Все сполна. Премного вам благодарны.

Шляхтин. Станки купил?

Шипов. Так точно-с. Какие станки?

Шляхтин. Типографские, разумеется, для печатанья.

Шипов. А как же-с, знаю...

Шляхтин. Купил, я спрашиваю?

Шипов. Так-точно-с.

Шляхтин. Установил?

Шипов. А как же-с.

Шляхтин. Ну, пошла работа? *(Смеется.)*

Шипов (смеется). Пошла, ваше благородие. Как еще пошла...

Шляхтин. Где же ты все это устроил?

Шипов. Чего?

Шляхтин. Типографию, чего!

Шипов. Не могу знать-с...

Шляхтин. Как не можешь знать? Станки купил или нет?

Шипов. А как же-с!..

Шляхтин. Где же типография?

Шипов. А-а-а, вон про что! У графа, ваше благородие, в Ясной Поляне.

Шляхтин. А твоя где?

Шипов. Моя? У меня нет...

Шляхтин (смеется). Вот то-то, что нет... Ему, прохвосту, посылают деньги, он их пропивает, а после несет всякий вздор. Так?

Шипов (смеется). Никак нет-с...

Шляхтин. То есть что значит нет? Куда деньги девал?

Шипов. Все вышли, ваше благородие. Я отчет могу сделать. Как велели, так я и потратил...

Шляхтин. Тебе, шельмецу, велели типографию устроить! Устроил?

Шипов. А как же-с...

Шляхтин хотел было крикнуть, но подошел к окну и показал Шипову сутулую спину. Гнев клокотал в нем, воротник мундира глубоко врезался в красную, напряженную шею.

«Может, пронесет, — подумал Шипов с надеждой, — покричит-покричит, да и выгонит. А там, лямур-тужур и пуцай они все хоть треснут. Значит, чего я там, кому?.. Графу Толстому чего? Али он мне чего? Полный сетребыен...»

«Каков бестия! — подумал в этот же момент Шляхтин. — Ежели глядеть в его кошачьи глаза, все как будто сходится, все справедливо... И бровью не поведет, лжец, нахальная свинья!.. Отправить его в арестантскую — и все тут...»

Шляхтин. Значит, типографии нет, деньги пропиты, весь департамент введен в заблуждение, и ты еще здесь, прохвост, пытаешься мне втирать очки и воображаешь, что это тебе удастся?

Шипов. Лямур?

Шляхтин. Ну?..

Шипов. Ваше благородие, я чего видал, того и писал вашей милости. Зря вы меня честите... Я могу отчет сделать.

Шляхтин. Мало того, что надул меня, — надул почтенных людей, государя... Я уж не говорю о князе, а он меж тем...

«У-у-у, — подумал Шипов с ужасом, вспоминая розовый дворец, — ежели князь не поленятся, они меня согнут!.. Ах, да уж разом бы все... А может, помилуют? Может, и обойдется? Чего это он кричит, а в глаза не смотрит? Может, не нужен я ему, а это он так?»

Шляхтин. ...за тебя заступался рекомендовал, скотину этакую... Он этого не простит.

Шипов. Да я ж всем сердцем.

«Эх, — подумал он, — а ведь надо бы было в Ясную съездить, надо было».

Шляхтин. Вот они, твои донесения. Видишь? Говори начистоту, что правда, а что соврал...

Шипов. Ага, значит, так... *(Плачет.)* Эх, разнесчастный я человек! Стараисси, стараисси, а все равно мордой об тубарет!

Шляхтин. Говори, в чем солгал... О душе подумай, каналья!

Шипов. Да я и так думаю... Ничего я не лгал, ваше бла...

Шляхтин. Последний раз: станки купил?

Шипов. А как же.

Шляхтин. Сколько штук?

Шипов. Ах ты Господи... Значит, так...

Шляхтин. Ну, соври, соври. *(Смеется.)* Значит, так...

Шипов. Да вы бы не дражнились, ваше благородие, я же волнуюсь...

Шляхтин. Где же ты типографию устроил?

Шипов. Какую типографию?

Шляхтин. Ладно, хватит! Дурака будешь в подвале разыгрывать. Эй, кто тут есть?

«Кажись, пронесло, — вздохнул Михаил Иванович. — И поплакал, и посмеялся. Теперь-то уж все равно. Вон они и промеж собой никак не решат, кто, да что, да почему...»

Вошел унтер со связкой ключей. Шляхтин кивнул ему устало. Унтер тронул Шипова за локоть и повел его в арестантскую.

«Какая чушь! — подумал частный пристав. — Как я мог так долго унижаться? Однако он явился сам, а что ежели все не так, как расписали из Тулы? Глаза зеленые, нос вострый, помесь хорька с лисой, но и что-то человеческое в нем все-таки... какое-то даже благородство, хотя этот чудовищный котелок, да и по всему, жулик...»

Едва за Михаилом Ивановичем захлопнулась дверь и прогремел железный засов, как сердце его забило ровно, дыхание успокоилось, и он, не обращая внимания на прочих арестантов, присел на нары, чтобы насладиться собственной участью. Теперь можно было никуда не бежать, ни от кого не спастись. Он решил вздремнуть, пока дают. Снял сюртук, постелил на нары, собрался было улечься, как вдруг увидел перед собой Яшку.

— Здравствуй, благодетель, — сказал Яшка, не очень удивляясь встрече. — Ты чего это, Михалваныч, аи украл чего?

— Почему это украл? — смутился Михаил Иванович. — Это ты, Яшка, по карманам охотник, а у меня дела государственные.

— Эх, — сказал Яшка, — быдто не всяк ворует. Один из кармана, другой из ларца, а третий и из сундука... Всем жить охота. А ты, благодетель, стало быть из сундука потянул?

— Из сундука, — засмеялся Шипов, укладываясь. — Ах ты, мышка серенькая.

— Не уберегся, значит, — сказал Яшка серьезно. — Мне тебя жалко.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Канцелярия
Московского Военного
Генерал-Губернатора
г. Москва

Управляющему III Отделением
Собственной Его Императорского
Величества Канцелярии,
Свиты Его Величества,
Господину Генерал-Маиору и Кавалеру Потапову

Препровождаю к вам, Почтеннейший Александр Львович, бывшего секретного агента Михаилу Шипова со всеми показаниями, сделанными им по известному Вам делу гр. Льва Толстого.

Хотя, как известно, Шипов есть такого рода личность, на которую полагаться совершенно нельзя, но важность показаний его требует особенного внимания и не должны остаться без тщательного исследования.

Требуют особенного внимания и указанные им новые личности в окружении Графа.

Все это побудило меня отправить к Вам Шипова для подтверждения всего им доказанного лично и для принятия необходимых мер со стороны Вашей.

Пользуюсь случаем, чтобы уверить Вас в истинном моем уважении и душевной преданности.

П. Тучков

Управляющему III Отделением Его
Превосходительству Генерал-Маиору Потапову

Сего числа в 12 часов дня по приказанию Вашего Превосходительства в Штабе Корпуса Жандармов принят мною арестованный, временно обязанный крестьянин Князя Александра Васильевича Долгорукова, доставленный из Москвы от Московского Военного Генерал-Губернатора Подпоручиком Ловягиным. И помещен в № 2 старого здания.

О чем Вашему Превосходительству имею честь почтительнейше донести.

Дежурный по штабу прапорщик Латухин

Квитанция

Дана сия Квитанция из III Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии служащему в Штате Московской полиции Г-ну Подпоручику ЛОВЯГИНУ в том, что доставленный им в сие Отделение крестьянин имени Князя Долгорукова Михаил ШИПОВ в сем Отделении принят 29 Июня 1862 г.

Дежурный чиновник
Коллежский Регистратор Полонянкин

(Из письма Московского генерал-губернатора
Тучкова — Московскому обер-полицмейстеру Крейцу)

...Милостивый Государь, Генрих Киприянович. Нынче же все свершилось и наше с вами несчастье отправлено в Петербург. Вроде бы и с души спало, и вот почему: усмотрел я, любезный мой, в путаных и престранных показаниях этого чудовища некую правдоподобность. Не могу Вам точно всего объяснить (пока), но что-то мне подсказывает, говорит, что нельзя ото всего отмахиваться разом. Хотя я, Вы знаете, относился и отношусь ко всей этой затее скептически, без должного доверия, однако чувствую нутром, что что-то там такое есть, что это не просто лживые домыслы, а нечто отчасти справедливое. Полагаю, что Генерал Потапов со свойственными ему обхождением и опытом сумеет лучше разобраться, что к чему. Я жуликов видал на своем веку, Милостивый Государь, но этот другого сорту, и я даже усмотрел в отдельных его действиях старание и усердие.

Вообще же я, признаться, устал от этой истории, и только маленькая надежда на успех, рожденная не разумом, не сердцем, а чем-то более высшим, побуждает меня продолжать тяжкий мой труд и соучаствовать в сем поиске...

(Московский жандармский
полковник Воейков — Тульскому жандармскому полковнику Муратову)

...снял показания. Представь себе, случай гораздо сложнее, чем казался на расстоянии. Когда я его допрашивал после дурака Шляхтина, в нем не было ни страха, ни обреченности, а какой-то даже порыв и даже детское недоумение. Судя по всему, положение в «Ясной» не так уж невинно, ведь дыма без огня не бывает. И тебе следовало бы, оставив фантазии, заняться этим как следует, покуда не грянуло.

Шеншин также недоумеваает после допроса и говорил мне, что мы погорячились, считая его мистификатором.

Конечно, доля вымысла и вранья в Зимине, как и во всяком мужике, присутствует, но это легко отделимо одно от другого, ложь и истина, у него это все на ладони.

Покуда из Петербурга вестей нет. Представляю, какой там вновь начнется ураган. Шутка ли, только что решили его арестовать, а он исчез, только решили изловить, а он сам является и вновь подтверждает свою историю со всей правдоподобностью! Ты теперь самый основной его антагонист в глазах высшего начальства, боюсь, он тебя (ежели ты не примешь мер) осилит...

(Из записки князя Долгорукова — генералу Потапову)

...по глазам Вашим видел, что Вы тоже поддались общей панике и склонны сомневаться в общем нашем деле. Ну что ж, любезный Александр Львович, я, как говорится, умываю руки. Теперь Вы видите, что дело было затеяно не зря и, что самое главное, вовремя. Что же касается донесений Полковника Муратова, то я рекомендую Вам разобраться в этом. Ни о каких наградах и поощрениях не может быть и речи. Этот человек безумен, и вот Вам достойное подтверждение сему.

...Я помню Шипова как преданного слугу и теперь раскаиваюсь в минутном сомнении, охватившем меня. Побольше бы таких людей, и мы бы гарантировали полное спокойствие в Отечестве...

(Из неофициального письма
полковника Муратова — Московскому жандармскому полковнику Воейкову)

...прочел твое письмо с крайним изумлением. Сами вы все, Дмитрий Семенович, пообезумели. Вы все безумцы! Теперь я говорю это с полным пониманием, ибо других слов у меня уже нет. Вы все сошли с ума. Я, чтобы не помешаться в рассудке заодно с вами со всеми, испросил нынче у Начальника Губернии разрешение на отпуск и убываю в неизвестном направлении, подальше от вашего безумства, туда, где покой, тишина и только хоры птиц да ангелы слышны. Начальник Губернии разрешил мне нынче отпуск, и я исчезаю в неизвестном направлении, подальше от вашего безумства туда... Хорош Потапов, нечего сказать, поверил пройдохе, которого я здесь вывел на чистую воду... в неизвестном направлении подальше от ваших безумств туда... Представь, нынче же отправляюсь в отпуск!

СЕКРЕТНО

III Отделение Собственной
Его Императорского
Величества Канцелярии
г. Санкт-Петербург

Господину Полковнику Корпуса Жандармов Муратову

В III Отделении считают возможным продолжать руководствоваться показаниями секретного агента М. Зимина. Положение, создавшееся в имении Графа Толстого, стало угрожающим. Благодаря Вашему попустительству деятельность известной группы лиц превзошла все предположения. Его Сиятельство Князь Долгоруков крайне недоволен Вашей службой.

Предписываю Вам впредь до особого распоряжения не вмешиваться своим участием в деятельность III Отделения и Жандармского Корпуса, направленную на искоренение известного Вам заговора.

За сохранение тайны операции несете личную ответственность.

Генерал-Маиор Потапов

(Из письма Л. Н. Толстого — Т. А. Ергольской)

...Вот уж месяц, как я без всяких известий о вас и из дома. Пожалуйста, напишите мне о всех... Мы с Алексеем толстеем, в особенности он, но кашляем немного, тоже в особенности он. Живем мы в кибитке, погода прекрасная... пишу мало. Леня одолевает при кумысе. Через две недели я намерен отсюда выехать и потому к Ильину дню думаю быть дома... Целую ваши руки...

(Из официальной записки генерала Потапова — князю Долгорукову)

...Я полностью с Вами согласен, Ваше Сиятельство, что время проектов и наблюдений должно наконец смениться решительными методами. Нельзя откладывать ни на минуту их проведения. Полагаю, что наилучшим способом пресечь заговор может быть непосредственное установление истины на месте, то есть в имении Графа Льва Толстого Ясная Поляна, с каковой целью отправить туда опытных в дознании людей для производства осмотра имения.

Ежели Вы одобряете сию меру, позволю себе рекомендовать для осуществления ее Господина Полковника Дурново, человека, на мой взгляд, весьма решительного...

ВЕСЬМА СЕКРЕТНО

Господину Полковнику Корпуса Жандармов Дурново

В III Отделении Собственной Его Императорского Величества Канцелярии получены следующие сведения:

В принадлежащем Графу Льву Николаевичу Толстому, в Тульской губернии, сельце «Ясная Поляна», проживают около 30 (40) студентов разных Университетов, некоторые без письменных видов, занимая там должности учителей сельских школ и писарей в волостных правлениях; по Воскресным же дням собираются все они у него, Графа Толстого, и хотя цель этих собраний и предмет бывающих там суждений не известны, но собрания сии возбуждают подозрение, тем более, что Граф Толстой других своих знакомых и соседей принимает вообще очень редко.

На четвертой неделе Великого Поста привезены были к нему в означенное сельцо из Москвы литографические камни и краски для печатания, как говорят, запрещенных сочинений. Предположено начать печатание в Августе месяце, и предполагается печатать какой-то материал, который был предварительно посылаем за границу.

Дом Графа Толстого охраняется в ночное время значительным караулом, а из кабинета и канцелярии устроены потайные двери и лестницы.

К Графу Толстому приезжают часто продавцы разных товаров из Стародубских слобод, остающиеся у него иногда по два дня.

При нем находится человек в качестве курьера, посылаемый часто по трактам к Москве и Харькову.

Находя по настоящим обстоятельствам сведения эти весьма важными и признавая необходимость удостовериться, в какой степени оные справедливы, я предписываю Вашему Высокоблагородию отправиться в Тульскую губернию и сделать надлежащее дознание по сему предмету при содействии местных чиновников, о назначении которых предлагаю обратиться к Начальнику губернии Генерал-лейтенанту Дарагану, предъявив прилагаемое мое отношение за № 1595 и доложив ему словесно о пору-

чении, на Вас возлагаемом. По окончании же сего дознания, если по оному откроется что-нибудь противозаконное, передать виновных в распоряжение Полиции и довести о том до сведения подлежащего Начальника губернии для производства формального следствия, при котором поручаю Вам находиться со стороны Корпуса Жандармов.

О последующем я буду ожидать донесения Вашего Высокоблагородия.

Генерал-Адъютант Князь Долгоруков
Верно: Колл. Секретарь В. Покровский

Когда поздний вечер наконец растворился, отцарствовал, отшуршал, а на смену неумолимо приблизилась полночь с прохладой и росой; когда птицы отшумели, укладываясь на покой, и теперь уже спали и только случайный стон какой-нибудь из них напоминал, что это вокруг все же живое царство; или внезапно последний обезумевший соловей начинал свои неуместные в июле трели, но тоже испуганно смолкал; когда даже волки, сытые и потому полные благородства, отсиживались неизвестно где, — вот тогда в невозможной тишине, в первозданном безмолвии, вдруг послышались далекие бубенцы, которые все приближались, приближались, сливаясь в чудный хор меди и серебра, и на слабо освещенной молодым месяцем дороге показалась почтовая тройка. Она вынырнула из-за поворота, вздымая то ли пыль, то ли клубы ночного тумана, призрачная, меняющая формы, плоская, словно детский рисунок, влекомая странным чудовищем со множеством ног, никем не понукаемым, не погоняемым. За нею следом появилась вторая, за второй — третья, и все они понеслись дальше, оставив за спиной уснувшую, разморенную июлем Тулу.

Кто находился в этом странном поезде и находился ли кто, различить было невозможно, пока наконец, верстах уже в двух от Ясной Поляны, первая тройка не остановилась. Остальные тотчас остановились тоже, и из первой кареты сошел на пыльный тракт маленький человечек и отер худенькую шею кружевным платком. Он был в белом мундире и так узок в плечах, что эполеты казались крыльями. Лицо жандармского полковника Дурново разглядеть было трудно, однако длинные усы и большие грустные глаза угадывались весьма.

— Разомните ножки, господа, — сказал он приятным густым баритоном и засмеялся.

И тотчас из всех карет полезли, запрыгали, начали выкарабкиваться какие-то неведомые фигуры; в призрачном полночном свете нельзя было установить их числа, ибо они удваивались, утраивались, учетверялись, их было множество, и становилось все больше, и уже перевалило за сотню.

Полковник приложил палец к губам, и все слетелись к нему, словно железные пылинки к магниту.

Высоченный, костлявый и франтоватый, становой пристав Кобеляцкий обычно в таких случаях пригибался к самой земле, чтобы не пропустить ни одного слова, сказанного полковником, затем распрямлялся, подобно колодезному журавлю, и отходил на негнущихся ногах, благоговейно кивая головой. И на этот раз он изогнулся в три погибели, с вниманием вглядываясь в лицо маленького полковника, почти касаясь его носом. Но способность запоминать услышанное была в нем, видимо, значительно слабее горячего желания быть полезным, ибо едва он распрямлялся и отходил прочь, как тотчас тайные страсти начинали бушевать в нем, и он застывал на месте, прислонившись к чему-либо, видя перед собой только столик, только под зеленым сукном, на котором, зловеще улыбаясь, замерла дама червей, и попутно мечтая о серебряной сабле, полученной из рук наследника-цесаревича.

Крапивенский исправник Карасев был толст, покладист и ленив, но сейчас находился в раздражении, потому что двое суток как был поднят с постели распоряжением губернатора и носился с маленьким полковником по Туле, а теперь трясся на почтовых и должен был поминутно выскакивать из кареты, бежать, выслушивать приказания, повторяя после каждого слова: «Так точно, ва-шескородие...»

И другие жандармы, и понятые, и прочие толклись вокруг Дурново, как мотыльки у огня, и перебирали ногами в вечном танце алчущих милостей.

И только один Михаил Иванович стоял чуть поодаль, с ужасом вглядываясь в сизый полночный мрак, где ему мерещились по обе стороны от дороги смутные очертания двух дубов, одного старого, а другого молодого, и особенно этот молодой терзал его душу, напоминая, как именно на нем, на его верхушке, тонкой, как рука ребенка, он прощался с жизнью в трескучую февральскую ночь. Тогда судьба была к нему, однако, милостива и не отдала его в волчьи лапы, так неужто теперь все рухнет, неужто отсрочка, которую он выбил в Петербурге и Москве, только отсрочка, а не вечный отныне праздник?

— Господа, — сказал маленький полковник, — дело предстоит нам нешуточное... — И по-суворовски поднял над головой руку в белой перчатке. — Усердия не жалеть, живота не щадить! Враг хитер, да мы хитрее. Чтобы ни один колокольчик не звенел. Ворвемся внезапно. Шипову разведать подъезды. Подать сигнал. Все по местам!

Через несколько минут зловеший поезд двинулся в путь. Колокольчики молчали.

Михаил Иванович сидел во второй карете рядом со станowym приставом Кобеляцким и крапивенским исправником Карасевым.

— Какой сигнал подать? — спросил Михаил Иванович.

— Петухом крикните, — шепотом сказал Кобеляцкий и спросил: — Как же вас угораздило впутаться в это предприятие? Вы что, действительно родственник их сиятельства?

— Ах, мон шер, — сказал Шипов тоже шепотом, — о каком сиятельстве вы рассуждаете? То есть вы, конечно, о князе, а ежели о графе Льве Николаевиче, то я тут и сказать вам ничего не могу, как меня все считают родственником, ровно у меня это на лице написано... Да рази ж я за него держусь? Вот он с крестьянскими ребятами нынче на кумысе прохлаждается. Я их сам, шерше ля фам, провожал, ручкой махал, а теперь, стало быть, вот... Мне это теперь пуще вострого ножа, но я их величеству присягал, а как же... Теперь я вроде бы их слуга... А вы, может, подумаете, что я ради себя пекусь?

— Чей слуга? — не понял пристав.

— Да их же, — пояснил Шипов.

— Ну, поехали, — засмеялся Карасев. — Чего это вы все объясняете? Сейчас прибудем, велим уши из ершей сварить. У них в пруду ершей несметное число...

— Ерши в пруду не живут, — сказал Кобеляцкий. — А хотел бы я поглядеть, как граф дом свой содержит. У него, наверное, уж ежели вистуют, так уж вистуют... А вы что же это, любезный, родственника своего выдаете? Срам какой...

— Я присягу давал, — сказал Михаил Иванович. — Я ведь вам и говорю, как мне это ровно нож вострый, но уж коли я присягал, так куды ж теперь?

— Ну вот, поехали, — рассердился Карасев, — все объясняет и объясняет... Граф известно какой человек: затаился, гостей не жалует. Что-то там такое сочиняет. Я к нему, бывало, заезжал, так чтобы в комнаты ихние зайти, этого не случалось, не приглашали... А ерши у них живут.

«Мне бы, дураку, от кареты тогда не отказываться, — подумал Михаил Иванович, вспоминая Московскую дорогу и свой безумный марш. — Может, пил бы сейчас с графом кумыс али еще чего...»

— Караси — да, — сказал Кобеляцкий, — а ерши там не водятся. Да почему он вас стал бы приглашать? Что вы за птица?

— Ну, поехали, — обиделся Карасев, — птица... Я исправник, а не птица.

— А он граф.

— Вот сейчас в усадьбе-то и поглядим, какой он, граф...

Мягкая, расслабляющая рука коснулась Шипова, и ему не захотелось больше ни разговаривать, ни печалиться. После арестантских хором ночь казалась раем, сиденье в карете радовало, горькие мысли почти не посещали, лишь едва ощутимая тревога проросла где-то в глубине: как оно там сложится, первое свидание с Ясной?

Внезапно карета снова остановилась.

— Ну, пора, — сказал Кобеляцкий и подтолкнул Шипова: — Бери след, любезный. Шерш!

Михаил Иванович вывалился из кареты. Как и было решено, он занял место во главе поезда и затрусил по дороге. Кареты тронулись за ним. Бежать было легко, воздух был чист и прохладен, листья на деревьях не шевелились.

Куда бежит человек? Навстречу счастью или несчастью? Где же Ясная — свет очей, вместилище радостей и печалей? А что там? Чего ему там? Ждут его там али так сам он бежит? Ах ты Господи, да граф же там, Лев Николаевич, а как же!.. Ну ладно, граф... А чего граф? Чего ему от графа надо? Али должен он ему чего? Чистый трень-ен... Куды ж бежать?..

В темноте ничего не было видно. Как ни старался Михаил Иванович разглядеть хоть какой-нибудь намек на близкую усадьбу, кроме силуэтов деревьев да смутной ленты дороги, ничего не было видно.

А надо было съездить в Ясную! Надо было поглядеть, как там в ней, чего, кто там в ней... Ну, куды бежать?..

За его спиной послышалось частое дыхание, приближающиеся шаги, и длинноногий пристав Кобеляцкий, нагнав его в два прыжка, побежал с ним рядом.

Кобеляцкий. Ну, и долго вы думаете так бежать?

Шипов. А чего? Али я, лямур-тужур, плохо бегу?

Кобеляцкий. Вы куда бежите?

Шипов. Известно, в Ясную... Как их высокоблагородие велели...

Кобеляцкий. А где Ясная?

Шипов. А эвон она...

Кобеляцкий. Где? Где? Не вижу...

Шипов. Эвон...

Кобеляцкий. Вы же пробежали мимо поворота!

Шипов. Виноват... Что же это я?..

Кобеляцкий. Так я и должен с вами тут носиться!

Они развернулись и затрусили обратно. У поворота на усадьбу темнели кареты. Фыркали лошади. Белая перчатка полковника Дурново поманила из оконца.

— Вы мне всю диспозицию путаете! — прошипел полковник. — Я же сказал подать сигнал... (*Кобеляцкому.*) Распорядитесь, чтобы все приготовили оружиею. Шипов уже трусил по аллее усадьбы. Столетние великаны тянули к нему свои ветви. Слева, видимо, на пруду, разорялась лягушка с тоской и безысходностью. Постепенно мрак слегка поредел, словно какой-то сказочный, неуловимый свет пал с неба. Дорога была пустынна.

Как хорошо, что она пустынна и тиха и нету ни охраны, ни засады! Как славно спит усадьба в июльскую ночь, не внимая осторожным шагам секретного агента. Да полноте, секретный ли агент? А может, это мышка серенькая трусит рысцей по столетней аллее, трюх-трюх-трюх, вытягивая шейку, втягивая ноздрями влажный аромат затаившегося недалекого пруда? А ведь воистину это мышка серенькая здесь, на

земле графа Толстого, почти родственника и благодетеля. А ведь вполне можно было раньше бывать у него неоднократно, кофей пить, беседовать о том о сем, мало ли о чем... Вон Гирос, итальянец чортов, грек, прощелыга, Амадеюшка, он-то ведь ездил... Али вздор это все? Консومه? Трюх-трюх-трюх... А могло быть и так, что граф и впрямь расщедрился бы и так запросто: «Пожили бы у меня, Михаил Иванович. Пяточки-то небось болят бегамши...» — «Что вы, ваше сиятельство, Господь с вами, как я могу вас стеснять?» «Помилуйте, что ли стеснение? Да я буду рад видеть вас ежедневно. Кто вы, я вас не спрашиваю. Живите, да и все тут». — «Премного вам благодарны. Мне ведь лямур-тужур, немного надо, а пяточки и впрямь болят, набегался я». — «Вот и славно, вот и хорошо... Я вам и процент с доходов выделю. Живите себе. Мне не жалко...» Тут можно будет сразу тот прежний костюм из коричневого альпага откупить, панталоны цвета беж... трюх-трюх-трюх... Вечером можно по аллейке этой самой плечо к плечу...

Михаил Иванович и сам не заметил, как перешел с рысцы на медленный шаг. Медленно так, прогуливаясь, двигался, окруженный столетними великанами, чуть склонившись в правую сторону, где будто бы вышагивал рядом с ним граф, и так они шли, покуда не показался из-за деревьев приземистый дом, пока кто-то не прикоснулся к его плечу...

Михаил Иванович обернулся — становой пристав Кобеляцкий тяжело дышал за его спиной.

— Ну что? — спросил он. — Что?

— Хорошо, — сказал Шипов, возвращаясь с небес.

— Чего же вы сигнал-то не подаете? Кричите же!

— Эй! — робко крикнул Михаил Иванович.

— Петухом, петухом! — потребовал Кобеляцкий.

«Батюшки, а ведь и впрямь петухом надо», — подумал Шипов, и набрал воздуха в грудь, и дунул... Получился странный, хриплый вскрик, а больше ничего.

— Да что это вы, будто боров! Петухом надо... Кобеляцкий вытянул шею, приподнялся на носки, и резкий крик молодого драчливого петуха прорезал ночную тишину, и при этом становой пристав поддал локтями себе под бока, подобно утреннему кочету, не знающему возражений в своем курятнике. И тут же не таясь из тьмы с грохотом вырвались почтовые тройки и покатили на барский двор.

Сердце Шипова пронзила острая боль, едва они, развернувшись и вздымая прохладную пыль, остановились у крыльца дома. Тонкая игла впиалась в самое сердце, но отчего — было не понять. Она кольнула лишь один раз, и тотчас боль прошла.

Пышное воинство посыпалось из карет, уже не пытаясь соблюдать осторожность. Сначала темный двухэтажный дом был безмолвен и глух, затем заколебался свет в одном из окон, за дверью послышались торопливые шаги.

Полковник Дурново в призрачном свете возможного утра простер ручку в белой перчатке. Речь его была кратка.

— Господа, пусть каждый исполнит свой долг. Действовать без промедления.

Часть жандармов немедленно устремилась во тьму, к флигелю, остальные во главе с полковником подступили к дверям.

Со странным чувством глядел Михаил Иванович на дверь графского дома. Так вот он какой, этот дом, не раз помянутый и описанный. А Амадеюшка-то врал, будто четырехэтажный! Врал, каналья длинноногая... Ну-ка, ну-ка, каков он взаправду-то? Ему почудилось, что он здесь уже бывал, у этой самой двери, и граф сам выходил к нему навстречу, и сейчас он откроет дверь и выйдет, хотя ведь он на кумыс уехал... А эта нестройная толпа случайных людей, жаждущих ворваться в чужие покои, да чего это они все? Али других забот мало? Спали бы... Так нет же, им надобно службу исполнять, в дверь эту врываются, памятуя о донесениях. А чего он, Шипов, там писал? Чего,

чего? Чего он там, аншанте, выдумывал? Зачем, зачем? Куды ж вы в чужой дом-то, люди. Этот вот, лопухий, кусточек сапогом сломал и стоит на нем.

— Сойди с куста! — зашипел Михаил Иванович на жандарма.

— Виноват, — сказал жандарм, но не пошевелился.

В этот момент распахнулась дверь, и снова игла кольнула в самое сердце.

Молодая девушка в чем-то белом до пят стояла на пороге со свечой. Брови ее были высоко вскинуты, глаза широко раскрыты, с губ готов был сорваться крик ужаса при виде несметного полчища во главе с маленьким, худощавым, решительным полковником.

Дурново, отстранив девушку, первым направился в дом. Остальные с грохотом повалили следом.

Михаил Иванович за ними не торопился и стоял перед девушкой с чувством вины. Он снял котелок и изысканно поклонился:

— Здравствуй, Маруся.

Грустный его тон и учтивые манеры привели девушку в чувство, хотя ужас продолжал блуждать в ее глазах, и рот оставался полуоткрытым, и во всем ее облике сквозило недоумение ребенка, разбуженного среди ночи чужими людьми.

— Ты не бойся, — сказал он. — Эвон ты как дрожишь-то вся... Граф-то не вернулся?

— Нет, — сказала она с трудом.

— Слава Богу, пуцай он там гуляет. Ты не бойся. Я тебя в обиду не дам. Иди спи, Маруся...

— Меня Дуняшей зовут, — сказала она, совсем успокаиваясь. — А чего вам надобно? Чего вас столько понаехало?

— Иди спать, иди, Дуняша, касаточка, мы не злодеи какие-нибудь, мы власть, — сказал он нетвердо, жалея Дуняшу, себя, эту мирную усадьбу. — Иди, иди, я тебя в обиду не дам.

Из дому женский голос кликнул Дуняшу, и она исчезла. Шипов вошел тоже.

В доме уже во множестве горели свечи, слышались голоса, хлопали двери, скрипели половицы под сапогами, двигалась мебель, словно дом готовился к большому переезду.

Михаил Иванович подумал, что усадьба хороша, просторна, хотя и поменьше, чем у князя. В прихожей на грубой вешалке висел белый картуз и рядом суковатая палка с загнутым концом. Тянуло свежим дымком (видимо, растапливали печь), палеными перьями и еще чем-то. По деревянной лестнице, придерживая саблю, сбежал длинноногий пристав Кобеляцкий, бледный, с горящим взором.

— Где вы там? — крикнул Шипову. — Вас ищут!

Михаил Иванович, не шибко спеша, поднялся по лестнице и пошел на голоса. В проходной комнатке лопухий жандарм вывалил из сундука пухлые альбомы и позеленевшие подсвечники; книги с распахнутыми страницами лежали там и сям в беспорядке, подобно убитым птицам. Жандарм уронил подсвечник, и глухой бронзовый звон разнесся по дому, и опять игла на мгновение впилась Шипову в сердце.

— Ты чего это, прощелыга, раскидался! — крикнул он жандарму. — Вот я тебе...

— Виноват, — сказал жандарм, но подсвечника не поднял.

В большой комнате за овальным столом сидел полковник Дурново, торопливо листая множество книг и тетрадей, сваленных на столе в большую кучу. Маленькая рука в белой перчатке порхала перед его носом, дирижируя какому-то невидимому оркестру, глаза вспыхивали из-под густых ресниц, две маленькие ножки в новых сапогах, не достигая пола, болтались в воздухе и терлись одна о другую. Бледная старушка в ночном чепце, прижимая к глазам платок, полулежала на диване. Возле нее

сидела плачущая Дуняша. Вокруг сновали жандармы. Сонные понятые сидели кто где. Становой пристав Кобеляцкий шарил в шкафу, стоя на коленях.

Дуняша. Дозвольте выйти, дяденька...

Кобеляцкий. Я ведь тебя учил: их высокоблагородие господин полковник, а не дяденька.

Дуняша. Пустите к их сиятельству, у них же дети...

Дурново. Мне очень неприятно, но графиня должна явиться тоже. (*Кобеляцкому.*) Пригласите ее сиятельство... Сожалею.

Шипов. Вот он я.

Дурново (Карасеву). Что это мне подсовывают какие-то романы и письма! Где типография?

Кобеляцкий (возвращается). Графиня сейчас выйдут.

Дурново. Где этот Шипов? Где типография?

Шипов. Вот он я.

Дурново. Где это вас носит? Где же типография? Не вижу.

Шипов (безразлично). Тама...

Дурново. Где это тама?

Шипов. Эвон...

Дурново. Что за эвон? Вы не кивайте на все стороны, а ведите меня...

Михаил Иванович усмехнулся в душе и медленно пошел вокруг стола. Полковник и становой двинулись следом. Они спустились по лестнице, обошли прихожую» раздражаясь от запахов, идущих из кухни, снова взошли по лестнице, прошли через залу, мимо плачущей Дуняши и старушки в ночном чепце, зашли в темную комнату, крикнули принести свечи. Наконец их принесли, и все озарилось: кровать, комод, два кресла, столик на кривых ножках.

Дурново. Здесь?

Шипов. Кажись, здесь.

Кобеляцкий. Ваше высокоблагородие, я вот о чем думаю: а не злая ли шутка все это? Ну где здесь?.. Конечно, граф человек вредящий, от него можно всего ждать, но уж типография...

Дурново (с досадой). Что вы мне со своими сомнениями... (*Шипову.*) Ну где же? Где?..

Шипов. Была вроде бы здесь.

Кобеляцкий. Странно.

Шипов. Может, перенесли?

Дурново. Позвольте! Вы же доносили, что в подвале...

Шипов. И верно...

Дурново. Какой вздор! (*Жандарму.*) Отправляйтесь и переверните все подвалы. Чтобы у меня была типография вот здесь! — и полковник показал свою маленькую ладонь.

— А после этого можно и вистик устроить, — сказал пристав Кобеляцкий.

Жандарм как угорелый бросился исполнять приказание. Михаил Иванович увидел, как его, Шипова, в наручниках увозят из Ясной Поляны.

В это время в залу вошла графиня Мария Николаевна, еще молодая, невысокая, несколько располневшая, с крупным ртом и пронзительными глазами.

— Господин полковник, — сказала она решительно, — поверьте, что брат найдет способ наказать вас. Вы ворвались в чужой мирный дом и ведете себя здесь как завоеватель. Я напишу письмо государю.

— Ваше сиятельство, — нахмурился полковник, — прошу вас посидеть на диване, пока мы не закончим обыск. — Он жестом пригласил к столу Кобеляцкого, Карасе-

ва и Шипова. — Я не виноват, что здесь занимались недозволенной деятельностью. Я выполняю свой долг.

Кобеляцкий. Ваше сиятельство, Мария Николаевна, да будет вам, ей Богу... Все обойдется.

Полковник. Вы, господин пристав, большой добряк. Вы не должны быть снисходительным к заговорщикам!

Мария Николаевна. Это я заговорщица?! Вы просто безумны, вот и все. Вы оскорбляете меня, весь дом и вообще все вокруг...

При этих словах графиня Мария Николаевна с гневом отворотилась. Дуняша исчезла. Михаил Иванович глядел исподтишка на Марию Николаевну с восхищением и тревогой (Куды Матрене-то!..), знакомая игла прошила сердце.

Тетушка (Марии Николаевне). Я все-таки в толк не возьму, чего им надобно, Маша. Вы узнайте, чего им надобно. Чего им надобно от Леона и ото всех нас...

Полковник (Кобеляцкому). Попросите их не переговариваться.

Кобеляцкий. Татьяна Александровна, Мария Николаевна, их высокоблагородие не считает возможным...

Мария Николаевна. О чем вы спрашиваете? Вы разве не видите, что это переодетые разбойники?

Тетушка. Когда я услышала, что кареты въезжают, я решила, что это Леон... А оказывается..

Мария Николаевна. Это грабеж, и они за это ответят.

Шипов (Карасеву). Когда я жил на доходы с этого имения...

Карасев. Ну, поехали... Граф что, делился с вами?

Шипов. А как же.

Карасев. Это на него не похоже...

В это время ввалились жандармы и доложили, что типографии нигде нет.

Тетушка. Господа, может, вы позволите нам с Машенькой удалиться?

«Эх Марья Николаевна, Машенька, — подумал Шипов, — казните меня, голубушка! Да кабы я знал!.. Весь дом перевертели, разбойники! А какой дом был...» — и он туманным взором оглядел залу, подвергшуюся нападению.

Полковник несколько поостыл или взял себя в руки.

— Ну, — сказал он Шипову тихо, — где же ваша типография?

— Лямур... — сказал Михаил Иванович.

— В каком смысле?

— Аншанте совсем... Может, в пруду утопили...

— Это может быть, ваше высокоблагородие, — сказал Карасев. — У них пруд большой-с. Вполне.

— А подвалы? — спросил полковник. — Как же с подвалами будем?

— Дозвольте, я гляну, — предложил Шипов. — Я мигом.

— Ну ладно, — согласился Дурново. — Гляньте, гляньте...

— А после можно и повистовать, — сказал Кобеляцкий.

Михаил Иванович увидел, как его в наручниках увозят из Ясной Поляны, ринулся прочь из залы, скатился с лестницы и оказался на дворе. Не теряя времени, он забежал за ближайšie кусты и упал в прохладную траву. Утро занялось вовсю. Пели птицы. Солнце готово было выкатиться из-за деревьев, чувствовалось, что оно краснеет, набухает, наливаются; слышно было, как приходят в себя травинки после глухой ночи, как берутся за дело кузнечики, мухи, жуки, шурша, гудя, звеня и потрескивая в чистом воздухе, наслаждаясь своей свободой, не завидуя людям, копошащимся в чужом доме, в духоте, при свечах, с бесовскими ужимками и ухищрениями, переполненными коварными замыслами и любовью подавлять других.

Он лежал в траве. Над ним медленно проплывали розовые утренние облака. Граф Лев Николаевич Толстой в серой дорожной рубаше сидел на траве рядом. Грубая палка с загнутым концом лежала у него на коленях.

— А я, ваше сиятельство, к вам бечь собрался, — сказал Шипов. — Дай, думаю, добегу, где граф кумыс пьет, расскажу, что да как... Я все рассуждаю, в ножки бы упасть, прощения у вас просить, да ведь вы не простите...

— Отчего же нет? — засмеялся граф и погладил Михаила Ивановича по голове. — Чудно мне, ей Богу. Разве ты виноват?

— Не, не виноват, — откликнулся Михаил Иванович с благодарностью. — Рази ж это вина? Вы меня, ваше сиятельство, хоть на вилы подденьте, а по-другому я не мог, пущай хоть совсем мезальянс полный, а по-другому не мог.

— Конечно, конечно, — согласился граф.

— Ежели б я господину полковнику Шеншину не докладывал, что у вас тут типография, они бы мне денег не слали. А куды ж без них? За квартиру вдове этой дай, Гиросу, прощельге, дай, Матрене послать надо? Надо. Опять же сюртук из альпага, вышить-закусить, того-сего-десятого...

Граф тяжело вздохнул и провел по соломенному хохолку Шипова.

— А они там небось все ищут, — сказал он.

— Ищут, каналы... Все переверотили. Нынче на пруд пойдут, там искать будут.

— А чего ищут-то?

— Типографию, ваше сиятельство, чего же еще.

— А, — опять вздохнул граф, — карасей распугают.

— А ведь не я бы, ваше сиятельство, а другой кто, так еще похуже было бы, такое аншанте написал бы, не приведи Господь! Как они там желают, так мы и стараимси...

— Что-нибудь нашли? — спросил граф шепотом и вдруг запел:

...Зачем тебе алмазы и клятвы все мои?

В полку небесном ждут меня.

Господь с тобой, не спи...

Шипов раскрыл глаза. Перед ним сидела торговка пирожками с обрюзгшим лицом и розовыми губами.

— Тсссс! — зашипела она. — Нашли чего?

— Нет, — сказал Шипов, не удивляясь. — А граф-то где?

— На кумысе... Слава Богу, что не нашли... А вы-то, батюшка, чего спите? Искать надо...

Михаил Иванович глянул сквозь кусты. Двор перед крыльцом весь был уставлен каретами, подводами. Фыркали лошади. Толпились мужики, бабы, переговаривались вполголоса. Гул стоял вокруг, и уже не стало слышно ни птиц, ни кузнечиков.

— Неужто найдут? — спросила торговка пытливо.

— Не, — ответил Михаил Иванович равнодушно, — нечего находить.

— Слава Богу, — обрадовалась торговка и погрозила секретному агенту пальцем. — Уууу, плутище, погоди у меня!

Михаил Иванович поднялся и юркнул в дом. Дуняша, в голубом платъице, в мочках ушей красные ниточки, встретила ему.

— Здравствуй, Дуняша, — сказал он, — барыни-то все мучаются?

— Мария Николаевна спят, — сказала Дуняша, — а тетенька ихние рядом сидят.

— А эти-то?

— А эти на пруд собрались искать там чего-то, а после захмелели и спать легли.

— Так ничего и не нашли? — спросил Шипов.

— Не, не нашли... А чего они ищут? Чего вы ищете? Барыню обидели, тетеньку ихнюю.

— А ты не пужайся, я тебя в обиду не дам, — сказал Михаил Иванович. — Пушай они ищут, а ты не пужайся... Вон ты какая вся ладная...

— А я и не боюсь, — засмеялась Дуняша, польщенная его словами. — Чего мне бояться?

Мелькнули красные ниточки в мочках ушей. Голубой мотылек улетел. Полный благоговения и тихой радости, Шипов бесшумно поднялся по деревянной лестнице в залу.

Восемь хмурых молодых людей сидели на диване и в креслах. Лопоухий жандарм стоял в дверях на карауле.

«Студенты, — догадался Михаил Иванович, — учителя...»

— Отчего же мало? — спросил он жандарма.

— Все, какие были, ваше благородие, — отвечивал лопоухий.

«А ведь действительно, — подумал Шипов, — откуда им больше-то взяться?»

Учителя оглядели секретного агента без интереса, лишь у одного глаза загорелись, и Шипов тотчас его узнал. Тогда, в трактире Евдокимова, в полночном представлении, которое он устраивал в честь будущих своих удач, было не до разглядывания, студент как студент, а теперь он сидел в кресле как на ладони, весь был на виду. Сухощавое, загорелое его лицо с насмешливыми глазами Шипову понравилось, и он улыбнулся собственным воспоминаниям с гордостью за самого себя, за прежнего, а студент сказал:

— И я вас узнал тоже... Вот видите, как люди могут повстречаться.

А там Потап этот, сукин сын, грозил табуретом, лез в драку, пока тяжелая рука Михаила Ивановича не успокоила его.

— Вы, можно сказать, наш заступник. Помните? — сказал студент и подмигнул товарищам. — Это тот, из трактира...

А что ж, когда хозяйский пес, дрожа от невежества, от хозяйской близости, готов разодрать глотку смирному человеку, можно пса и поучить.

— Завсегда готов людям помочь, — сказал Шипов любезно. — Этот пес Потапка, половой этот... да как же, помню, — и засмеялся, — у меня рука тяжелая, не дай Бог.

— Ну ладно, — сказал другой студент, — чего же нас здесь держат?

Ах ты Господи, значит, представление продолжается? И Михаил Иванович, устроив себе отсрочку, может даже чью-то судьбу решать, покуда полковник и становой спят? А как же... Значит, серый сюртук и грязная манишка — это пока еще маячит перед благородными молодыми учителями как знак правосудия и власти? Ваше сиятельство, Мария Николаевна, в душу загляните мою!

Давешняя иголочка легонько так уколола в сердце. Все теперь глядели на него не отрываясь. За спиной слабо шевельнулись крылья. Он поднял над головой руку, зеленые глаза его, совсем было потухшие, вдруг вспыхнули.

— Ах, господа, — сказал он, — может, Бог меня послал вам в утешение. Лямур?.. Что скажете?

Они сидели все так же угрюмо, и выходка Михаила Ивановича не тронула их. Тогда он крикнул жандарму:

— А ты чего встал? Иди поспи на травке. Без тебя обойдемся...

Жандарм не удивился, не воспротивился. Качнулся в дверях и исчез.

— Ну, — обратился секретный агент к учителям, — и вы косточки разомните... Чего вам здесь сидеть-то? Никакого резону...

Через минуту в зале никого не было. Шипов примостился на диване и тут же сладко зевнул.

Его разбудил пристав Кобеляцкий. Радостно улыбаясь, он сообщил, что все пошли на пруд, ждут его.

— Последняя надежда, — сказал Кобеляцкий. — Ни в доме, ни во флигеле, ни в сараях ничего нет... Прекрасный пикник. Теперь последняя надежда.

Михаил Иванович усмехнулся и теперь уже явственно увидел, как его в наручниках увозят из Ясной Поляны. Ваше сиятельство, Мария Николаевна, простите дурака...

У пруда собрались уже все. Был полдень. Солнце пекло невыносимо. Мужики и бабы из окрестных деревень собрались, как на ярмарку. Полковник Дурново сидел на взгорке в плетеном кресле под тенью молодой липы. Фуражку он держал в руке, маленькое его лицо пылало, тонкая шея тянулась из воротника, готовая выскочить из него и мчаться туда, где два жандарма, закатав панталоны, готовились с бреднем зайти в воду. Здесь же, неподалеку от полковника, расположилась прямо на траве знакомая торговка с розовыми губами. Становой пристав Кобеляцкий стоял у самой воды, вглядываясь из-под ладони в самую середину пруда, словно там, на мутном его дне, надеялся различить очертания злополучного типографского станка. Учителя стояли группой, о чем-то беседуя.

Гомон вокруг стоял отчаянный, так что все птицы улетели поближе к лесу. Все ждали сигнала.

— Господин исправник, — сказал Дурново Карасеву, — если они найдут станок, сразу берите учителей... Почему вы решили заводить именно в этом месте?

— Вы велели, вашескородие. Берег удобный.

— Ах, да... Ну, так вот, — полковник улыбался, но в глазах гуляло сомнение, — сейчас и начнем. Начнем?

— Пожалуй, — согласился исправник.

— Эй, понятые, — закричал Дурново, — ступайте к воде, к воде...

Группа понятых подступила к самой воде.

— Вода холодная? — спросил полковник.

— Теплая, — хором откликнулись жандармы.

Полковник. Итак, начнем... Где господин Шипов?

Шипов. Вот он я.

Полковник. Глядите хорошенько. Вы, надеюсь, донимаете, что от успеха предприятия зависит и ваша собственная судьба?

Шипов. А как же...

Полковник. Сейчас начнем... Не может быть, чтобы нам не повезло.

Кобеляцкий. Ваше высокоблагородие, пора заводить.

Полковник (Шипову). Кстати, вы настаиваете, что станки в пруду?

Шипов. А как же.

Полковник. Прекрасно. Итак... (*Кобеляцкому.*) Господин пристав, что это вы там разглядываете? Вы думаете, сквозь воду видно? (*Карасеву.*) Где остальные жандармы?

Карасев. На чердаке заканчивают, вашескородие... Пора заводить, вашескородие.

Полковник. Не может быть, чтобы мы не нашли. Не может быть, чтобы мы не нашли... Все на местах? Слушай команду!

Тут лица у всех напряглись. Стало тихо.

Полковник, бледнея, крикнул: — Заводи!

Жандармы с бреднем вошли в воду.

Полковник (Шипову). А вы уверены, что в пруду? Уверены?.. Вы что, голову мне морочите? Отвечайте...

Шипов. Тама, тама, где ж им еще-то быть?

Полковник. Стой! (*Карасеву.*) Погодите... Почему все-таки мы ищем именно в этом месте? Почему?

Карасев. Да вы же сами изволили распорядиться.

Полковник. Да, я сам. Потому что здесь топить всего удобнее. Ну ладно, с Богом! Заводи!

Жандармы двинулись в глубину.

Михаил Иванович усмехнулся невесело, покачал головой и увидел, как он, еще молодой и красивый, в розовой рубашке и новых сапогах, легко летит к берегу озера, где в синей воде топчутся два толстоногих рыбака, выбирая из бредня скользкую пятнистую форель. Рыбу запекает на углях в тесте княжеский повар, укладывает ее на блюдо, украшает луком, укропом, лимонными дольками, устанавливает блюдо на поднос, и Мишка Шипов летит обратно к поляне, где раскинулся княжеский пикник. Затем господа уходят в лес беседовать и аукаться, а Мишка сливает остатки вина, и пьет, и ест запеченную остывшую рыбу...

И вот теперь, подобно тем прекрасным рыбакам, два жандарма вошли в зеленую воду пруда по шейку и остановились, налаживая бредень.

— Давай веди! — крикнул полковник. — Да скорее же... Пошел!

Жандармы двинулись к берегу. Они шли сначала легко, но внезапно приостановились, а затем потянули что-то тяжелое. Толпа на берегу загудела сперва тихо, потом все громче и громче, пока наконец не взорвалась ревом, и под этот рев два жандарма с испуганными лицами выволокли из воды половину прогнившего, покрытого темной слизью тележного колеса.

И снова наступила тишина, и в этой тишине одиноко тоненько и взхлеб засмеялась торговка и крикнула:

— А ну, кому пирожки горячие?

Все глядели на Дурново. Он утирал пот со лба.

Полковник. Господин исправник, велите этой бабе уйти! Прогоните ее... (*Кобеляцкому.*) А вы не хнычьте... Снова заведем. С одного раза ничего не бывает. (*Шипову.*) Ну, где же ваш чортов станок?

Шипов (равнодушно). Где ж ему быть? Воды-то много...

Полковник. Вот именно, много... Проклятая баба! Как противно смеялась! Как противно, как подло...

Кобеляцкий. Ваше высокоблагородие, поведем еще раз?

Полковник. Еще раз? Еще не один раз, любезный. До тех пор, пока не увидим облик удачи!..

Кобеляцкий. Суцая правда... А после можно и повистовать. Я пойду переговорю с графией.

Полковник. Уж эти дамы... Опять начнутся разговоры... Вы им объясните, что, не будь приказа свыше, разве я бы их беспокоил? Объясните... Впрочем, им не объяснишь. (*Жандармам.*) Эй вы, ежели снова потянете колесо или оглоблю, пеняйте на себя! Отойдите правее, вот так.

Дуняша. У нас тут и нет ничего такого.

Полковник. Ах, нет? А ну-ка, погляди мне в глаза... Гляди, гляди...

Дуняша. Да я и так гляжу...

Жандармы зашли в глубину и остановились.

— Внимание, — скомандовал полковник, — пошел!

Жандармы повели бредень.

Полковник. Стой!.. Попалось что-нибудь? Зацепили? А ну-ка, пощупайте... Да не ногой, руками, руками... Есть?.. Нет?..

Шипов. Надо бы две лодки и сеть. Может, они на самой середине лежат. Может, их с лодки скидывали.

Полковник. Вы говорите, их с лодки скидывали?

Шипов. А кто ж их знает, могли и с лодки.

Полковник. Нет, вы мне точно говорите: скинули или нет?

Шипов. Скинули, а как же...

Полковник (Карасеву). Исправник, давайте две лодки и сеть, живо... (*Жандармам*). Ну, чего стали?.. Давай!..

Жандармы вынесли бредень. Он был пуст.

Толпа гудела. Торговка взвизгивала. Полковник Дурново прикрыл лицо фуражкой. Михаил Иванович ходил по берегу, не зная, плакать ему или смеяться.

Через полчаса две лодки скользили по пруду, таща за собой сеть, ныряли в пруд мальчишки; жандармы, посинев от холода, тянули бредень, выгребая из него коряги, гнилые листья да сонных карасей.

Вода в пруду потемнела, волновалась, выплескивалась. Шипову казалось, что это в нем бушуют бури, какая-то неясная печаль вперемежку с тревогой давила грудь, стояла комом в горле. Сквозь листву деревьев белели стены барского дома, вывернутого наизнанку, выпотрошенного, как рождественский гусь, и графиня Мария Николаевна пребывала в одной из разгромленных комнат, ломая, должно быть, руки от обиды.

Михаил Иванович уселся на траву недалеко от полковника, сжимая ладонями горячую голову. Солнце пошло на убыль, тени начали удлиняться. Мужики и бабы тоненькой цепочкой потянулись от пруда, исчезли учителя... Торговка поднялась с примятой травы, подошла к полковнику Дурново и остановилась у него за спиной.

— Господин полковник, — сказала она, — вы просчитались.

— Да, да, — сказал полковник грустно, не поворачивая головы, — я чувствую... Не я это придумал, однако...

— А ведь вы могли использовать опыт местных жандармов, — сказала торговка. — А вы не использовали... Уезжайте, полковник, от позора...

— Мне не велели ни с кем советоваться, — сказал полковник и обернулся. Лицо его исказилось. — Ты это чего?! Это ты несешь тут всякий вздор?

— Господь с вами, батюшка, — засмеялась старуха, растягивая розовые губы. — Я стою себе и стою... — и пошла прочь от пруда.

Шипову старуха показалась знакомой, и он вздрогнул.

— Пошла прочь! — крикнул Дурново, но розовогубая торговка была уже далеко. Она мелькала за кустами, за деревьями, высоко поднимая лоток с пирожками, а Михаил Иванович закрыл глаза и увидел, как его в наручниках увозят из Ясной Поляны.

На пруду теперь уже почти никого не осталось, только полковник Дурново, да Шипов, да два жандарма в неподвижных лодках, да два с бреднем в руках, посиневшие от холода.

Наступила пора прощания. Разбойников никто не провожал. Только Дуняша стояла на пороге в голубом платице, с красными нитками в мочках ушей.

Экипажи были уже готовы.

— Любезная, — сказал Дурново Дуняше, — покличь-ка графиню.

— Они не придут, — сказала Дуняша, глядя мимо полковника, — они заняты...

— Так надо, так надо, — сказал полковник. — Ну, позови...

Дуняша исчезла. Все молча ждали. Наконец появилась Мария Николаевна.

— Ваше сиятельство, — Дурново приблизился к ней и снял фуражку, — я глубоко сожалею о случившемся...

— Вы пригласили меня только для этого? — перебила его Мария Николаевна.

— Нет, нет и нет, — заторопился полковник, — я должен обрадовать вас, графиня: вы и ваш дом вне подозрений. Мы не нашли ничего предосудительного... Позвольте...

Мария Николаевна пожала плечами и ушла в дом.

Все молчали.

Полковник мрачно шагнул к Шипову. — Ну, прошу, — и указал на карету.

— Мерси, — сказал Михаил Иванович и взобрался на сиденье... Два жандарма уселись по бокам.

Через минуту поезд тронулся, и Ясная Поляна исчезла из виду.

Последнее, что увидел Михаил Иванович, когда они проезжали уже через Тулу, была дорогая коляска, влекомая караковым жеребцом. В коляске сидела Дарья Сергеевна, Дася, в темно-вишневом дорогом платье, в такого же цвета шляпе, прижавшись к громадному жандармскому полковнику со знакомыми чертами лица.

На полковнике был белый летний мундир. Розовые губы блаженно улыбались.

Шефу Жандармов и Главному Начальнику
III Отделения Собственной
Его Императорского Величества Канцелярии,
Господину Генерал-Адъютанту и
Кавалеру Князю Долгорукову 1-му

Корпуса Жандармов
Полковника Дурново

РАПОРТ

Во исполнение секретного предписания Вашего Сиятельства я немедленно отправился в г. Москву, где я явился Г. Московскому Военному Генерал-Губернатору для получения от него указаний тех лиц, к которым я мог бы обратиться для получения дальнейших по предписанию Вашего Сиятельства сведений. Генерал-Адъютант Тучков указал мне на чиновника особых поручений Подполковника Шеншина и частного пристава городской части Шляхтина. От первого я не получил никаких сведений, а второй объяснил мне, что Граф Толстой, проживая в Москве, имел постоянные сношения со студентами, замешанными во всякие злонамеренные издания. Зная при этом, что Граф Толстой сам много пишет, и полагая, что он, может быть, сам был редактором студенческих сочинений, частный пристав приказал следить за ним Михаилу Шипову как в Москве, так и по приезде его в его имение в Тульской губернии.

После сего отправился я в г. Тулу, где и вручил отношение Вашего Сиятельства Господину Исправляющему должность Начальника Тульской губернии. Сейчас же была отправлена эстафета к Исправнику и Становому Крапивенского уезда о прибытии в г. Тулу, чтобы ехать вместе со мной в имение Графа Толстого Ясные-Поляны...

По прибытии в село Ясные-Поляны оказалось, что у Графа Толстого проживают в имении 9 молодых людей, все имеющие виды на жительство. Все они занимаются обучением грамотности в школах.

Приступив затем к осмотру всех бумаг, ничего предосудительного не оказалось. В доме Графа Толстого, устроенном весьма просто, по осмотре его не оказалось ни потайных дверей, ни потайных лестниц, литографных камней и станков тоже не оказалось. С посторонними Граф Толстой держит себя очень гордо и вообще восстановил против себя всех помещиков...

Обращение его с крестьянами чрезвычайно просто, а с мальчишками, учащими-ся в школах, даже дружеское.

По прибытии моем в Москву я все обстоятельства этого дела передал словесно Г. Московскому Военному Генерал-Губернатору и получил приказание отправить Михаила Шипова к Приставу городской части Г. Шляхтину.

Полковник Дурново

Его Величеству Государю Императору
Александру II

Ваше Величество!

6-го Июля Жандармский Штаб-Офицер в сопровождении земских властей приехал во время моего отсутствия в мое имение. В доме моем жили во время вакации мои гости, студенты, сельские учителя мирового участка, которым я управлял, моя тетка и сестра моя. Жандармский офицер объявил учителям, что они арестованы, потребовал их вещи и бумаги. Обыск продолжался два дня; обысканы были: школа, подвалы и кладовые. Ничего подозрительного, по словам жандармского офицера, не было найдено.

Кроме оскорбления, нанесенного моим гостям, найдено было нужным нанести то же оскорбление мне, моей сестре и моей тетке. Жандармский офицер пошел обыскивать мой кабинет, в то время спальню моей сестры. На вопрос о том, на каком основании он поступает таким образом, жандармский офицер объявил словесно, что он действует по Высочайшему повелению. Присутствие сопровождавших жандармских солдат и чиновников подтверждали его слова. Чиновники явились в спальню сестры, не оставили ни одной переписки, ни одного дневника непрочитанными и, уезжая, объявили моим гостям и семейству, что они свободны и что ничего подозрительного не было найдено. Следовательно, они были наши судьи и от них зависело обвинить нас подозрительными и несвободными...

Я считаю недостойным уверять Ваше Величество в незаслуженности нанесенного мне оскорбления. Все мое прошедшее, мои связи, моя открытая для всех деятельность по службе и народному образованию и, наконец, журнал, в котором выражены все мои душевные убеждения, могли бы без употребления мер, разрушающих счастье и спокойствие людей, доказать каждому интересующемуся мною, что я не мог быть заговорщиком, составителем прокламаций, убийцей или поджигателем. Кроме оскорбления, подозрения в преступлении, кроме посрамления во мнении общества и того чувства вечной угрозы, под которой я принужден жить и действовать, посещение это совсем уронило меня во мнении народа, которым я дорожил, которого заслуживал годами и которое мне было необходимо по избранной мною деятельности — основанию народных школ.

По свойственному человеку чувству, я ищу, кого бы обвинить во всем случившемся со мною. Себя я не могу обвинять: я чувствую себя более правым, чем когда бы то ни было; ложного доносчика я не знаю; чиновников, судивших и оскорблявших меня, я тоже не могу обвинять: они повторяли несколько раз, что это делается не по их воле, а по Высочайшему повелению.

Для того, чтобы быть всегда столь же правым в отношении моего Правительства и особы Вашего Величества, я не могу и не хочу этому верить. Я думаю, что не может быть волею Вашего Величества, чтобы безвинные были наказываемы и чтобы правые постоянно жили под страхом оскорбления и наказания.

Для того, чтобы знать, кого упрекать во всем случившемся со мною, я решаюсь обратиться к Вашему Величеству. Я прошу только о том, чтобы с имени Вашего Величества была снята возможность укоризны в несправедливости и чтобы были ежели не наказаны, то обличены виновные в злоупотреблении этого имени.

Вашего Величества верноподданный
Граф Лев Толстой

(Из письма
князя Долгорукова — начальнику Тульской губернии Драгану П. М.)

...Государь Император изволил получить от помещика Тульской губернии Графа Толстого всеподданнейшее письмо относительно обыска в Июле месяце, произведенного в имении его «Ясная Поляна».

Мера эта была вынуждена разными неблагоприятными сведениями на счет лиц, у него проживающих, близких его с ними сношений и других обстоятельств, возбуждивших сомнение, однако Его Величеству благоугодно, чтобы помянутая мера не имела собственно для Графа Толстого никаких последствий.

Уведомляя Ваше Превосходительство о такой Высочайшей воле, к надлежащему исполнению и представляя Вам сообщить оную Графу Толстому при личном с ним свидании, прошу Вас вместе с тем передать Графу, что если бы он во время пребывания Полковника Дурново в «Ясной Поляне» находился там лично, то он, вероятно, убедился бы, что Штаб-Офицеры Корпуса Жандармов при всей затруднительности возлагаемых на них поручений стараются исполнить оные с тою осторожностью, которая должна составлять неременное условие их звания.

Примите, Милостивый Государь...

Эпилог

Над Москвой пылало августовское закатное солнце.

Во дворе Суцевской полицейской части вокруг крытой повозки толпились солдаты.

Конвойный офицер еще раз оглядел опасного государственного преступника, которого ему предстояло везти в далекую Сибирь. Это был невысокий человек в арестантской шинели, длинной, до пят, с цепями на руках и ногах. Острый, хищный носик его был слегка вздернут, маленькие глаза посверкивали из-под бровей, тонкие губы насмешливо сжаты, пышные бакенбарды казались красными от закатного солнца и празднично сверкали. Он медленно осмотрел свой конвой и удовлетворенно кивнул, будто обрадовался, что вот, мол, честь какая, сколько народу собралось...

«Эх, — тоскливо подумал конвойный офицер, — какие муки мне предстоят, какая дорога дальняя, а все из-за кого! Чтоб ты сгинул, проклятый мошенник!..»

Конвойный офицер был высок ростом, тощ, большенос и черен. Он приблизился к арестанту и тронул его за плечо, но тут же отпрянул, испуганный душераздирающим воплем.

Арестант. Амадеюшка! Да как же это ты? Вот сетребьен... Ну, брат, а я-то думал — тебя волки съели... *(Радостно плачет.)* А это ты...

Офицер. Ладно, не дури, стой смирно...

Арестант. Амадеюшка, господин Гирос... Аи не признали? Ваше благородие, ты меня не признал, а ведь это я, пуркуа...

Офицер. Какой Гирос? Какие волки?.. Чего прикидываешься?

Арестант. Да нечто я не вижу? Грек, итальянец... Дал бы я тебе денег, да все у Левушки остались... Помнишь Левушку, ваше благородие?

Офицер. Не придуривайся, тебе говорят... Пора вроде...

Арестант (сникнув). Теперь куды ж?

Офицер. Теперь в Сибирь, на каторгу.

Арестант. Значит, мне одному платить?

Офицер. А кому же еще?

Арестант. Амадеюшка, али я тебе добра не хотел?

Офицер. Эй, трогай! Пошли... Чтоб ты сгинул, проклятый мошенник!..

И тут же арестантская шинель медленно сползла с плеч преступника, и все увидели, что на нем клетчатые панталоны цвета беж и сюртук из коричневого альпага, обшитый по бортам коричневой же шелковой тесьмой.

Каторжник слегка пошевелил руками, переступил едва заметно и, цепи, словно устав под собственной тяжестью, легко соскользнули на землю.

— Постой! — тоненьким голоском, полным отчаяния, закричал офицер. — погоди! — И закрыл лицо руками...

— Вот теперь хорошо, — сказал преступник. — Мерси... — И сложа на груди руки, вытянулся весь, застыл на мгновение и вдруг начал медленно подниматься в воздух, все выше, выше и полетел легко и свободно, не меняя торжественной позы, с

едва заметной благостной улыбкой на устах, озаренный пламенем заката, все выше, выше, пока не превратился в маленькую красную точку и не исчез совсем в сумеречном небе.

*Сентябрь 1969 — июнь 1970
Дубулты*